

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

ВОПРОСЫ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ

1 (51) 2022
Москва

JOURNAL OF PSYCHOLINGUISTICS

1 (51) 2022
Moscow

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Уфимцева Наталья Владимировна, *главный редактор*, доктор филологических наук, профессор, Москва (Россия)

Красных Виктория Владимировна, *заместитель главного редактора*, доктор филологических наук, профессор кафедры общей теории словесности Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва (Россия)

Мягкова Елена Юрьевна, *заместитель главного редактора*, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории языка и перевода Тверского государственного университета, Тверь (Россия)

Лингарт Андрей Александрович, доктор филологических наук, профессор, декан филологического факультета МГУ, Москва (Россия)

Терентий Ливиу Михайлович, кандидат политических наук, доктор филологических наук, ректор Московской международной академии, Москва (Россия)

Бубнова Ирина Александровна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой зарубежной филологии Московского городского педагогического университета, Москва (Россия)

Дмитрюк Наталья Васильевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и литературы Южно-Казахстанского государственного педагогического университета, Шымкент (Казахстан)

Ионова Светлана Валентиновна, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания Института русского языка им. А.С. Пушкина, Москва (Россия)

Кирилина Алла Викторовна, доктор филологических наук, профессор, МО РФ, Москва (Россия)

Марковина Ирина Юрьевна, кандидат филологических наук, профессор, директор Института лингвистики и межкультурной коммуникации Первого Московского государственного медицинского университета им. И.М. Сеченова (Сеченовский университет), Москва (Россия)

Пильгун Мария Александровна, доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Российский государственный социальный университет, Москва (Россия)

Харченко Елена Владимировна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка как иностранного Южно-Уральского государственного университета, Челябинск (Россия)

Шапошникова Ирина Владимировна, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора русского языка в Сибири ИФЛ СО РАН; профессор кафедры общего и русского языкознания ГИ Новосибирский государственный университет, Новосибирск (Россия)

Балясникова Ольга Вениаминовна, кандидат филологических наук, доцент Института лингвистики и межкультурной коммуникации Первого Московского государственного медицинского университета им. И.М. Сеченова (Сеченовский университет), Москва (Россия)

Дмитрюк Сергей Валерьевич, *ответственный секретарь*, кандидат филологических наук, редактор издательского отдела Московской международной академии, Москва (Россия)

Жукова Лариса Станиславовна, кандидат филологических наук, Москва (Россия)

Митирева Любовь Николаевна, кандидат филологических наук, заведующая кафедрой иностранных языков Института языкознания РАН, Москва (Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Ахиджакова Марьет Пшимафовна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой общего языкознания Адыгейского государственного университета, Майкоп (Россия)

Ахутина Татьяна Васильевна, доктор психологических наук, профессор, факультет психологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва (Россия)

Бутакова Лариса Олеговна, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой русского языка, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Омск (Россия)

Гридина Татьяна Александровна, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой общего языкознания и русского языка Уральского государственного педагогического университета, Екатеринбург (Россия)

Гриценко Елена Сергеевна, доктор филологических наук, профессор, руководитель департамента прикладной лингвистики и иностранных языков, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Нижний Новгород (Россия)

Гуц Елена Николаевна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка факультета филологии и медиакоммуникаций, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Омск (Россия)

Демьянков Валерий Закиевич, доктор филологических наук, профессор, заведующий отделом теоретического и прикладного языкознания, главный научный сотрудник Института языкознания РАН, Москва (Россия)

Завьялова Виктория Львовна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации, Дальневосточный федеральный университет, Владивосток (Россия)

Карасик Владимир Ильич, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего и русского языкознания ФГБОУ ВО Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина, Москва (Россия)

Ли Тоан Тханг, доктор филологических наук, профессор, Ханой (Вьетнам)

Мамаева Татьяна Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, декан филологического факультета, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, Красноярск (Россия)

Мартин Ф. Линч, Ph.D., профессор Университета Рочестера, Рочестер (США)

Овчинникова Ирина Германовна, доктор филологических наук, профессор, Хайфа (Израиль)

Пешкова Наталья Петровна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой иностранных языков естественных факультетов Башкирского государственного университета, Уфа (Россия)

Поляков Федор Борисович, доктор, профессор, директор Института славистики Венского университета, Вена (Австрия)

Сергиева Наталья Станиславовна, доктор филологических наук, профессор кафедры менеджмента и маркетинга Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина, Сыктывкар (Россия)

Стернин Иосиф Абрамович, доктор филологических наук, профессор, директор Центра коммуникативных исследований Воронежского государственного университета, Воронеж (Россия)

Тарасов Евгений Федорович, доктор филологических наук, профессор, Москва (Россия)

Теркулов Вячеслав Исаевич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка Донецкого национального университета, Донецк (Донецкая Народная Республика)

Хуан Тяньдэ, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник факультета русского языка Института европейских языков и культур Гуандунского университета иностранных языков и международной торговли, Гуанчжоу (Китай).

Цзюй Юньшэн, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник центра исследования русского языка, культуры и литературы Хэйлунцзянского университета, Харбин (Китай)

Чжао Цюэ, доктор филологических и педагогических наук, профессор, директор Института славянских языков Харбинского педагогического университета, Харбин (Китай)

Чугунова Светлана Александровна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории английского языка и переводоведения ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского», Брянск (Россия)

EDITORIAL BOARD

Natalya V. Ufimtseva, *Chief editor*, Doctor of Philology, Professor, Moscow (Russia)

Victoria V. Krasnykh, *Deputy editor*, Doctor of Philology, Professor of Department of Discourse and Communication Studies, Lomonosov Moscow State University, Moscow (Russia)

Elena Yu. Myagkova, *Deputy editor*, Doctor of Philology, Professor, Professor of Department of Theory of Language and Translation, Tver State University, Tver (Russia)

Andrey A. Lipgart, Doctor of Philology, Professor, Dean of Faculty of Philology, Moscow State University, Moscow (Russia)

Liviu M. Terentiy, Candidate of Political Science, Doctor of Philology, Rector of Moscow International Academy, Moscow (Russia)

Irina A. Bubnova, Doctor of Philology, Professor, Head of Foreign Philology Chair, Moscow City University, Moscow (Russia)

Natalya V. Dmitryuk, Doctor of Philology, Professor, Professor of Department of the Russian Language and Literature, South Kazakhstan State Pedagogical University, Shymkent (Kazakhstan)

Svetlana V. Ionova, Doctor of Philology, Professor of Department of General and Russian Linguistics, Pushkin State Russian Language Institute, Moscow (Russia)

Alla V. Kirilina, Doctor of Philology, Professor, Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow (Russia)

Irina Yu. Markovina, Candidate of Philology, Professor, Director of Institute of Linguistics and Intercultural Communication, Sechenov University, Moscow (Russia)

Maria A. Pilgun, Doctor of Philology, Professor, Senior Researcher, Russian State Social University, Moscow (Russia)

Elena V. Kharchenko, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of the Russian Language as Foreign, South Ural State University, Chelyabinsk (Russia)

Irina V. Shaposhnikova, Doctor of Philology, Professor, Chief Researcher of Sector of the Russian Language, Institute of Philology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Professor at Chair of General and Russian Linguistics, Novosibirsk State University, Novosibirsk (Russia)

Olga V. Balyasnikova, Candidate of Philology, Assistant Professor, Institute of Linguistics and Intercultural Communication, Sechenov University, Moscow (Russia)

Sergey V. Dmitryuk, *Executive secretary*, Candidate of Philology, Editor of Publishing Department of Moscow International Academy, Moscow (Russia)

Larisa S. Zhukova, Candidate of Philology, Moscow (Russia)

Lubov N. Mitireva, Candidate of Philology, Head of Foreign Languages Department, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

ACADEMIC ADVISORY BOARD

Mariet P. Akhidzhakova, Doctor of Psychology, Professor, Head of Department of General Linguistics, Adyghe State University, Maykop (Russia)

Tatyana V. Akhutina, Doctor of Psychology, Professor, Professor of Faculty of Psychology, Moscow State University, Moscow (Russia)

Larisa O. Butakova, Doctor of Philology, Professor, Head of The Russian Language Department, Dostoyevsky Omsk State University, Omsk (Russia)

Tatyana A. Gridina, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of General Philology and The Russian Language, Ural State Pedagogical University, Yekaterinburg, (Russia)

Elena S. Gritsenko, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Applied Linguistics and Foreign Languages, National Research University Higher School of Economics, Nizhny Novgorod (Russia)

Elena N. Gutz, Doctor of Philology, Professor of the Russian Language Department, Faculty of Philology and Media Communications, Dostoyevsky Omsk State University, Omsk (Russia)

Valery Z. Demyankov, Doctor of Philology, Leading Researcher, Professor, Head of General and Applied Linguistics Department, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Viktoriya L. Zavyalova, Doctor of Philology, Docent, Professor of Department of Philology and Cross-cultural Communication, Far Eastern Federal University, Vladivostok (Russia)

Vladimir I. Karasik, Doctor of Philology, Professor, Professor at Chair of General and Russian Linguistics, Pushkin State Russian Language Institute, Moscow (Russia)

Ly Toan Thang, Doctor of Philology, Professor, Hanoi (Vietnam)

Tatyana V. Mamaeva, Candidate of Philology, Docent, Dean of Philology Faculty, Astafyev Krasnoyarsk State Pedagogical, Krasnoyarsk (Russia)

Martin F. Lynch, Ph.D., Professor, University of Rochester, Rochester (USA)

Irina G. Ovchinnikova, Doctor of Philology, Professor, Haifa, (Israel)

Natalya P. Peshkova, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Foreign Languages for Science Faculties, Bashkir State University, Ufa, (Russia)

Fyodor B. Polyakov, Doct. Habil., Professor, Head of Department of East Slavic literature, Institute of Slavic Studies, University of Vienna, Vienna (Austria)

Natalya S. Sergiyeva, Doctor of Philology, Professor of Management and Marketing Department, Sorokin Syktyvkar State University, Syktyvkar (Russia)

Iosif A. Sternin, Doctor of Philology, Professor, Director at Communications Studies Centre, Voronezh State University, Voronezh (Russia)

Evgeny F. Tarasov, Doctor of Philology, Moscow (Russia)

Vyacheslav I. Terkulov, Doctor of Philology, Professor, Head of The Russian Language Department, Donetsk National University, Donetsk, (Donetsk People's Republic)

Huang Tiande, Candidate of Philology, Leading researcher of The Russian Language Department, Institute of European Languages and Cultures, Guangdong University of Foreign Studies, Guangzhou (China)

Ju Yunsheng, Doctor of Philology, Leading Researcher at the Centre for the Study of the Russian Language, Culture and Literature of Heilongjiang University, Harbin (China)

Zhao Qiuye, Doctor of Philology and Pedagogy, Professor, Director of Institute of Slavic Languages, Harbin Normal University, Harbin (China)

Svetlana A. Chugunova, Doctor of Philology, Docent, Professor of Department of the English Language Theory and Translation Studies, Ivan Petrovsky Bryansk State University, Bryansk (Russia)

Содержание

Памяти И.А. Стернина	8
ПАМЯТИ В.И. ШАХОВСКОГО	
Памяти В.И. Шаховского	10
Дронов П.С., Ковшова М.Л. (<i>Москва, Россия</i>)	
К вопросу о концептуализации эмоций во фразеологии: фразеологические конструкции типа <i>С какого перепуга? С какой радости?</i>	12
Ионова С.В. (<i>Москва, Россия</i>)	
Лингвопсихология эмоций в концепциях современного языкознания	26
Svetlana S. Takhtarova, Darya L. Abuzyarova (<i>Kazan, Russia</i>)	
Mitigation in Indirect Communication: Implicit Speech Acts	40
Щирова И.А., Гурочкина А.Г. (<i>Санкт-Петербург, Россия</i>)	
Лингвистика на междисциплинарных перекрестках: интегративные научные исследования как объективная необходимость	48
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	
Бубнова И.А. (<i>Москва, Россия</i>)	
Динамика индивидуального цветовосприятия как отражение изменений национальной культуры	56
Горохова Д.В. (<i>Москва, Россия</i>)	
Специфика содержания и психологической структуры значения слова <i>советский</i> (по данным психолингвистического эксперимента)	66
Маланов С.В. (<i>Москва, Россия</i>)	
К вопросу об альтернативных теоретических основаниях психолингвистики	76
Сидорова М.Ю. (<i>Москва, Россия</i>)	
Психиатрическая лингвистика и синтаксическая теория	92
Стернин И.А. (<i>Воронеж, Россия</i>)	
Лексикографическое и экспериментальное описание языкового значения	112
Хабаров А.А., Цзя Шуюэ (<i>Москва, Россия</i>)	
Этнокультурные особенности вербального овнешнения идеологии «социализма с китайской спецификой»	122
Трибуна молодых ученых	
Юй Минчжу (<i>Москва, Россия</i>)	
Особенности понятия «коллективизм» в сознании китайцев и русских (на материале ассоциативных экспериментов и корпусов китайского и русского языков)	137
РЕЦЕНЗИИ	
Солодовникова Н.Г., Сорокина Е.А. Эмотивная лингвоэкология современных и древних текстов. Волгоград: Перемена, 2021. 270 с. (Волкова П.С.)	149
НАШИ ЮБИЛЯРЫ	
Анне Петровне Клименко – 90!	156
Владимиру Ильичу Жельвису – 90!	157
Поздравление Александру Петровичу Сковородникову!	158
ИНФОРМАЦИЯ	

Content

In Memory of I.A. Sternin	8
IN MEMORY OF V.I. SHAKHOVSKIY	
In Memory of V.I. Shakhovskiy	10
Svetlana V. Ionova (<i>Moscow, Russia</i>)	
Linguopsychology of Emotions in the Modern Linguistics Concepts	12
Pavel S. Dronov, Maria L. Kovshova (<i>Moscow, Russia</i>)	
Conceptualisation of Emotions in Phraseology: a Case Study of Figurative Units Similar to <i>S Kakogo Perepugu? S Kakoj Radosti?</i> ‘What For’	26
Svetlana S. Takhtarova, Darya L. Abuzyarova (<i>Kazan, Russia</i>)	
Mitigation in Indirect Communication: Implicit Speech Acts	40
Irina A. Schirova, Alla G. Gurochkina (<i>Saint Petersburg, Russia</i>)	
Linguistics at Interdisciplinary Intersections: Integrative Scientific Research as an Objective Necessity	48
THEORETICAL AND EXPERIMENTAL STUDIES	
Irina A. Bubnova (<i>Moscow, Russia</i>)	
Dynamics of Individual Color Perception as a Reflection of Changes in National Culture	56
Dariya V. Gorokhova (<i>Moscow, Russia</i>)	
The Specifics of the Content and Psychological Structure of the Meaning of the Word <i>Soviet</i> (According to the Psycholinguistic Experiment)	66
Sergey V. Malanov (<i>Moscow, Russia</i>)	
On the Question of Alternative Theoretical Foundations of Psycholinguistics	76
Marina Yu. Sidorova (<i>Moscow, Russia</i>)	
Psychiatric Linguistics and Syntactic Theory	92
Joseph A. Sternin (<i>Voronezh, Russia</i>)	
Lexicographic and Experimental Description of Language Meaning	112
Artyom A. Khabarov, Jia Shuyue (<i>Moscow, Russia</i>)	
Ethnocultural Features of Verbal Expression of the Ideology of Socialism With Chinese Characteristics	122
YOUNG SCHOLARS’ STUDIES	
Yu Mingzhu (<i>Moscow, Russia</i>)	
Features of the Concept “Collectivism” in the Minds of the Chinese And Russians (Based on the Associative Experiments and Corpora of the Chinese and Russian Languages)	137
REVIEWS	
Solodovnikova N.G., Sorokina E.A. Emotive Liguistic Ecology of Modern and Ancient Texts. Volgograd: Peremena, 2021. 270 p. (Volkova P.S.)	149
OUR ANNIVERSARIES	
On the 90 th Anniversary of Anna P. Klimenko	156
On the 90 th Anniversary of Vladimir I. Zhelvis	157
Congratulations to Alexander P. Skovorodnikov!	158
INFORMATION	

Иосиф Абрамович Стернин
(29.04.1948 – 05.03.2022)

5 марта 2022 года на 74-м году после тяжёлой и продолжительной болезни ушёл из жизни большой учёный и замечательный человек, Заслуженный деятель науки РФ, доктор филологических наук, член совета Российской психолингвистической ассоциации; председатель Воронежской психолингвистической ассоциации; член Международной ассоциации прикладной психолингвистики, руководитель магистерской программы «Психолингвистика и лингвокриминалистика», руководитель Воронежской ассоциации экспертов-лингвистов, заместитель председателя Российской ассоциации исследователей, преподавателей и учителей риторики; президент Воронежской риторической ассоциации; заместитель председателя общественного консультативного совета по русскому языку в сфере публичного использования при Воронежской областной думе; член Союза журналистов России, руководитель Центра коммуникативных исследований Воронежского государственного университета, руководитель научных грантов – Иосиф Абрамович Стернин.

Вклад И.А. Стернина в науку трудно переоценить. Его труды по теории языка, семантике, контрастивной и когнитивной лингвистике, психолингвистике, теории речевого воздействия, риторике, лингвокриминалистике известны не только в России, но и за рубежом, они издавались на английском, немецком и арабском языках.

Благодаря инициативе Иосифа Абрамовича была опубликована коллективная монография «Российская психолингвистика: итоги и перспективы (1966–2021)», включившая все направления отечественной психолингвистики.

Замечательным качеством Иосифа Абрамовича было умение привлекать к научной деятельности студентов, пробуждать в них тягу к познанию законов лингвистики. Он был главой Воронежской научной школы общего и русского языкознания, и под его руководством было защищено 15 докторских и 77 кандидатских диссертаций.

С 1995 по 2014 год Иосиф Абрамович Стернин руководил кафедрой общего языкознания и стилистики, и в этот период кафедра стала одной из лучших в Воронежском государственном университете.

И.А. Стернин вел огромную просветительскую работу. Он был инициатором создания в Воронеже Службы русского языка, радиопередачи «Территория слова», организации конкурсов риторики в школах, проводил ежегодные мероприятия, посвященные русскому языку, в воронежских библиотеках. Иосиф Абрамович был ярким лектором, способным увлечь любую аудиторию – от профессора до школьника.

Иосиф Абрамович был не только выдающимся ученым и прекрасным организатором, он был замечательным человеком, всегда и всем готовым помочь. В 2016 году профессор Стернин и его сестра – профессор Марина Абрамовна Стернина – создали Фонд поддержки молодых ученых-лингвистов. Многие аспиранты, магистранты, студенты получали средства из этого Фонда. Иосифа Абрамовича отличала активная жизненная позиция, он имел огромный авторитет не только в научной, но и общественной сферах.

С огромным уважением и искренней любовью относились к этому замечательному человеку все, кому посчастливилось с ним общаться. И для всех, кто знал Иосифа Абрамовича, его смерть стала невосполнимой утратой.

Вечная память!

ПАМЯТИ В.И. ШАХОВСКОГО

Виктор Иванович Шаховский
(09.01.1939 – 26.01.2022)

Не стало большого ученого, лингвиста – доктора филологических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации, Почетного доктора Волгоградского государственного социально-педагогического университета, его главного научного сотрудника Виктора Ивановича Шаховского.

Виктор Иванович – основатель, самый преданный и яркий представитель российской школы лингвистики эмоций и теории эмотивной лингвоэкологии. В сознании научной общественности в нашей стране и за рубежом его имя ассоциативно прочно связано с научной областью лингвистики эмоций, теории языка, лингвистической семантики, стилистики английского языка, коммуникативной лингвистики и дискурсологии.

В.И. Шаховский родился в городе Николаевске Волгоградской области. В 1963 году окончил Волгоградский педагогический институт, а затем в течение трех лет работал учителем иностранных языков в Приморской средней школе. После этого обучался при Московском педагогическом институте им. Н.К. Крупской, в 1969 году защитил кандидатскую диссертацию. После защиты в Институте языкознания РАН докторской диссертации по инновационной для того времени теме «Категоризация эмоций в лексико-семантической системе (на материале английского языка)» продолжил работу в родном вузе. Проходил стажировку в Кембриджском и других престижных университетах мира. Работал заведующим кафедрой второго иностранного языка, основал и много лет заведовал кафедрой языкознания ВГСПУ. В.И. Шаховский, более 60 лет жизни отдавший своему вузу, несомненно, по уровню теоретической мысли был ученым академического уровня. Вырастил более 50 кандидатов и докторов наук и огромное количество студентов, магистрантов, аспирантов, слушателей его курсов. Награжден Знаком Министерства Просвещения СССР «За отличные успехи», грамотами Министерства просвещения СССР, Почетными знаками ВГПИУ.

В.И. Шаховский – автор почти 400 публикаций, он был постоянным участником и приглашенным докладчиком самых значимых международных научных форумов. Его имя внесено в наиболее престижные энциклопедии ученых; книги В.И. Шаховского занимают почетное место в библиотеках Кембриджа, Оксфорда, Британской библиотеки.

Благодаря трудам В.И. Шаховского лингвистика эмоций сегодня воспринимается как признанная междисциплинарная область знания, достижения которой учитываются в сферах искусствоведения, педагогики, журналистики, рекламы, медицины, юрислингвистики, конфликтологии, менеджмента, искусственного интеллекта. Главное, чего достиг В.И. Шаховский, – это обоснование высокой общественной значимости лингвистики как гуманитарной науки, способной не только решать теоретические задачи, но и участвовать в разработке масштабных социальных проектов: «Лингвистика эмоций и эмотивная лингвоэкология уже многого достигли в теоретическом отношении <...>, но ещё предстоит самое главное – как внедрить всё это в практику общения? И как сделать людей добрее, этичнее, справедливее и более эмоционально уравновешенными?»¹.

Сегодня ссылки на работы ученого представлены в библиометрических базах научного цитирования, рассеяны в библиографических списках, текстах диссертаций, внутривузовских сносках многочисленных работ молодых исследователей и ученых с мировыми именами, которые с благодарностью принимают и развивают его идеи.

Пусть дела В.И. Шаховского находят продолжение, а его мысли воплощаются в новые теории, делающие нашу жизнь гуманнее.

Вечная память!

¹ Шаховский В.И. Коммуникация в эмоциональной сфере человека: экологический и эмоциональный интеллект // Эмоциональная сфера человека в языке и коммуникации: синхрония и диахрония: Материалы международной конференции. М.–Ярославль: Издательство Канцлер, 2018. С. 160.

УДК 81.23

ББК 81

DOI 10.30982/2077-5911-2022-51-1-12-25

Научная статья

**К ВОПРОСУ О КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ЭМОЦИЙ ВО ФРАЗЕОЛОГИИ:
ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ КОНСТРУКЦИИ ТИПА
С КАКОГО ПЕРЕПУГА? С КАКОЙ РАДОСТИ?**

Дронов Павел Сергеевич

Институт языкознания Российской Академии наук, Москва, Россия

Ковшова Мария Львовна

Институт языкознания Российской Академии наук, Москва, Россия

Аннотация

В статье рассматривается ряд фразеологизмов, образованных по модели *с какого N_{Gen}: с какой стати, с какого бодуна, с какого перепугу, с какой радости*. В таких фразеологических конструкциях, имеющих форму риторического вопроса, концептуализируется выражение сомнения в существующих причинах для тех или иных действий, поступков. Анализируется структура фразеологических конструкций, их значение и употребление, особенности частичной или полной десемантизации опорных компонентов, ставится вопрос о синонимии или вариативности единиц данного фразеологического ряда. Особое внимание уделяется вопросу о том, могут ли эмотивные опорные компоненты, или компоненты, называющие эмоции (испуг, радость), сохранять эмотивное значение, будучи филлерами в данной конструкции. Выявляются сочетаемостные ограничения, основанные на грамматической принадлежности филлеров или на семантических оттенках, если они сохранились. На широком материале НКРЯ обосновывается вывод о том, что эмотивные компоненты перепуг, радость в составе фразеологических конструкций *с какого перепугу/перепуга* и *с какой радости* не утратили мотивированную внутреннюю форму; фразеологизмы с эмотивными компонентами сохраняют оттенки эмотивного значения.

Ключевые слова: концептуализация, фразеологические конструкции, эмотивный компонент, эмотивное значение, вариативность

Введение

Эмоции представляют собой одну из самых сложных систем внутреннего мира человека [Изард 2021: 36]. «Чтобы анализировать эмоции (или любую другую область семантики) ясно и точно, нам необходим соответствующий семантический метаязык» [Wierzbicka 1995: 235, перевод наш – П.Д., М.К.]. Языковой концептуализации эмоций посвящены ставшие классическими исследования [Шаховский 2008, 2018]. Так, согласно В.И. Шаховскому, «... концептуализация эмоций осуществляется и на языковом, и на параязыковом уровнях. На обоих уровнях они отражаются, конструируются и выражаются (эксплицируются) в соответствующих формах, лексикализованных или экстралингвистических, но обязательно, семантизированных и потому коммуникативно релевантных. В любом случае эмоции человека всегда в процессах общения являются смыслонесущими факторами. <...> В роли концептуализатора знаний об эмоциях выступает человеческое сознание/мышление, которое накапливает, обобщает

и конструирует (реконструирует) знание о них, т.е. концептуализирует их и присваивает им лексикализованную или паралингвистическую символику (код)» [Шаховский 2008: 26]. Изучение многообразия концептуализации эмоций в лексике и фразеологии продолжает оставаться в центре внимания исследователей; см., например, базовые работы [Апресян В.Ю., Апресян Ю.Д. 1993; Апресян В.Ю. 2010; Зализняк, Левонтина, Шмелев 2012]. Семантика и прагматика прилагательных эмоциональной оценки анализируется в ряде статей [Ковшова 2019, 2020, 2021]. Важным вкладом в лингвистическую теорию стала гипотеза В.И. Шаховского об эмотивном значении. Так, согласно данной гипотезе, «эмотивное значение слова не является отражением эмоций только данного говорящего. Оно не индивидуально, а представляет собой обобщенное отражение “социальной эмоции”. В этом отношении эмотивное значение носит такой же социальный характер, как и логико-предметное значение: оно соотносимо с соответствующими эмоциями любого носителя данного языка <...> Каждый индивид, естественно, варьирует типизированную эмоцию, подгоняет ее под то или иное слово (знак этой эмоции) в зависимости от своего индивидуального опыта, но в пределах социального (обобщенного опыта). Это обеспечивает дифференциацию эмоций через эмотивное значение того или иного языкового средства» [Шаховский 2008: 54–55]. В диалоге с гипотезой В.И. Шаховского в работе [Дронов, Иоанесян, Ковшова 2020] на материале разных языков проводится анализ моделей номинации эмоции «страх» в лексике и фразеологии, исследуется отражение устойчивых представлений о данной эмоции во внутренней форме фразеологизмов.

Объектом внимания в настоящем исследовании являются эмотивные компоненты во фразеологических конструкциях, построенных по определенной модели; цель работы – проследить структурно-семантические особенности фразеологизмов данного ряда, исследовать роль эмотивных компонентов – слов, именующих эмоции, – и их способность сохранять оттенки эмотивного значения.

Фразеологические выражения, образованные по модели *с какого N_{Gen}* , могут быть отнесены к такому типу фразеологизмов, как фразеологические конструкции, или фразеосхемы. Фразеологические конструкции данной модели имеют вид риторического вопроса и являются фразеологическим эквивалентом местоименного наречия *почему*. В основе мотивации подобных фразеологических конструкций лежит прототипическая ситуация: «кто-л. высказывает сомнение в обоснованности каких-либо событий или действий»; сомнение высказывается в виде риторического вопроса. Определим формулу такого высказывания: «С какого Р (почему, по какой причине) происходит S (событие) или X (лицо, социум) совершает Z (действие, поступок)?». Опорными компонентами в составе таких фразеологических конструкций выступают нейтральные и экспрессивные лексические номинации Р: право, повод, резон, статья, радость, перепуг, переполох, леший, дьявол и др. Среди этих номинаций есть и номинации эмоций; ср.: *с какого перепуга, с какой радости*.

Особенности употребления конструкции *с какого N_{Gen}*

Согласно данным [НКРЯ], в русской речи XIX в. бытовали выражения *с какого права*; *с какого повода* и их варианты по какому праву; по какому поводу (ср. нем. *aus welchem Grund, aus dem Grund*). Лексемы *право*, *повод* могли употребляться как в прямом, так и в расширительном значении, с долей отвлеченной метафоризации. Ср. примеры с лексемой *право* в прямом и в расширительном значении:

(1) а. «...*с какого права* признано необходимым, чтобы Сербия, Болгария, Босния не смели устраиваться по-своему...?» (М.Е. Салтыков-Щедрин. Мелочи жизни (1886–1887)) [НКРЯ].

б. «А *с какого права* можешь ты быть скептиком?» (И.С. Тургенев. Дворянское гнездо (1859)) [НКРЯ].

Современным аналогом выражений является построенный по данной модели общеупотребительный фразеологизм *с какой стати*, имеющий более широкий эмоциональный диапазон и способный, в отличие от выражений *с какого права*, *с какого повода*, трансформироваться в риторическое восклицание, ср.:

(2) а. «Отчего я титулярный советник и *с какой стати* я титулярный советник?» (Н. В. Гоголь. Записки сумасшедшего (1835)) [НКРЯ].

б. «– А тебе он не сообщил об отъезде? – спросил Кянукук. – *С какой стати?* – Таня дёрнула плечиком». (Василий Аксенов. Пора, мой друг, пора (1963)) [НКРЯ].

с. «– Нет, нет, нет, *с какой же стати!*» (М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита, часть 2 (1929–1940)) [НКРЯ].

В современной русской речи в составе фразеологических конструкций активнее используются видовые понятия, в которых конкретизируются родовые понятия: повод или причина, объясняющие происходящее, ср.: *с какого перепуга*, *с какой радости*, *с какого перепоя* и др. При этом в семантический фокус фразеологизмов входит сомнение в значимости тех или иных поводов и причин. Риторический вопрос эксплицирует иронию, которая усиливается в тех конструкциях, где в качестве опорных слов используются сниженная и субстандартная лексика, в том числе обцензизмы, ср.: *с какого рожна*, *с какого ляду*, *с какого бодуна*, *с какого дьявола*, *с какого хрена* и др. Такие экспрессивные опорные компоненты по-своему также являются эмотивными, но в данном исследовании эмотивными компонентами мы будем называть те, что именуют эмоции испуг, радость, горе и др. Безусловно, экспрессивные компоненты дьявол, леший, хрен и под. участвуют в создании эмотивного значения большинства единиц данного фразеологического ряда; грубость «снимает» всякие сомнения в обоснованности доводов; риторический вопрос трансформируется в брань и оскорбление. Ср.:

(3) а. «– Слушайте, Аркадий Леонидович, а *с какого рожна* вы Столетову рассказывали о производственных преступлениях гражданина Гасилова?» (Виль Липатов. И это все о нем (1984)) [НКРЯ].

б. «Хотя *с какого лешего* он здесь взялся?» (Андрей Белянин. Свирепый ландграф (1999)) [НКРЯ].

с. «[Карлос Кастанеда, муж] Так *с какого х**я* я должна переживать, бояться, нервничать?» (коллективный. Форум: Умение действовать прямо (2008–2013)) [НКРЯ].

Тем самым, построенные по одной модели, нейтральные и экспрессивные фразеологические конструкции выстраиваются в семантический ряд, при этом существенно растет количество выражений, концептуализирующих аффектированные реакции (по [Bally 1926: 119]).

Усилению экспрессивности также способствует свобода и подвижность синтаксической структуры фразеологизмов, допускающей разнообразное варьирование, например: *с какого бодуна*, *невесть с каких бодунов*; *с какого ляда*, *на кой / какой ляд*, *за каким лядам* и др. Экспрессивность усиливается за счет редупликации местоименного вопросительного компонента: *с какой такой*, *с какой-такой*, *с какого такого*, *с какого-такого*; возможно включение модальных частиц: *с какого это*; кроме того, в дискурсе возможен эллипсис: *с какого?* Ср. отдельные примеры:

(4) а. «Но *с какой такой радости* бюджет должен брать на себя их финансирование?» (Игнатов Владимир. КАКАЯ ПАРТИЯ ЛУЧШЕ // Труд-7, 2005.03) [НКРЯ].

б. «[crustgroup, муж] *С какого-такого яду?* Что, уже отменили термодинамику указом ЦК КПСС?» (коллективный. Форум: Звёздочка моя, солнышко земное (NUC21) (2013)) [НКРЯ].

Иронию усиливают мелиоративные и пейоративные добавки, которые вводятся в состав конструкции: *с какого, извините; с какого, спрашивается; с какого, блин; чёрт-те с какого* и др. Ср., например:

(5) а. «Водитель просигналил. *А с какого, спрашивается, хрена?* Я достал сигарету, медленно закурил и даже стал смотреть в другую сторону – на огромный рекламный щит за забором» (А.А. Голицын. Ящик. История одного шоу // «Волга», 2009) [НКРЯ].

б. «Ору: *а с какой, блин, стати*, я должен час тратить на то, чтобы это выяснить?» (А.И. Слаповский. Разнобой // «Волга», 2012) [НКРЯ].

Фразеологические конструкции, которые построены в виде риторического вопроса, могут трансформироваться в утвердительную и другие формы, ср., например:

(6) а. «Напился старый дуралей и *сам не знает, с какой радости...*» (А.П. Чехов. Лебединая песня (Калхас) (1887)) [НКРЯ].

б. «*С какой такой радости он счастлив*, Елизавете *не объяснишь*. [Андрей Дмитриев. Воскобоев и Елизавета (1992)] [НКРЯ].

с. «[Jigurda, nick] Только я не понял, *с какого хрена* все возрадовались» (коллективный. Форум: Железный Человек, Iron Man (2008)) [НКРЯ].

О продуктивности фразеологических конструкций, построенных по модели *с какого N_{Gen}*, говорят многочисленные окказионализмы, ср.:

(7) а. «*С какого ветру* могут у него возникнуть деньги?» (Галина Щербакова. Подробности мелких чувств (2000)) [НКРЯ].

б. «И уж не удивлялись, не спрашивали друг у друга, *с какой прыти* пацан, подросши, стал бречтать на балалайке...» (Ким Балков. Балалайка // «Сибирские огни», 2013) [НКРЯ].

с. «*С какого это угару* я стану первого встречного одаривать?» (В. Печенкин. «Мы ж культурные люди!...» // «Человек и закон», 1978) [НКРЯ].

д. «Не пойдешь стрелять большевиков? – *С какого благополучия?* – Нужно эту гадость уничтожить» (В. Лихоносов. Ненаписанные воспоминания. Наш маленький Париж. Ч. 3–4 (1983)) [НКРЯ].

Гипотетическая замена опорных компонентов в сходных контекстах не меняет значения фразеологизмов, но может влиять на степень экспрессивности, на стилистический регистр высказывания, ср., например:

(8) а. «*Да и с какой стати* им деньги платить?» (Героиновый тюремщик // «Криминальная хроника», 2003.07.24) [НКРЯ].

б. «*С какого это угару* я стану первого встречного одаривать?» (В. Печенкин. «Мы ж культурные люди!...» // «Человек и закон», 1978) [НКРЯ].

Контрастность сниженных, грубых опорных слов во фразеологических конструкциях с ближайшим лексическим окружением подчеркивает иронию или отрицание любых доводов, которые ничтожны, как сами эти опорные слова, ср.:

(9) а. «– Это *с какого бодуна*, Мишаня, ты православным-то заделался?» (Алла Боссарт. Повести Зайцева // «Дружба народов», 1998) [НКРЯ].

б. «[Солнушко, nick] *С какого х*я* я должен строить толерантные отношения...?» (Национал-анархизм (форум) (2006)) [НКРЯ].

Исходя из сказанного, можно утверждать, что фразеологические конструкции, построенные по модели *с какого N_{Gen}*, образуют не синонимический, а вариативный ряд, в котором есть как нейтральные, так и, по большей части, экспрессивные субституты. В целом, варьирование фразеологических единиц можно представить как шкалу. На одном ее полюсе фразеологизмы с неизменным и застывшим компонентным составом, а на другом – фразеосхемы [Шмелев 1971], также известные как синтаксические фразеологизмы [АГ-80] и фразеологизмы-конструкции [Баранов, Добровольский 2013: 86–90]. Ср. следующее определение: «Синтаксически автономные выражения устойчивого состава, в которых пропущены некоторые элементы (актанты – обычные или пропозициональные). Причем фиксированные элементы конструкции, вместе с ее синтаксисом, характеризуются единым значением, приближающимся к лексическому» [Баранов, Добровольский 2013: 88].

В то же время на пропущенные актанты (для слов, их заполняющих, мы используем термин «филлеры») накладываются некоторые сочетаемостные ограничения, основанные на их грамматической принадлежности или семантических оттенках, если они не утратились. Могут ли эмотивные компоненты, будучи филлерами, во фразеологических конструкциях *с какого перепугу/перепуга, с какой радости*, сохранять оттенки эмотивного значения (см. [Шаховский 2008: 53–67])?

Для начала рассмотрим фразеологические конструкции *с какого перепугу* и *с какой стати* и сравним их структурные возможности.

С какой стати, с какого перепугу: структурные особенности

Фразеологизм *с какой стати* среди всех единиц данного ряда наиболее частотен по употреблению: [НКРЯ] фиксирует 1195 вхождений из 3549 в основном подкорпусе, 425 из 1790 в газетном подкорпусе. Заметно отличие в употреблении основной формы *с какой стати* и других форм. У *с какой стати* фиксирован порядок слов, однако данное выражение допускает определенное варьирование и нарушение целостности при употреблении, ср.:

(10) а. «***И с какой такой стати*** он должен гонять полупорожним туда-сюда, да еще в выходной?» (Вадим Перельмутер. Записки без комментариев (2001–2003) // «Октябрь», 2003) [НКРЯ].

б. «– ***А с какой стати*** мы будем платить, например, за воду, – сказала одна дама в богатой меховой шапке чуть ли не из бобра, – если ее отключают по несколько раз на дню? – ***А с такой стати***, что в принципе вода есть!» (Вячеслав Пьецух. Бог в городе // «Новый Мир», 2001) [НКРЯ].

Пара *с какой стати* – *с такой стати* близка к речевой формуле с вопросно-ответной структурой и, в сущности, эквивалентна паре *почему – потому что*. При этом невозможно употребление **со стати*.

Ср. также выражение *с какой причины*, зафиксированное в XIX – первой половине XX вв.:

(11) а. «Ему по природе души целовальником быть, а он, ***неизвестно с какой причины***, в монахи лезет» (Максим Горький. Жизнь Матвея Кожемякина (1910)) [НКРЯ].

б. «Приснился раз, ***Бог весть с какой причины***, // Советнику Попову странный сон» (А.К. Толстой. Сон Попова» (1873)) [НКРЯ].

Похожим образом обстоит дело при заполнении пропущенного актанта существительным *перепуг*:

(12) а. А *с какого перепуга, почему* они должны быть депутатами? (Беседовала Наталья Рожкова. «Ленина и Сталина нужно было оставить в XX веке» // lenta.ru, 2016.03) [НКРЯ].

б. «Пусть пресса знает», – повторял он, когда Лизавета удивлялась, *с какого перепугу* он посвящает ее в подробности странных оперативных комбинаций» (Елизавета Козырева. Дамская охота (2001)) [НКРЯ].

с. «Никто не снизошел даже до пошлых машинальных оскорблений, до грубости вызывающе принижающих жестов или до красноречивого молчания, прямо стенания ярко говорящих косых взглядов – так он был возренье их уничтожен и выглядел сущо пустотой, *с какого-то перепугу* втеснившейся в узковатую для желаний квартиру и только подчеркивающей жалостливое отсутствие некоторых важных, льнущих к человеку вещей, какие есть в других порядочных домах и без каких не бывает, не может быть хоть капельку уважающего себя дома, горящегося именем скромным и тихим своим. (Валерий Володин. Что-то не тянет домой (легенда о нашем человеке) // «Волга», 2010) [НКРЯ].

Приведенные контексты употреблений фразеологизма *с перепугу* указывают на сохранение эмотивных оттенков значения у опорного компонента; важно отметить, что представление о сильном испуге, концептуализированное во фразеологизме *с перепугу*, сосуществует с конструкцией в форме риторического вопроса: *с какого перепуга/перепугу*, данная форма подчеркивает высокую степень удивления. На примере (12а) видно, что *с какого перепуга* и *почему* являются синонимами, однако выражение *с какого перепуга* более экспрессивно; при этом оба выражения вводят риторический вопрос, который имплицитно содержит отрицание: *с какого перепуга они должны быть депутатами* равнозначно *они не должны быть депутатами*.

Та же крайняя степень удивления видна в (12 б): *с какого перепугу он посвящает ее в подробности*. Выбор именно этого эмотивного компонента обусловлен наличием между эмоциями удивления и страха базовой связи, обусловленной сходством их нейрофизиологических механизмов [Tomkins 1962, 1963].

В (12с) замена местоимения *какой* на *какой-то* превращает риторический вопрос в утверждение: *с какого-то перепугу втеснившейся* означает ‘неизвестно почему втеснившейся’. Такие же пары (*какой* vs. *какой-то*) образуют варианты *с переляку* – *с какого переляку* (украинизм *переляк* – ‘испуг’):

(13) а. «То есть она-то дала по отдельности, а он *с переляку* сунул листок машинально в тетрадь» (Нина Катерли. Дневник сломанной куклы // «Звезда», 2001) [НКРЯ].

б. «Томная моя, родная Украина, куда ж ты подевалась? И *с какого же ты переляку* так стараешься?» (Михаил Левитин. Брат и благодетель. Роман. «Октябрь» 2004, №3) [ГИКРЯ].

В Национальном корпусе русского языка обнаруживается один пример *с какого испугу*: «Например, “Динамо» хочет получить компенсацию за Овечкина. Сколько там? Десять миллионов? С *какого испугу?*» (Советский спорт, 2008.02) [НКРЯ]. Несмотря на единичный и явно окказиональный пример, здесь мы видим ту же самую семантику удивления, ассоциируемого с испугом.

Как можно заметить, при заполнении конструкции филлером *перепуг* и его синонимами (*переляк, испуг*) оттенки эмотивного значения *перепуга* сохраняются в несколько трансформированном и переосмысленном виде: сильный испуг обозначает крайнюю степень удивления. Это характерно как для риторических вопросов, так и для утверждений.

С какой радости vs. с радости: семантика и прагматика

Во фразеологической конструкции *с какой радости* опорный эмотивный компонент практически во всех случаях сохраняет оттенки своего значения. Как правило, выражение *с какой радости* хоть и выражает сомнение в обоснованности довода – радости, но употребляется в контексте праздника (имеется вариант *с какого праздника*). Праздник предполагает радость, которая, согласно стереотипам русского сознания, находит проявление в застолье, пьянстве, пляске, громком пении, смехе, драке и др. С подобными стереотипами радости и соотносятся события или действия, о которых идет речь, ср., например:

(14) а. «Вы что же это кутите, генерал? *С чего, с какой радости?* Вдруг селянка, шампанское...» (Вас.И. Немирович-Данченко. Цари биржи (1886)) [НКРЯ].

б. «Он говорил: давай бутылочку выпьем. А я: *с какого праздника?* Ты что – алкоголь?» (Галина Щербакова. Дивны дела Твои, Господи... (2001)) [НКРЯ].

с. «Эй ты, непутевый, *с какой радости* песни горланишь?» (Д.Н. Мамин-Сибиряк. С голоду (1891)) [НКРЯ].

д. «Скалит зубы и сам не знает, *с какой радости...*» (А.П. Чехов. Циник (1885–1886)) [НКРЯ].

е. «Из-за чего подрались? *С какой радости?*» (Юрий Трифонов. Утоление жажды (1959–1962)) [НКРЯ].

Большинство контекстов употребления связано с темой пьянства, ср., например:

(15) а. «– Да ты где, каналья, шары-то налил?... а?! *С какой радости...* а?! Люди работают, надрываются, а он...» (Д.Н. Мамин-Сибиряк. Бойцы (1883)) [НКРЯ].

б. «– Что ты, ей-богу, спятил, что ли? Вот надрался-то, *с какой радости?* – Н-ну... в смысле это...» (Алла Боссарт. Повести Зайцева // «Дружба народов», 1998) [НКРЯ].

Действительно ли такой повод, как радость, обусловлен ситуацией праздника или пьянства? Обратимся к исходному выражению *с радости* и с опорой на словари создадим толкование – в силу/по причине состояния внутреннего удовлетворения, веселого настроения' [Даль, 2004, т. 3: 450; Ожегов, Шведова 2006: 640]; будучи готов «к благоденствию – его совершению или восприятию» [Степанов 1997: 309]. Согласно исследованию семантики и прагматики прилагательного *радостный* в работе М.Л. Ковшовой [Ковшова 2021], радость – эмоция позитивная, явная, громкая, диалогичная, суггестивная. Этим представлениям отвечают и примеры употребления фразеологизма *с радости*, ср.:

(16) а. «Да не трещотка я, не трещотка, это я *с радости* разговорилась» (Виктор Астафьев. Пролетный гусь (2000)) [НКРЯ].

б. «Сестры возле отца, прыгают *с радости*, и прыгают светлые их косы, – свежее полотенце держат» (И.С. Шмелев. Лето Господне (1927–1944)) [НКРЯ].

Как и фразеологическая конструкция риторического типа *с какой радости*, фразеологизм *с радости* часто употребляется в контексте разгула и пьянства, ср., например:

(17) а. «[Asyuta, nick] Жених невесту выкупил..., открывает шампанское, и все *с радости* пьют» (Курьезы на свадьбах (форум) (2004)) [НКРЯ].

б. «... только что с Крайнего Севера прибывший с толстой денежной сумой “орел” нажрался *с радости*, подвигив захотелось – и увел самосвал» (Виктор Астафьев. Печальный детектив (1982–1985)) [НКРЯ].

с. «А люди *с радости* за бутылку. Неделю обмывали, как выразился Петр Житов, “переход на высший этап” да неделю свою домашнюю канцелярию в порядок приво-дили» (Федор Абрамов. Дом (1973–1978)) [НКРЯ].

В языковом сознании с радостью связано также представление об интеллектуальном и эмоциональном потрясении и потере контроля над собой; это представление иронически означает с помощью выражения *с радости*, ср.:

(18) а. «Я *с радости* чуть не помер, / А брат мой в штаны намочил» (С.А. Есенин. Анна Снегина : «Село, значит, наше – Радово...» (1925)) [НКРЯ].

б. «Молчи, ополоумела *с радости*, что ли?..» (С.А. Клычков. Князь мира (1927)) [НКРЯ].

с. «Никак ты, Силыч, в разуме рехнулся *с радости-то?*» (П.И. Мельников-Печерский. На горах. Книга первая (1875–1881)) [НКРЯ].

д. «Я в восхищении. Я вне себя *с радости*» (Д.И. Фонвизин. Бригадир (1783–1786)) [НКРЯ].

Радость – эмоция субъективная, поэтому употребление «слов радости» сопряжено с теми или иными формами контроля, в частности, используются конструкции с причинно-следственной связью. Ср., например:

(19) а. «Гуляка поп Иван, за пьянство приговоренный Пугачёвым к виселице, *с радости, что получил помилование*, пил без просыпу еще несколько дней» (В.Я. Шишков. Емельян Пугачев. Книга вторая. Ч. 1–2 (1939–1945)) [НКРЯ].

б. «И дала мне понять, что ассигнует на это дело, *с радости, что выздоравливает*, 30 р. (П.Н. Филонов. Дневник (1930–1939)) [НКРЯ].

с. «И гогочет *с радости, что бьет и что убить может, а – наказан не будет!*» (Максим Горький. Жизнь Клима Самгина. Часть 2 (1928)) [НКРЯ].

Вернемся к фразеологической конструкции риторического типа и рассмотрим единицу *с какой радости-печали*. Понятия радости и печали в русской культуре противопоставлены друг другу. Представляется, что соединение таких контрастных понятий во фразеологизме с двойной редупликацией *с какой такой радости-печали* служит усилению сомнения, ср.:

(20) «*С какой такой радости-печали* Солоненко согласился на проект “Час червей”?» (Андрей Измайлов. Трюкач (2001)) [НКРЯ].

С другой стороны, сложение контрастных понятий, радости и печали, в одно целое основано на представлении об исходной связи противоположных эмоций, которые, во многом, субъективны и которые могут исходить из разных интерпретаций какой-либо ситуации. В русской речи в одном высказывании часто соединяются два автономных выражения: *с радости, с горя*. Соединение, разделение или противопоставление опорных компонентов этих двух выражений возникает, главным образом, при описании темы праздника или пьянства. Ср. также *напиться с радости* и *напиться с горя*. В контексте при перечислении и с радости и с горя может отсутствовать запятая, что указывает на стихийное объединение выражений в один фразеологизм, ср.:

(21) а. «... ведь в России только и знают, что плясать *с радости или с горя*» (А.Е. Рекемчук. Мамонты (2006)) [НКРЯ].

б. «Ведь в будущем я всегда бы мог растягивать меха – *и с горя и с радости*, а так закончится спорт – и никакого выхода чувствам» (Пара, в которой трое (2000–2001)) [НКРЯ].

с. «И не поймешь, *то ли с горя, то ли с радости*, что Гиены Борисовны больше нет» (Елена и Валерий Гордеевы. Не все мы умрем (2002)) [НКРЯ].

д. «Вместе когда-то переживали поправки из обкома, придирки военных, *выпивали с горя и с радости...*» (Валерий Попов. Очаровательное захоlustье (2001)) [НКРЯ].

Отметим также, что имеется вариант с отрицанием *не с радости*, и его расширение в контексте: *не с радости, а с горя*; ср., например:

(22) а. «– Э, милая, – вздыхала старуха, – все мы тут *не с радости...*» (Дина Рубина. На солнечной стороне улицы (1980-2006)) [НКРЯ].

б. «И то сказать, *не с радости, а с горя пьешь*» (Д.С. Мережковский. Смерть богов. Юлиан Отступник (1895)) [НКРЯ].

с. «– *Не с радости, а с гадости*, – смеется Марина» (Валентина Осеева. Динка (1959)) [НКРЯ].

д. «Кто *пьет с горя*, кто *с радости*, а мы — с утра. [Лариса Васильева. Страна Дураково // Комсомольская правда, 2002.02]

Заключение

Во всех фразеологических конструкциях, образованных по семантико-синтаксической модели *с какого N_{Gen}*, в качестве опорного компонента используются понятия, которые выступают в качестве доводов (право, радость, сильный испуг, влияние нечистой силы и др.), способных объяснить (оправдать) какие-либо события или действия. Так фразеологические конструкции *с какой стати*, *с какого перепуга*, *с какой радости* и др. кодируют стереотипные представления о тех вещах, что влияют на ход жизни и служат весомым обоснованием происходящего, в число которых входит перепуг, радость, праздник, перепой и др. При этом в фокусе кодирования находится сомнение в использовании таких доводов; по мнению говорящего, происходящее нельзя обосновать ни апелляцией к праву, ни ссылкой на радость или перепуг, ни указанием на вмешательство нечистой силы и др. Вследствие иронического отношения к обоснованности происходящего, опорные компоненты десемантизируются, что, в свою очередь, способствует идиоматизации выражений и использованию в качестве опорных компонентов сниженной лексики и обсценизмов. Установлено, что в составе фразеологических конструкций, построенных по семантико-синтаксической модели *с какого N_{Gen}*, могут использоваться как нейтральные, так и экспрессивные компоненты; ср., например: *с какой стати*, *с какого рожна*, *с какого лешего*, *с какого хрена* и др. «Эмотивная лексика сознательно отбирается говорящими в рамках существующего кода, т.е. ее отбор контролируется сознанием говорящих в зависимости от ситуации общения. Коммуникативность эмотивов – единиц языка с эмотивным типом семантики – заключается в том, что они сообщают о душевном волнении говорящего, передают некую эмоциональную информацию (одновременно с фактуальной или независимо от нее), вызывают ответную эмоциональную реакцию» [Шаховский 2008: 56].

На основании проведенного анализа следует считать фразеологические конструкции, построенные по данной семантико-синтаксической модели, не синонимами, а вариантами, опорные компоненты которых являются филлерами. Вариативный ряд развивается путем прибавления аффектированных единиц со сниженными и субстандартными опорными компонентами и благодаря подвижности синтаксической структуры.

На заполнение актантов во фразеологических конструкциях накладываются некоторые сочетаемостные ограничения, основанные на грамматической принадлежности филлеров или вызванные семантическими оттенками, если они сохранились. На основании проведенного анализа можно утверждать, что эмотивные компоненты, называющие эмоции испуг, радость, горе и др., не десемантизируются полностью, сохраняют оттенки эмотивного значения; что фразеологизмы с данными эмотивными компонента-

ми более свободны и подвижны структурно и семантически, чем многие фразеологизмы данного фразеологического ряда, несмотря на то, что в их состав входят сниженные и обценные экспрессивные компоненты, которые формируют эмотивное значение данных фразеологических конструкций, являющихся, в целом, фразеологическими эмотивами. Изучение концептуализации эмоций во фразеологии в аспекте эмотивного значения, по В.И. Шаховскому, позволяет выявить особенности в семантике и прагматике фразеологизмов с эмотивными опорными компонентами – номинациями эмоций испуг, радость – и говорить об определенной силе и «стойкости» таких номинаций в ситуации десемантизации.

© Дронов П.С., Ковшова М.Л., 2022

Литература

АГ-80 – Русская грамматика: научные труды: в 2 т. / ред. Брызгунова Е.А., Габучан К.В. М.: Институт русского языка имени В.В. Виноградова, 2005. 1496 с.

Апресян В.Ю. Речевые стратегии выражения эмоций в русском языке // Русский язык в научном освещении, 2010. № 2 (20). С. 26–56.

Апресян В.Ю., Апресян Ю.Д. Системная лексикография. метафора в семантическом представлении эмоций // Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. С. 453–465.

Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Основы фразеологии (краткий курс). Учебное пособие. М: Флинта; Наука. 2013. 312 с.

ГИКРЯ – Генеральный Интернет-Корпус Русского Языка [Электронный ресурс]. URL: <https://webcorpora.ru>. (Дата обращения: 11.02.2022).

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Совмещенная редакция изданий В.И. Даля и И.А. Бодуэна де Куртенэ. В 4 т. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2004. Т. 1. 640 с.; Т. 3. 576 с.

Дронов П.С., Иоанесян Е.Р., Ковшова М.Л. Образы страха в культурно-языковых сообществах (на материале славянских, германских, романских и кельтских языков) // *Przegląd Wschodnioeuropejski*, XI / 2, 2020. Wydawnictwo Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego w Olsztynie. S. 445–454.

Изард К.Э. Психология эмоций. СПб.: Питер, 2021. 464 с.

Зализняк Анна А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Константы и переменные русской языковой картины мира. М.: Языки славянских культур, 2012. 696 с.

Ковшова М.Л. Семантика и прагматика прилагательного эмоциональной оценки приятный // Эмоциональная сфера человека в языке и коммуникации: синхрония и диахрония – 2019: Материалы международной конференции. М.: ИЯз РАН, 2019. С. 63–81.

Ковшова М.Л. Прилагательное эмоциональной оценки страшный: значение и употребление // Иоанесян Е.Р., Рябцева Н.К., Ковшова М.Л., Дронов П.С., Орлова О.С. Представление эмоциональной сферы человека на материале разных языков. Монография. Отв. ред. Е.Р. Иоанесян. М., 2020. С. 124–165.

Ковшова М.Л. Семантика прилагательного радостный и концептуализация эмоциональной оценки // Критика и семиотика. № 1, 2021. С. 159–175. DOI 10.25205/2307-1737-2021-1-159-175.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru>. (Дата обращения: 11.02.2022).

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М.: ООО «А Темп», 2006. 944 с.

Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. М.: Языки русской культуры, 1997. 824 с.

Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций: Монография. М.: Гнозис, 2008. 416 с.

Шаховский В.И. Коммуникация в эмоциональной сфере человека: экологический и эмоциональный интеллект // Эмоциональная сфера человека в языке и коммуникации: синхрония и диахрония: Материалы международной конференции. М.–Ярославль: Издательство Канцлер, 2018. С. 145–162.

Шмелев Д.Н. Современный русский язык. Лексика. Учебное пособие для студентов пед. ин-тов по специальности «Рус. язык и литература». М.: Просвещение, 1971. 335 с.

Bally, Ch. Le langage et la vie. Paris: Payot, 1926. 238 p.

Tomkins, S. S. Affect, imagery, consciousness. Vol. I. The positive affects. New York: Springer, 1962. 536 p.

Tomkins, S. S. Affect, imagery, consciousness. Vol. II. The negative affects. New York: Springer, 1963. 580 p.

Wierzbicka, A. Emotion and Facial Expression: A Semantic Perspective // Culture & Psychology, 1(2), 1995. P. 227–258. doi:10.1177/1354067x9512005.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 09.02.2022

Дата принятия к печати: 24.03.2022

Сведения об авторах

Дронов Павел Сергеевич – старший научный сотрудник Научно-образовательного центра теории и практики коммуникации им. Ю.С. Степанова, Институт языкознания Российской академии наук

Контактная информация:

125009, Москва, Большой Кисловский пер., д. 1, стр. 1

ORCID: 0000-0002-7533-7420

e-mail: dronov@iling-ran.ru

Ковшова Мария Львовна – ведущий научный сотрудник Сектора теоретического языкознания, Институт языкознания Российской академии наук

Контактная информация:

125009, Москва, Большой Кисловский пер., д. 1, стр. 1

ORCID: 0000-0002-8920-8638

e-mail: mlk@iling-ran.ru

Для цитирования:

Дронов П.С., Ковшова М.Л. К вопросу о концептуализации эмоций во фразеологии: фразеологические конструкции типа *С какого перепуга? С какой радости?* // Вопросы психолингвистики № 1(51) 2022, С.12-25. doi:10.30982/2077-5911-2022-51-1-12-25

UDC 81.23

LBC 81

DOI 10.30982/2077-5911-2022-51-1-12-25

Research Article

CONCEPTUALISATION OF EMOTIONS IN PHRASEOLOGY: A CASE STUDY
OF FIGURATIVE UNITS SIMILAR TO *S KAKOGO PEREPUGU?*
S KAKOJ RADOSTI? ‘WHAT FOR’

Pavel S. Dronov

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Maria L. Kovshova

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract

The paper deals with figurative units following the *с какого N_{Gen}* pattern, e.g. *s kakoj stati* (literally, “out of what manner”), *s kakogo boduna* (“out of what hangover”), *s kakogo perepugu* (“out of what scare”), *s kakoj radosti* (“out of what joy”), which roughly mean ‘what for, for what particular reason’. These figurative units, or phraseological constructions, take up the form of a rhetorical question and conceptualise doubt in existing reasons for certain actions or deeds. The article analyses the structure of phraseological constructions, their meaning and actual usage, and peculiarities of partial or complete desemantisation of their nominal constituents, also raising a question of synonymy or variability between the figurative units of this type. Specific attention is paid to whether emotive nominal constituents can retain their emotive meaning (in Viktor I. Shakhovskiy’s terms) while being fillers in the figurative units under consideration. The study reveals limitations on combinability based on the fillers’ grammatical properties or on their semantic ones, if these are retained. Based on the extensive material retrieved from the Russian National Corpus, the study concludes that the emotive constituents of phraseological constructions *s kakogo perepugu/perepuga* and *s kakoj radosti* do not lose their motivation and underlying metaphors. Figurative units with emotive constituents retain elements of their emotive meaning.

Keywords: conceptualisation, phraseological constructions, emotive component, emotive meaning, variability

References

AG-80 (2005) – Bryzgunova, E.A., Gabuchan, K.V. (eds) *Russkaya grammatika: nauchnye trudy: v 2 t.* [Russian Grammar: Scientific Works: In 2 Vol.] Moscow, Institut russkogo yazyka imeni V.V. Vinogradova. 1496 p. (In Russian).

Apresyan, V.Yu. (2010) Rechevye strategii vyrazheniya ehmtsii v russkom yazyke [Speech strategies of expressing emotions in Russian]. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii* [Russian Language and Linguistic Theory]. 2 (20), 26–56 (In Russian).

Apresyan, V.Yu., Apresyan, Yu.D. (1995) Sistemnaya leksikografiya. Metafora v semanticheskom predstavlenii ehmtsii [Systematic Lexicography: Metaphor in the Semantic Representation of Emotions]. In: Apresyan, Yu.D. *Izbrannye trudy. T. 2. Integral'noe opisanie yazyka i sistemnaya leksikografiya.* [Selected Works. Vol. 2. Integral Description of Language and Systematic Lexicography]. Moscow, Shkola «Yazyki russkoi kul'turY», 453–465 (In Russian).

Bally Ch. (1926) *Le langage et la vie*. Paris, Payot. 238 p.

Baranov, A.N., Dobrovolskij, D.O. (2013) *Osnovy frazeologii (kratkii kurs). Uchebnoe posobie*. [Phraseology: an Elementary Course. A Textbook]. Moscow, Flinta; Nauka. 312 p. (In Russian).

Dal', V.I. (2004) *Tolkovyi slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka. Sovmeshchennaya redaktsiya izdaniy V.I. Dal'ya i I.A. Boduehna de Kurteneh. V 4 t.* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: a Compendium of Vladimir Dal and Jan Baudouin de Courtenay's Editions. In 4 Vol.]. Moscow, OLMA-PRESS. Vol. 1. 640 p.; Vol. 3. 576 p. (In Russian).

Dronov, P., Ioanesyan, E., Kovshova, M. (2020) *Obrazy strakha v kul'turno-yazykovykh soobshchestvakh (na materiale slavyanskikh, germanskikh, romanskikh i kel'tskikh yazykov)* [Images of fear in language communities and cultures: the case of Slavic, Germanic, Romance, and Celtic languages]. *Przeгляд Wschodnioeuropejski*. XI (2). Wydawnictwo Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego w Olsztynie, 445—454 (In Russian).

GIKRYA – *General'nyi Internet-Korpus Russkogo Yazyka* [General Russian Internet Corpus]. Available from: <https://webcorpora.ru>. [Accessed 11th February 2022] (In Russian).

Izzard, C.E. (2021) *Psikhologiya ehmtsii* [The Psychology of Emotions]. St. Petersburg, Piter. 464 p. (In Russian).

Kovshova, M.L. (2019) *Semantika i pragmatika prilagatel'nogo ehmtsional'noi otsenki priyatnyi* [Semantics and pragmatics of the Russian evaluative adjective *приятный* – ‘nice, pleasant’]. In: *Ehmtsional'naya sfera cheloveka v yazyke i kommunikatsii: sinkhroniya i diakhroniya – 2019: Materialy mezhdunarodnoi konferentsii*. [Human Emotional Domain in Language and Communications: Synchrony and Diachrony – 2019. Proceedings of the International Conference]. Moscow, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, 63–81 (In Russian).

Kovshova, M.L. (2020) *Prilagatel'noe ehmtsional'noi otsenki strashnyi: znachenie i upotreblenie* [The emotive and evaluative adjective *strashnyi* ‘frightening, ugly’: meaning and actual usage]. In: Ioanesyan E.R., Ryabtseva N.K., Kovshova M.L., Dronov P.S., Orlova O.S. *Predstavlenie ehmtsional'noi sfery cheloveka na materiale raznykh yazykov. Monografiya*. [Representation of the Human Emotional Domain: A Case Study of Various Languages. A Monograph]. Ed. by Ye.R. Ioanesyan. Moscow, 124–165 (In Russian).

Kovshova, M.L. (2021). *Semantika prilagatel'nogo radostnyi i kontseptualizatsiya ehmtsional'noi otsenki* [Semantics of adjective *radostny* and conceptualization of the emotional evaluation]. *Critique and Semiotics*. (1), 159–175. DOI 10.25205/2307-1737-2021-1-159-175 (In Russian).

NKRYA – *Natsional'nyi korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. Available from: <https://ruscorpora.ru>. (Accessed 11th February 2022) (In Russian).

Ozhegov, S.I., Shvedova, N.Yu. (2006). *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenii. 4-e izd., dop.* [Russian Explanatory Dictionary: 80,000 Words and Figurative Units. 4th Edition, Extended]. Moscow, OOO “A Temp”. 944 p. (In Russian).

Shakhovskii, V.I. (2008). *Lingvisticheskaya teoriya ehmtsii: Monografiya* [The Linguistic Theory of Emotions: A Monograph]. Moscow, Gnozis. 416 p. (In Russian).

Shakhovskii, V.I. (2018). *Kommunikatsiya v ehmtsional'noi sfere cheloveka: ehkologicheskii i ehmtsional'nyi intellekt* [Communication in the emotional sphere of the person: ecological and emotional intelligence]. In: *Ehmtsional'naya sfera cheloveka v yazyke i kommunikatsii: sinkhroniya i diakhroniya: Materialy mezhdunarodnoi konferentsii*

[Human Emotional Domain in Language and Communications: Synchrony and Diachrony. Proceedings of the International Conference]. Moscow–Yaroslavl, Izdatel'stvo Kantsler, 145–162 (In Russian).

Shmelev, D.N. (1971). *Sovremenniy russkii yazyk. Leksika. Uchebnoe posobie dlya studentov ped. in-tov po spetsial'nosti «Rus. yazyk i literatura»*. [Vocabulary of Modern Russian. A Textbook for the University Course on the Russian Language and Literature]. Moscow, Prosveshchenie. 335 p. (In Russian).

Stepanov, Yu.S. (1997) *Konstanty. Slovar' russkoi kul'tury* [Constants: a Dictionary of Russian Culture]. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury. 824 p. (In Russian).

Tomkins, S.S. (1962) *Affect, imagery, consciousness. Vol. I. The positive affects*. New York, Springer. 536 p.

Tomkins, S.S. (1963) *Affect, imagery, consciousness. Vol. II. The negative affects*. New York, Springer. 580 p.

Wierzbicka, A. (1995) Emotion and Facial Expression: A Semantic Perspective. *Culture & Psychology*, 1(2), 227–258. doi:10.1177/1354067x9512005.

Zaliznyak, Anna A., Levontina I.B., Shmelev A.D. (2012) *Konstanty i peremennye russkoi yazykovoï kartiny mira* [Constants and Variables of the Russian Linguistic Worldview]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur. 696 p. (In Russian).

© Dronov P.S., Kovshova M.L., 2022

Article history:

Received: 09.02.2022

Accepted: 24.03.2022

Bionotes:

Pavel S. Dronov – Ph. D., senior research fellow, Yuri Stepanov Research Centre for Theory and Practice of Communication, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences

Contact information:

1/1 B. Kislovskiy per., Moscow, Russian Federation, 125009

ORCID: 0000-0002-7533-7420

e-mail: dronov@iling-ran.ru

Maria L. Kovshova – Ph. D. (Habil.), leading research fellow, Sector of Theoretical Linguistics, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences

Contact information:

1/1 B. Kislovskiy per., Moscow, Russian Federation, 125009

ORCID: 0000-0002-8920-8638

e-mail: mlk@iling-ran.ru

For citation:

Dronov P.S., Kovshova M.L. (2022) Conceptualisation of emotions in phraseology: A case study of figurative units similar to *S kakogo perepugu? S kakoj radosti?* ‘What for?’. *Journal of Psycholinguistics*. 1(51), pp.12-25. Available from: doi: 10.30982/2077-5911-2022-51-1-12-25 (In Russian)

УДК 81.23

ББК 88.4

DOI 10.30982/2077-5911-2022-51-1-26-39

Научная статья

ЛИНГВОПСИХОЛОГИЯ ЭМОЦИЙ В КОНЦЕПЦИЯХ СОВРЕМЕННОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Ионова Светлана Валентиновна

Государственный институт русского языка
им. А.С. Пушкина, Москва, Россия

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению лингвопсихологических концепций эмоционального аспекта языка, текста, коммуникации в современном языкознании. Демонстрируется значительная роль лингвистической теории эмоций, разработанной профессором В.И. Шаховским, в изучении эмоциональных свойств, облигаторно присущих homo loquens, категоризации эмоциональных единиц в различных языках, концептуализации эмоциональной семантики в языковом сознании человека, реализации его аффективной природы в коммуникативном поведении. Подход к рассмотрению эмоций как психологического явления с позиций лингвистики определяет лингвопсихологический аспект их описания.

Ключевые слова: лингвопсихология, психолингвистика, эмоции, эмотивность, лингвистическая теория эмоций

Введение

Эмоциональная сфера языка и речи с начала ее изучения в разных науках оценивалась как наиболее сложная и неопределенная область исследований, требующая выхода за привычные научные рамки и дисциплинарные пределы. Будучи психологической по своей природе, сфера человеческой эмоциональности в первую очередь выступает предметом психологической науки. В то же время наблюдения над закономерными явлениями объективации эмоций в речевой деятельности человека и процессом закрепления межкультурного опыта кодирования эмоций знаками национальных языков определили потребность в лингвистическом описании и объяснении эмоциональных явлений.

Для системоцентрического языкознания эмоции являлись нетипичным объектом изучения, и на начальных этапах становления новой междисциплинарной области традиционная лингвистика не способствовала ее развитию. По замечанию В.Вс. Иванова, отдельные течения в лингвистике начала прошлого века, «правильно отмечали значимость аффективной стороны языка», но это направление тогда «не получило значительного развития» [Иванов 2004: 39]. До середины 70-х гг. XX в. ученые стояли перед необходимостью отстаивать право эмоционального аспекта языка на существование в парадигмах лингвистических исследований.

В отечественной психологии к середине XX века было достигнуто признание значимости аффективного аспекта для изучения личности: «Кто оторвал мышление с самого начала от аффекта, тот навсегда закрыл себе дорогу к объяснению причин

самого мышления, потому что детерминистский анализ мышления предполагает вскрытие движущих мотивов мысли потребностей и интересов, побуждений и тенденций, которые направляют движение мысли в ту или иную сторону» [Выготский 1968:14]. Однако в лингвистике такой предмет изучения, как способность человека выражать эмоции средствами языка, вплоть до последних десятилетий XX в. не вызывал серьезного интереса языковедов, часто встречал искреннее непонимание, а иногда и сопротивление: проблема языковой концептуализации, вербализации и категоризации эмоций была экзотической и опасной: работы, изредка появлявшиеся в лингвистике на эту тему, чаще вызывали неприятие, чем интерес [Шаховский 2008]. Несмотря на признание роли эмоциональной составляющей в художественных текстах и большинстве слов во всех языках, в языкознании еще долгое время продолжали утверждать, что эта составляющая не входит в семантику слова, а представляет собой нарост, ассоциацию, входящую в концептуальное ядро [Kerbrat-Orecchioni 1977]. При описании эмоционального компонента семантики более крупных единиц предпочтительными считались метафорические обозначения «наполнение», «ореол», «дымка», «пласт».

Во многом становлению эмоциональной области лингвистики способствовала давняя традиция интерпретации и стилистического описания воздействующих текстов. Их способность волновать, заставлять переживать содержание, доставлять удовольствие с очевидностью указывало на необходимость описания данных характеристик при помощи лингвистических категорий. К концу 80-х – началу 90-х гг. XX в. появляются теоретические работы, посвященные категоризации эмоций в языке и особенностям их концептуализации (см. работы Э.С. Азнауровой, И.В. Арнольд, Ш. Балли, С.Б. Берлизон, А. Вежбицкой, Б. Волек, Ю.М. Малиновича, В.А. Мальцева, В.А. Звезгинцева, Е.М. Галкиной-Федорук, М.Д. Городниковой, Н.М. Разинкиной, Ю.А. Сорокина, Э. Станкевича, В.Н. Телия, В.И. Шаховского, А.Д. Эйчисон, Caffic, R. Janney, F. Danes, K. Dijkstra, R.A. Zwaan, A. Graesser, P.N. Johnson-Laird, J. Magliano, E.W.E.M. Kneepkens, Z. Kovecses, A. Ortony, G. Clore, A. Collins, R.C. Solomon, B. Volek, E. Jacobsen и др.). В своих исследованиях ученые обосновывали мысль о том, что лингвистические работы по семантике, прагматике и грамматике не могут быть полными без учета эмоционального фактора: в этом случае от свойственного человеческому опыту «первоначального конкретного концептуального и эмоционального содержания, от его живого тела остается лишь скелет» [Кассирер 1990: 41].

Сегодня эмоциональный аспект исследований прочно утвердился в лингвистике и рассматривается в качестве ключевого подхода к изучению языковой личности как цели и главного предмета рассмотрения антропоцентрической науки. Однако по-прежнему лингвистику эмоций называют особым, сложным, комплексным феноменом, а сама эмотиология воспринимается как междисциплинарная научная область, находящаяся на пересечении областей психо-, когнио-, прагмалингвистики, теории коммуникации и теории речевой деятельности.

Психолингвистика и лингвопсихология эмоций

Известно, что «проблемы, вышедшие за пределы одной науки, неизбежно создают новые области знания» [Вернадский 1991: 118.]. Лингвистику эмоций (эмотиологию) принято относить к дисциплинам, возникшим на стыке лингвистики и психологии. Диалектика развития сложной, многовекторной научной области эмотиологии предполагает дальнейшее расширение предмета исследования и включение в нее

большого круга задач, свойственных как лингвистике, так и психологии. Показательным в этом смысле является обозначение области исследования эмотиологии на начальных этапах ее изучения и в эпоху антропоцентрического подхода: «В центре научных интересов представителей лингвистики эмоций на данном этапе находятся проблемы динамики языкового кода, развития и реализации его скрытых возможностей; вопросы эмоциональной специфики речи в разных условиях общения, механизмов распознавания чужих эмоций и управления собственными эмоциями в процессе коммуникации, согласования эмоций разного качества, стимуляции положительных и нейтрализации отрицательных эмоций в актах межличностного, институционального и межкультурного общения; <...>эмоционального смыслового пространства языковой личности» [Шаховский 2008: 9].

Исследовательское поле эмотиологии включает традиционные вопросы языкознания (эмотивный код языка, эмотивные компоненты семантики языковых знаков, эмотивный синтаксис, эмотивная фонетика, эмоциональная речь и др.), рассматриваемые сквозь призму человека: «Выражение эмоциональных состояний в речи входит в процесс реализации системы языка» [Пищальникова 409]. Однако ее теоретический базис, составляющий суть лингвистики эмоций, предполагают постановку и решение проблем, неизбежно отсылающих к явлениям психологической природы [Залева 2005; Ионова, Штеба 2019; Пищальникова 2021: 405 – 432; Noth 1992; Dirven 1997; Gallois 1993; Gammerl 2012 и др.]. Можно без преувеличения говорить о том, что лингвистика эмоций одной из первых подняла вопрос и обосновала принципы психолингвистики личности и, безусловно, наряду с этнопсихолингвистикой и психолингвокультурологией, является направлением «неопсихолингвистики», которая, опираясь на традиции отечественной науки (психологии, психолингвистики, лингвистики, лингвокультурологии), предлагает новые перспективные пути дальнейших исследований языковой личности, языкового сознания, национально-культурного и индивидуального эмоционального сознания; разрабатывает новые подходы к изучению эмотивных языковых единиц в когнитивном аспекте [(Нео) психолингвистика и (психо)лингвокультурология 2017].

В концепциях ученых при соотнесении лингвистической и психологической составляющих новых исследовательских областей знания особо акцентируется внимание на одной из них и используется соответствующее обозначение – *лингвопсихология* и *психолингвистика*.

По определению В.З. Демьянкова, психолингвистика – исследование предмета лингвистики методами психологии (в частности, с помощью психологических экспериментов) [Демьянков 1999: 45]. Эта дисциплина исследует закономерности формирования и функционального развития опосредствованного языком образа мира человека [Леонтьев 1997: 12–13]. В области психолингвистических исследований выделяются два объекта: речевые процессы, динамично организуемые в когнитивной системе говорящего человека; стабильно существующие языковые структуры и продукты речевой деятельности как объективированный результат динамических процессов.

В психолингвистике эмоций установлено, что «фиксирование эмоциональных процессов происходит посредством психического механизма их отображения в семантике слов, используемых для вербализации эмоциональных отношений. Отображение видового опыта эмоционального состояния локализуется в смысловой

структуре соответствующих слов – образов тех объектов, с которыми они соотносятся. Это отображение кодируется в слове специфическими компонентами его семантики, которые и формируют эмотивность слова» [Шаховский 2008: 5]. В психолингвистическом аспекте рассматриваются проблемы выявления механизмов выражения эмоций в картине мира личности, развиваются понятия «языковое сознание» (А.А. Леонтьев, И.П. Сусов, Е.Ф. Тарасов), «языковая личность» (В. фон Гумбольдт, Ю.Н. Караулов, А.А. Леонтьев), «образ мира», «картина мира», «языковая картина мира» (Г.А. Брутян, Е.С. Кубрякова, А.А. Леонтьев, А.Н. Леонтьев, Р.И. Павиленис, В.И. Постовалова, Б.Н. Серебрянников, Е.С. Яковлева), «этническая картина мира» (С.В. Лурье, Р.Д. Санжаева, Ю.А. Сорокин, Н.В. Уфимцева, В.А. Пищальникова) с включением в сферу рассмотрения категории эмотивности (Л.Г. Бабенко, Е.М. Вольф, А.А. Зализняк, В.И. Жельвис, В.Н. Телия, В.И. Шаховский). Обосновываются понятия «эмотивное значение» (И.В. Арнольд, И.Р. Гальперин), «эмотивные смыслы» (Л.Г. Бабенко), «эмоциональный мозг» (П.В. Симонов), «эмоциональная доминанта» текста (И.А. Герман, В.А. Пищальникова, С.В. Ионова, А.В. Кинцель). Используются психодиагностические методы: беседа, наблюдение, экспериментальные методики исследования эмоциональных категорий, свободный ассоциативный эксперимент, шкалирование, тесты на изучение эмпатии, контент-анализ, репродуктивные методики Л.В. Щербь и Н.И. Жинкина, методы математической статистики и др. На основе многочисленных экспериментальных данных установлено, что «субъективное значение отдельных эмоций и взаимоотношений между ними поддается вполне объективному анализу и достаточно строгому измерению» [Рейковский 1979: 269].

Лингвopsихология – область исследования предмета психологии (человеческой ментальности, эмоций, сознания, перцепции) лингвистическими методами, через призму быденного языка [Демьянков 1999: 45]. По замечанию В.З. Демьянкова, лингвopsихология не стремится к собственно психологическим научным результатам, ее предмет – эмоция, отраженная в языке. Задача лингвopsихологии состоит в исследовании семантики эмоциональных единиц, использование которых в тексте «документирует» представления об их содержании, демонстрирует «выразительный потенциал языка» для его характеристики, описывает поле эмоций в разных языках. Указанный список можно дополнить такими задачами, которые определяются в лингвистических работах: *исследование семантики и экспрессивных форм эмоциональных единиц, номинация и дескрипция эмоций средствами языка, национально-культурная специфика выражения эмоций, реализация эмоционального потенциала слова; стилизация эмоциональной речи; эмоциональный синтаксис, эмоциональная просодия, эмоциональный дейксис, лексикография эмотивности, эмотивная лингвокультурология* и др. Как видно из формулировок этих задач, они относятся к сфере компетенции лингвиста, связаны с использованием традиционных лингвистических методов исследования сферы человеческой эмоциональности и описания эмоций как особого объекта изучения, имеющего сложную психологическую природу: эмоции не являются отражением предметной деятельности, а фиксируют «оценочное личностное отношение субъекта к складывающимся или возможным ситуациям, к своей деятельности и к своим проявлениям в ней» [Леонтьев 1977: 37].

Лингвopsихологический подход лежит в основе эмоциональной модели системного описания образа человека по данным его языка в московской семантической школе, включающей исследования на основе методов семантического анализа: 1)

первопричина – восприятие физическое или ментальное созерцание некоторого положения вещей; 2) непосредственная причина эмоции – интеллектуальная оценка этого положения вещей; 3) собственно эмоция, или состояние души, обусловленное положением вещей, которые человек воспринял или созерцал, и его интеллектуальной оценкой этого положения вещей; 4) внешнее проявление эмоции, которое имеет две основные формы: неконтролируемые физиологические реакции тела и контролируемые двигательные и речевые реакции субъекта на фактор, вызывающий эмоцию, или на его интеллектуальную оценку [Апресян 1995: 567].

Исследования эмоций как ядра личности во многом конкретизировали принципы антропоцентризма как доминирующего направления конца XX – начала XXI вв. Модели языковой личности, включающие когнитивный и мотивационный уровни ее структуры, предполагают эмоциональную сферу человека: «Язык одинаков для всех и различен для каждого прежде всего в сфере его эмотивности, где диапазон варьирования и импровизации семантики языковых единиц в сфере их личностных эмотивных смыслов наиболее широк и многообразен» [Шаховский, 2002: 59]. Наиболее эксплицитно это выражено в предложенной В.И. Шаховским когнитивной матрице эмоционально-коммуникативной личности, обобщающей многочисленные экспериментальные исследования психолингвистов и психологов: «Ни в одном из этих макропазлов знаний и конституирующих их микропазлов в содержание языковой личности не включена в полной мере эмоциональная компонента. Поэтому в матрицу (модель) ЯЛ я включаю еще и огромный объем знаний о ее эмоциональном аспекте, который составляет пятый макропазл матрицы» [Шаховский 2018: 54–79].

В то же время четкую границу между психолингвистикой и лингвопсихологией эмоций, как и между другими областями изучения языка и речи, провести проблематично: «Разные науки проявили на протяжении истории интерес к явлениям языка и речи, так что не всегда легко квалифицировать их по характеру как психологические, лингвистические или иные» [Нелюбин, Хухуни, 2003: 9–15]. Методология психолого-лингвистических подходов к эмоциям демонстрирует, что они могут выступать как объектом концептуализации и языковой репрезентации, так и способом концептуализации действительности, поскольку уже доказана значительная роль эмоций в когнитивной обработке информации, ее запоминания, переработки, извлечения из памяти, в построении образов. И тогда исследование эмоциональных процессов и эмоциональных маркеров продуктов речевой деятельности необходимо рассматривать как две стороны единого психолого-лингвистического механизма. Свидетельством синкретизма психолингвистического и лингвопсихологического аспектов рассмотрения языковых явлений могут служить работы известных ученых. Так, в экспериментальных психолингвистических исследованиях И.А. Зимней используется термин «лингвопсихология» при характеристике речевой деятельности и речевых процессов, поскольку, по мнению исследовательницы, для их изучения необходимо объединение усилий разных наук: лингвистики, психолингвистики, психосемантики, нейролингвистики, психофизиологии, психологии» [Зимняя 2001: 5]. Раскрытие структуры значений и смыслов языковых единиц в московской психолингвистике признается плодотворным путем изучения сознания человека, «поскольку детерминантами сознания являются семиотические конструкции (знак, значение)», несмотря на отсутствие прямого изоморфизма между языком и сознанием [Уфимцева, 2000: 207–220]. Напротив, в работах В.И. Шаховского и П.С.

Волковой именно поверхностная структура эмоционального текста, его семиотика служат выявлению механизма познающей и смыслообразующей деятельности сознания, который строится на основе распределения идеальных реальностей, презентруемых средствами прямой номинации и всеми ресурсами текста [Шаховский, Волкова 2017: 138]. Взаимозависимость двух аспектов рассмотрения психолого-лингвистической природы эмотивности подтверждает тезис о том, что «отношение мысли к слову есть прежде всего не вещь, а процесс, это отношение есть движение от мысли к слову и обратно – от слова к мысли» [Выготский 1934: 269].

Векторы лингвopsихологии эмоций

Современное состояние лингвистики эмоций демонстрирует переход этой области знания в сферу востребованных социальных практик [Ионова 2019: 124–131]: консорциум всемирной паутины (W3C) принял первый стандарт описания человеческих эмоций в Интернете; международное сообщество по эмоциональному интеллекту (ISEIP) поставило задачу превращения «работающего эмоционального интеллекта» в бизнесе и образовании; разработка инновационного проекта говорящего робота в бета-версии поискового приложения «Яндекс» стимулировала создание лингвистической технологии распознавания и воспроизведения естественных эмоций; эффективно ведется разработка вариантов Русского эмоционального корпуса и т.д.

В фундаментальных исследованиях естественной речи человека, стимулируемых новыми формами письменной разговорной речи в сетевой коммуникации, большое значение придается разработке лингвистических характеристик естественной эмоциональной речи и эмоционального поведения человека в различных коммуникативных условиях [Bamberg 2009; Carr 2010; Dijkstra 1994; Harré 2009; Zappettini, Ponton, Larina 2021]. Требуют уточнения и конкретизации существующие данные об эмоциональной жизни человека по данным языка [Апресян 1995; Galasinski 2005] с учетом новых коммуникативных реалий. В этом смысле лингвopsихологический подход, позволяющий использовать всю широту исследовательских процедур, лингвистических инструментов, направленных на изучения объективированных свидетельств эмоционализации всех сфер нашей жизни [Alba-Juez, Larina 2018; Breeze 2020], сегодня становится приоритетным для решения задачи описания специфики новых функциональных условий использования эмоционального языка в разных видах речевых практик.

Развитие представлений о естественных эмоциональных процессах, во многом расширяет методологию их изучения: от абстрактных образов «чистых» эмоций, которые традиционно являлись предметом описания и фиксации средствами языка, к изучению знаков смешанных динамических эмоциональных явлений «с учетом многообразия интенций коммуникантов, их эмоциональных реакций, функций, высказываний, корпуса паттернов эмоционального коммуникативного поведения» [Ионова, Штеба 2019]. Данная задача обуславливает необходимость разработки подходов к описанию эмотивных комплексов – знаковой фиксации одновременной реализации нескольких способов выражения эмоций средствами русского языка и речи для передачи сложных внутренних состояний говорящих [Harré 2009; Dirven 1997]. Речь идет об эмотивных комплексах, объединяющих в себе различные вербальные способы (номинативный, дескриптивный, экспрессивный) экспликации сложных эмоциональных состояний; о сочетаниях вербальных и невербальных средств выражения эмоций; об усилении выразительных возможностей языка, актуализирующих единицы разных уровней для

описания многообразных эмоциональных проявлений.

Исчисление используемых объективных показателей при объективации эмоциональных состояний предполагает выделение *согласованных* (относящихся к одной группе эмоциональных состояний: страх, гнев, печаль, радость и т.п.) и *несогласованных* (содержащих асимметрию эмотивных признаков) эмотивных комплексов. Переход от знака к его содержанию и функционированию позволяет устанавливать противоречия в способах экспликации эмоциональных состояний (например, при соотношении экспрессивных репрезентаций эмотивности их интенсивности), диагностировать эмоциональные ситуации неискренней коммуникации, симуляции эмотивности. При этом имитация и симуляция могут проявляться как отражение коммуникативной цели говорящего [Hess 2014] или как неизбежное свойство репрезентации эмотивности, отраженное в самом понятии эмотивности – изображения эмотивности в речи и тексте, которое никогда не бывает полностью тождественным предмету обозначения.

Анализ зависимости используемых эмотивов от типов эмоциональных ситуаций позволяет делать выводы о психологии эмоциональной речевой деятельности личности в новых дискурсивных сферах (сетевой коммуникации, новых медиа, мессенджерах, дистанционных конференциях и др.) [Mackenzie, Alba-Juez 2018; Zappettini, Ponton, Larina 2021], способствовать предотвращению рисков эмоциональной агрессии в сетевом общении и ее критического разрешения в продолжающейся реальной коммуникации.

Значимой для современных исследований является фиксация динамических процессов, характерных для выражения типичных эмотивов (интереса, удивления, любви, радости, гнева, ненависти, презрения), представителями разных социальных групп [Alba-Juez, Larina 2018; Gallois 1993; Gammerl 2012]. Так, уже сегодня имеются наблюдения лингвистов, касающиеся специфики выражения эмотивов в естественной устно-письменной коммуникации молодежи поколения Z+: усиления тенденции к амбивалентности и нейтрализации дифференциальных признаков вербализуемых эмотивов, широкого использования возможностей поликодовой и полимодальной коммуникации, унификации форм выражения позитивных и негативных эмотивов [Bamberg 1997; Carr 2010; Breeze 2020].

Прикладные исследования в области эмоционального интеллекта [Goleman 1997] демонстрируют явную потребность в практико-ориентированной лингвистической системе эмотивных знаков, необходимой для диагностики речевого поведения испытуемых, корректировки диагностических тестов и опросников, в которых, психологами, как правило, используется только номинативный способ вербализации эмотивов [Сергиенко, Ветрова 2010; Bradley, Lang 1994]. В лингвопсихологии эмотивов давно установлено, что для анализа самоотчетов испытуемых использования номинации эмотивов явно недостаточно, поскольку этот способ объективации эмоциональной информации включает значительный элемент рационализации и не позволяет получить достоверные данные о внутренних состояниях реципиентов [Besemeres, Wierzbicka 2009].

Разработанная и хорошо апробированная лингвопсихологическая методология эмотивов [Шаховский 2008] способна описывать более широкий круг когнитивных и нейролингвистических процессов. Уже сегодня она востребована в лингвосенсорике и психологии тактильности [Bradley, Lang 1994; McGlone, Wessberg, Olausson 2014], в

исследованиях по лингвистической диагностике личности, в педагогике, социологии больших и малых групп, в различных практических областях нашей деятельности [Ионова 2019], где необходим анализ потенциальных состояний личностей на основе объективных, хорошо систематизированных, теоретически обоснованных и закономерно применяемых систем эмотивных знаков.

Заключение

Говоря о важности построения непротиворечивой «методики рационализации эмоций» как общественно полезной теории и способа практического действия, В.И. Шаховский подчеркивал необходимость накопления лингвистических знаний об эмоциях и развития представлений о возможностях эмоционального языка: «В настоящее время она <эмотиология> кладезь новых знаний о концептуализации, вербализации (экспрессии, дескрипции и номинации) эмоций, добытых как в отечественной, так и в зарубежной лингвистике» [Шаховский 2003: 3]. По сути, в этом тезисе сформулирован принцип лингвопсихологического подхода к исследованию области человеческой эмоциональности: для того чтобы говорить о факторах психологического характера, необходимо иметь систему хорошо обоснованных лингвистических инструментов, дающих доступ к когнитивной сфере человека и его речевой деятельности. А при возможности их экспериментальной проверки методами психолингвистики степень достоверности результатов исследований значительно повышается.

© Ионова С.В., 2022

Литература

- Апресян Ю.Д.* Интегральное описание языка и системная лексикография. Избранные труды. Том II. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. 767с.
- Вернадский В.И.* Научная мысль как планетарное явление. М.: Наука, 1991, 118 с.
- Выготский Л.С.* Мышление и речь: психологические исследования. М.-Л.: Гос. учеб. пед. изд.-во, 1934. 325 с.
- Выготский Л.С.* О двух направлениях в понимании эмоций в зарубежной психологии в начале XX в. // Вопросы психологии. 1968. №2. С. 149–156.
- Демьянков В.З.* Лингвопсихология // Вопросы лингвистики и лингводидактики на современном этапе: Материалы VII научно-практической конференции. М.: Московский педагогический университет, 1999. С. 45–51.
- Залевская А.А.* Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избранные труды. М.: Гнозис, 2005.
- Зимняя И.А.* Лингвопсихология речевой деятельности. М.: Московский психолого-социальный институт, Воронеж: НПО «МОДЭК», 2001. 432 с.
- Иванов В.Вс.* Лингвистика третьего тысячелетия. М.: Языки славянской культуры, 2004. 208 с.
- Ионова С.В.* Лингвистика эмоций – наука будущего // Известия Волгоградского государственного педагогического университета, 2019, № 1 (134). С. 124–131.
- Ионова С.В., Штеба А.А.* Смешанные эмоции: к вопросу о лингвистической репрезентации и метаязыке описания // Вопросы психолингвистики, 2019. № 2 (40). С. 63–81. DOI: 10.30982/2077-5911-2019-40-2-63-8
- Кассирер Э.* Сила метафоры // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 33–43.
- Кунин А.В.* Курс фразеологии современного английского языка: учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. Москва: Высш. шк., 1986. 336 с.

- Леонтьев А.А.* Основы психолингвистики. М.: Смысл, 1997. 287 с.
- Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. 2-е изд. Москва: Политиздат, 1977. 304 с.
- Нелюбин Л.Л., Хухуни Г.Т.* История и теория перевода в России. М.: Изд-во МГОУ, 2003. 140 с.
- (Нео)психолингвистика и (психо)лингвокультурология: новые науки о человеке говорящем / под ред. В.В. Красных. М.: Гнозис, 2017. 392 с.
- Пищальникова В.А.* История и теория психолингвистики. М.: Р.Валент, 2021. 488 с.
- Сергиенко Е.А., Ветрова И. И.* Тест Дж. Мэйера, П. Сэловея и Д. Карузо «Эмоциональный интеллект» (MSCEIT v. 2.0). Руководство. М.: Институт психологии РАН, 2010. 176 с.
- Рейковский Я.* Экспериментальная психология эмоций. М.: Прогресс, 1979. 392 с.
- Уфимцева Н.В.* Языковое сознание и образ мира славян // Языковое сознание и образ мира. М., 2000. С. 207–220.
- Шаховский В.И.* Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1987. 190 с.
- Шаховский В.И.* Языковая личность в эмоциональной коммуникативной ситуации // Филологические науки. 2002. № 4. С. 59–67.
- Шаховский В.И.* Лингвистическая теория эмоций. М.: Гнозис, 2008. 416 с.
- Шаховский В.И., Волкова П.С.* Эмотивность как принцип познающей и смыслообразующей деятельности сознания // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2017. № 4. С. 138–163.
- Шаховский В.И.* Когнитивная матрица эмоционально-коммуникативной личности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика [Russian Journal of Linguistics], 2018. Т. 22. №1. С. 54–79. doi: 10.22363/2312-9182-2018-22-1-54-79.
- Эмотивный код языка.* Коллективная монография / Науч. ред. В.И. Шаховский. Волгоград: Перемена, 2005. 175с.
- Aitchison J.* Cognitive clouds and semantic shadows. *Language and Communication*. Oxford, 1985. P. 69–93.
- Alba-Juez L., Larina, T.* Language and emotion: Discourse-pragmatic perspectives. *Russian Journal of Linguistics*. (Special issue: The Discourse of Emotion). 2018. №22 (1). P. 9–37. <https://doi.org/10.22363/2312-9182-2018-22-1-9-37>.
- Bamberg M.* Emotional talk(s): the role of perspective in the construction of emotions. *The Language of Emotions* / M. Bamberg. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing House. 1997. P. 209–226.
- Besemeres M.* Emotion terms as a window on culture, social psychology and subjective experience / M. Besemeres, A. Wierzbicka // Языки эмоции: номинативные и коммуникативные аспекты: Сборник научных трудов к юбилею Виктора Ивановича Шаховского / Отв. ред. С.В. Ионова. Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2009. С.14–31.
- Breeze R.* Angry tweets: A corpus-assisted study of anger in populist political discourse. *Journal of Language Aggression and Conflict* 2020. №8 (1). P. 118–145.
- Bradley M.M., Lang P.J.* Measuring Emotion: the Self-Assessment Manikin and the Semantic Differential. *Journal of Behavior Therapy and Experimental Psychiatry*, 1994. Vol. 25, no. 1, pp. 49–59. DOI: 10.1155/2015/136172

Carr N. The Shallows: What the Internet Is Doing to Our Brains. New York, NY: W. W. Norton, 2010.

Danes F. Cognition and Emotion in Discourse Interaction: A Preliminary Survey of the Field / F. Danes // Proceedings of the 15th International Congress of Gammerl, Benno. 2012. "Emotional styles – concepts and challenges." Rethinking History. 2012, 16(2). P. 161–175. <https://doi.org/10.1080/13642529.2012.681189>

Dirven R. Emotions as cause and the cause of emotions. The Language of Emotions / R. Dirven. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company. 1997. P. 55–86.

Emotion in Discourse / Ed. by Mackenzie J. Lachlan Laura Alba-Juez. Amsterdam and Philadelphia: John Benjamins, 2019.

Galasinski D. Men and the Language of Emotions / D. Galasinski London: Palgrave Macmillan, 2005.

Gallois C. The Language and Communication of Emotion: Interpersonal, Intergroup, or Universal? / C. Gallois // American Behavioral Scientist. 1993. V. 36. P. 309–338.

Goleman D. Emotional Intelligence. Why it can matter more than IQ/ D. Goleman. N.Y.; London: Bantam Books, 1997.

Harré R. Emotions as cognitive-affective-somatic hybrids / R Harré // Emotion Review. 2009. №1 (4). P.294–301.

Hess U. Emotional Mimicry: Why and When We Mimic Emotions / U. Hess, A. Fisher // Social and Personality Psychology Compass. 2014. №8/2. P. 45–57.

Kerbrat-Orecchioni C. La connotation. Presses universitaires de Lyon, 1977.

McGlone F., Wessberg J., Olausson H. Discriminative and Affective Touch: Sensing and Feeling. Neuron. 2014. №82 (4). P.737–755.

Noth W. Symmetries and Asymmetries between Positive and Negative Emotion Words / W. Noth // Proceedings. Tübingen: Niemeier, 1992.

Schachter S. Cognitive, Social, and Physiological Determinants of Emotional State / S. Schachter, J. Singer // Psychological Review. 1969. P. 379–399.

Zappettini F., Ponton D.M., Larina T.V. Emotionalisation of contemporary media discourse: A research agenda // Russian Journal of Linguistics, 2021, M. 25 (3). 586–610.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 01.02.2022

Дата принятия к печати: 26.03.2022

Сведения об авторе:

Ионова Светлана Валентиновна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего и русского языкознания Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина, Москва, Россия

Контактная информация:

117485, Москва, ул. Академика Волгина, д.6

ORCID: 0000-0001-6361-741X

email: sionova@mail.ru

Для цитирования:

Ионова С.В. Лингвопсихология эмоций в концепциях современного языкознания // Вопросы психолингвистики № 1(51) 2022, С.26-39. doi: 10.30982/2077-5911-2022-51-1-26-39

UDC 81'(23+27)

LBC 81

DOI 10.30982/2077-5911-2022-51-1-26-39

Research article

LINGUOPSYCHOLOGY OF EMOTIONS IN THE MODERN LINGUISTICS CONCEPTS

Svetlana V. Ionova

Pushkin State Russian language Institute,
Moscow, Russia

Abstract

The article analyzes linguo-psychological concepts of the emotional aspect of language, text, and communication in modern linguistics. The author accentuates the significant role of the linguistic theory of emotions developed by Prof. Victor I. Shakhovskiy in the study of emotional characteristics obligatory for homo loquens, categorization of emotional units in different languages, conceptualization of emotion semantics in linguistic consciousness, realization of its affective nature in communicative behavior. The approach to regard emotions as a psychological phenomenon from the standpoint of linguistics determines the linguo-psychological aspect of their description.

Keywords: linguopsychology, psycholinguistics, emotions, emotivity, linguistic theory of emotions

References

- Aitchison, J. (1985) Cognitive clouds and semantic shadows. *Language and Communication*. Oxford, 69–93.
- Alba-Juez, L., Larina, T. (2018) Language and emotion: Discourse-pragmatic perspectives. *Russian Journal of Linguistics*. (Special issue: The Discourse of Emotion). 22 (1), 9–37. <https://doi.org/10.22363/2312-9182-2018-22-1-9-37>.
- Apresyan, Yu.D. (1995) *Integral'noe opisaniye yazyka i sistemnaya leksikografiya* [Integral description of language and system lexicography]. Selected works. Vol. II. Moscow, Shkola "Yazyki russkoj kul'tury". 767 p. (In Russian).
- Bamberg, M. (1997) Emotional talk(s): the role of perspective in the construction of emotions. In: *The Language of Emotions*. Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins Publishing House, pp. 209–226.
- Besemeres, M., Wierzbicka, A. (2009) Emotion terms as a window on culture, social psychology and subjective experience. In: Ionova, S.V. (ed.) *Yazyk i emocii: nominativnye i kommunikativnye aspekty: Sbornik nauchnyh trudov k yubileyu Viktora Ivanovicha Shahovskogo* [Language and Emotions: Nominative and Communicative Aspects: A Collection of Scientific Works for the Anniversary of Viktor Ivanovich Shakhovskiy]. Volgograd, Volgogradskoe nauchnoe izdatel'stvo, pp. 14–31.
- Bradley, M.M., Lang, P.J. (1994) Measuring Emotion: the Self-Assessment Manikin and the Semantic Differential. *Journal of Behavior Therapy and Experimental Psychiatry*. 25(1), 49–59. DOI: 10.1155/2015/136172
- Breeze, R. (2020). Angry tweets: A corpus-assisted study of anger in populist political discourse. *Journal of Language Aggression and Conflict*. 8 (1), 118–145.

Carr, N. (2010) *The Shallows: What the Internet Is Doing to Our Brains*. New York, NY, W. W. Norton.

Danes, F. (1987) Cognition and Emotion in Discourse Interaction: A Preliminary Survey of the Field. In: *Preprints of the Plenary Session papers. XIVth International Congress of Linguistics. Berlin. 10–15 August 1987*. Berlin, pp. 272–291.

Dem'yankov, V.Z. (1999) Lingvopsihologiya [Linguopsychology]. In: *Voprosy lingvistiki i lingvodidaktiki na sovremennom etape: Materialy VII nauchno-prakticheskoy konferencii* [Issues of linguistics and linguodidactics at the present stage: Proceedings of the 7th scientific and practical conference]. Moscow, Moskovskij pedagogicheskij universitet, pp. 45–51. (In Russian).

Dirven, R. (1997) *Emotions as cause and the cause of emotions. The Language of Emotions*. Amsterdam. Philadelphia, John Benjamins Publishing Company, pp. 55–86.

Galasinski, D. (2005) *Men and the Language of Emotions*. London, Palgrave Macmillan.

Gallois, C. (1993) The Language and Communication of Emotion: Interpersonal, Intergroup, or Universal? *American Behavioral Scientist*. 36, 309–338.

Gammerl, B. (2012) Emotional styles – concepts and challenges. *Rethinking History*. 16(2), 161–175. <https://doi.org/10.1080/13642529.2012.681189>

Goleman, D. (1997) *Emotional Intelligence. Why it can matter more than IQ*. N.Y.; London, Bantam Books.

Harré, R. (2009) Emotions as cognitive-affective-somatic hybrids. *Emotion Review*. 1 (4), 294–301.

Hess, U., Fisher, A. (2014) Emotional Mimicry: Why and When We Mimic Emotions. *Social and Personality Psychology Compass*. 8/2, 45–57.

Ionova, S.V. (2019) Lingvistika emocij – nauka budushchego Linguistics of emotions – the science of the future. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* Linguistics of emotions - the science of the future], 1(134), 124–131. (In Russ.)

Ionova, S.V., Shteba, A.A. (2019) Smeshannye emocii: k voprosu o lingvisticheskoy reprezentacii i metazyzke opisaniya [Mixed Emotions: On the Question of Linguistic Representation and the Metalanguage of Description]. *Journal of psycholinguistics*. 2 (40), 63–81. DOI: 10.30982/2077-5911-2019-40-2-63-8 (In Russian).

Ivanov, V.Vs. (2004) *Lingvistika tret'ego tysyacheleniya* [Linguistics of the third millennium]. Moscow, Yazyki slavyanskoj kul'tury. 208 p. (In Russian).

Kassirer, E. (1990) Sila metafory [The power of metaphor]. In: *Teoriya metafory* [The theory of metaphor]. Moscow, Progress, pp. 33–43. (In Russian).

Kerbrat-Orecchioni, C. (1977) *La connotation*. Presses universitaires de Lyon. (in French).

Krasnyh, V.V. (ed.) (2017) *(Neo)psiholingvistika i (psih)lingvokul'turologiya: novye nauki o cheloveke govoryashchem* [(Neo)psycholinguistics and (psycho)linguoculturology: new sciences about the speaker]. Moscow, Gnozis. 392 p. (In Russian).

Kunin, A.V. (1986) *Kurs frazeologii sovremennogo anglijskogo yazyka* [Modern English Phraseology Course]. Moscow, Vyssh. shkola. 336 p. (In Russian).

Leontiev, A.A. (1997) *Osnovy psiholingvistiki* [Fundamentals of Psycholinguistics]. Moscow, Smysl. 287 p. (In Russian).

Leontiev, A.N. (1977) *Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost'* [Activity. Consciousness. Personality]. 2nd ed. Moscow, Politizdat. 304 p. (In Russian).

Mackenzie, J. L., Laura Alba-Juez (eds.) (2019) *Emotion in Discourse*. Amsterdam and Philadelphia, John Benjamins.

McGlone, F., Wessberg, J., Olausson, H. (2014) *Discriminative and Affective Touch: Sensing and Feeling*. *Neuron*. 82 (4), 737–755.

Nelyubin, L.L., Huhuni, G.T. (2003) *Istoriya i teoriya perevoda v Rossii* [История и теория перевода в России]. Moscow, Izd-vo MGOU. 140 p. (In Russian).

Noth, W. (1992) Symmetries and Asymmetries between Positive and Negative Emotion Words. In: *Proceedings*. Tübingen, Niemeier.

Pishchal'nikova, V.A. (2021) *Istoriya i teoriya psiholingvistiki* [History and theory of psycholinguistics]. Moscow, R.Valent. 488 p. (In Russian).

Rejkovskij, Ya. (1979) *Eksperimental'naya psihologiya emocij* [Experimental psychology of emotions]. Moscow, Progress. 392 p. (In Russian).

Sergienko, E.A., Vetrova, I.I. (2010) Test Dzh. Mejera, P. Seloveya i D. Karuzo "Emocional'nyj intellekt" (MSCEIT v. 2.0). Rukovodstvo [Test by J. Mayer, P. Salovey and D. Caruso "Emotional Intelligence" (MSCEIT v. 2.0). Management]. Moscow, Institut psihologii RAN. 176 p. (In Russian).

Shahovskij, V.I. (1987) *Kategorizaciya emocij v leksiko-semanticheskoj sisteme yazyka* [Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка]. Voronezh, Izd-vo Voronezhskogo un-ta. 190 p. (In Russian).

Shahovskij V.I. (2002) Yazykovaya lichnost' v emocional'noj kommunikativnoj situacii [Linguistic personality in an emotional communicative situation]. *Filologicheskie nauki*. 4, 59–67. (In Russian).

Shahovskij, V.I. (ed.) (2005) *Emotivnyj kod yazyka. Kollektivnaya monografiya* [Emotive language code. Collective monograph]. Volgograd: Peremena. 175p. (In Russ.)

Shahovskij, V.I. (2008) *Lingvisticheskaya teoriya emocij* [Linguistic theory of emotions]. Moscow, Gnozis. 416 p. (In Russian).

Shahovskij, V.I. (2018) Kognitivnaya matrica emocional'no-kommunikativnoj lichnosti [Cognitive matrix of emotional and communicative personality]. *Russian Journal of Linguistics*. 22(1), 54–79. doi: 10.22363/2312-9182-2018-22-1-54-79. (In Russian).

Shahovskij V.I., Volkova P.S. (2017) Emotivnost' kak princip poznyayushchej i smysloobrazuyushchej deyatel'nosti soznaniya [Emotivity as a principle of cognitive and meaning-forming activity of consciousness]. *Mir lingvistiki i kommunikacii: elektronnyj nauchnyj zhurnal* [The world of linguistics and communication: electronic scientific journal]. 4, 138–163. (In Russian).

Ufimceva, N.V. (2000) Yazykovoe soznanie i obraz mira slavyan [Linguistic consciousness and the image of the world of the Slavs]. In: *Yazykovoe soznanie i obraz mira* [Linguistic consciousness and the image of the world]. Moscow, Institut yazykoznanija RAN, pp. 207–220. (In Russian).

Vernadskij, V.I. (1991) *Nauchnaya mysl' kak planetarnoe yavlenie* [Scientific thought as a planetary phenomenon]. Moscow, Nauka. 118 p. (In Russian).

Vygotskij, L.S. (1934) *Myshlenie i rech': psihologicheskie issledovaniya* [Thinking and Speech: Psychological Research]. Moscow, Gos. ucheb. ped. izd. 325 p. (In Russian).

Vygotskij, L.S. (1968) O dvuh napravleniyah v ponimanii emocij v zarubezhnoj psihologii v nachale XX v. [On two directions in understanding emotions in foreign psychology at the beginning of the 20th century]. *Voprosy psihologii*. 149–156. (In Russian).

Zalevskaya, A.A. (2005) *Psiholingvisticheskie issledovaniya. Slovo. Tekst. Izbrannye Trudy* [Psycholinguistic research. Word. Text: Selected Works]. Moscow, Gnozis. (In Russian).

Zappettini, F., Ponton, D., Larina, T. (2021) Emotionalisation of contemporary media discourse: A research agenda. *Russian Journal of Linguistics*. 25 (3). 586–610.

Zimnyaya, I.A. (2001) *Lingvopsihologiya rechevoj deyatel'nosti* [Linguopsychology of speech activity]. Moscow, Moskovskij psihologo-social'nyj institute. Voronezh, NPO «MODEK». 432 p. (In Russian).

© Ionova S.V., 2022

Article history:

Received: 01.02.2022

Accepted: 26.03.2022

Bionotes:

Svetlana V. Ionova – Professor, Doctor of Philology, Ph. D. in Psychology, Professor of General and Russian Linguistics Department, Pushkin State Russian Language Institute.

Contact information:

Akademika Volgina str., 6, Moscow, 117485

ORCHID: 0000-0001-6361-741X

e-mail: sionova@mail.ru

For citation:

Ionova S.V. (2022) Linguopsychology of emotions in the modern linguistics concepts. *Journal of Psycholinguistics*. 1(51), pp. 26-39. Available from: doi: 10.30982/2077-5911-2022-51-1-26-39 (In Russian)

UDK 81'23

LBK 81

DOI 10.30982/2077-5911-2022-51-1-40-47

Research article

MITIGATION IN INDIRECT COMMUNICATION: IMPLICIT SPEECH ACTS

Svetlana S. Takhtarova

Kazan Federal University, Kazan, Russia

Darya L. Abuzyarova

Kazan Federal University, Kazan, Russia

Abstract

The purpose of the study is to consider the mitigative characteristics of implicit speech acts used by the speaking subject in indirect communication. The relevance and scientific novelty of the work are due to the unrelenting interest of researchers in the study of various aspects of the indirect representation of intentions, among which the issues of distinguishing between implicit and actually indirect speech acts remain insufficiently studied to date. The appeal of communicants to implicit ways of verbalizing their intentions is due both to the individual and personal characteristics of the interlocutors, and to the socially determined norms and rules of communication that ensure its effectiveness in situations of cooperative communication.

The correct interpretation of implicit speech acts in indirect communication requires complex interpretation procedures and depends on a number of factors. These include, in particular, the level of formation of the communicative competence of the addressee, his desire or unwillingness to correctly read the hidden intentions of the communication partner, the attitude towards cooperativity or confrontation in communication, as well as the presence of a common zone of intersection of the individual cognitive spaces of the interlocutors.

As a result of the study, it was possible to establish that implicit speech acts, in contrast to indirect ones, are less conventional and are the result of the linguo-creative activity of the speaking subject. Implicit speech acts used in mitigatively marked indirect communication contain an implicit phatic intention that reflects the speaker's attitude towards maintaining and developing communicative contact.

Keywords: communication, speech act, mitigation, indirect, implicitness, speech behavior

Introduction

Studies of various aspects of the generation and interpretation of implicit information, communicative meanings, ways of transmitting the latter and the reasons for their occurrence in the process of communication do not lose their relevance to this day [Gogotishvili 2006, Gurochkina 2019, Dementyev 2018, Hidden meanings... 2007, Kobozeva 2000, Nesterova 2015, etc.].

The way of expressing meaning in communication is closely related to the linguo-creative competence of the speaking subject and involves certain intellectual efforts both on the part of the addresser in the implicit realization of their intentions, and on the part of the addressee in their adequate interpretation. At present, it is axiomatic that in the process of communication the speaker realizes not only the main intention that determines the leading strategy of the communicants' speech behavior, but also additional intentions, often implicit, which, however, largely determine the success and effectiveness of communicative contact. The relationship and hierarchy of intentions play an important role in the formation of the discursive "intentional

space” [Maslova 2007]. And since intentions are changeable and sometimes quite complex, there is a need for a non-standard way of expressing them. One of the most studied methods of indirect transmission of content to date is indirect speech acts [Baranov 2006, Gak 1994, Maslova 2007, Romanov 2005, Searle 1986, Tarasova 2005, etc.].

Materials and Methods

We share the opinion of the majority of linguists about the need to distinguish between two types of indirect speech acts – actually indirect and implicit. In this paper, we confine ourselves to considering the mitigative possibilities of one of these two main forms of indirect representation of intentions, namely, implicit speech acts, without setting as our goal the creation of a consistent classification of indirect speech acts. The study of implicit speech acts, in contrast to the actual indirect ones, characterized by conventionality in the verbalization of hidden meanings, is still given insufficient attention. In this regard, the study of this multifaceted phenomenon is very relevant, is of particular research interest and has undoubted practical significance.

The purpose of this study is to analyze the mitigative characteristics of the implicit speech acts as the most striking elements of indirect communication based on the material of British linguistic culture. The set goal is achieved by solving the following tasks: 1) determining the most essential characteristics of implicit speech acts; 2) analysis of mitigative parameters of implicit speech acts; 3) establishing the relationship between communicative mitigation and indirect communication.

The description of the mitigative potential of implicit speech acts is carried out using the methods of contextual analysis and intent analysis of the speech behavior of communicants in situations of indirect communication. As a result of the study, the mitigative characteristics of implicit speech acts in indirect communication are determined.

Results and Discussion

The problem of differentiating the indirect and implicit ways of verbalizing the communicative intentions of the speaking subject is one of the topical problems of the theory of indirect speech acts. The gradation of the illocutionary force of the utterance determines the degree of explicitness of the expression by the intention of the speaking subject. J.F. Allen and R. Perrault, analyzing the illocutionary force of the sentence “I’m tired”, note that the speaker’s goal may not be to report on the physical condition of the addresser, but to apologize for inactivity or complain [Alain, Perrault 1986: 326]. Among the indirect speech acts, the most studied at the moment are indirect directives, for example:

- *Actually, I just got a pain. Could you just grab me two pills? Considering what a light beer does to you, I think you’ll have one. Too weak to argue. Could you just turn on the tube for me, please? Thank you. I was wondering, could you grab a blanket? It’s kind of chilly in here.*

- *One blanket, coming right up.*

- *Oh, yeah, and could you just run down to the video place. A couple of good movies, you know, would just help ease my pain.* [Star 1990].

We agree with the opinion of E.S. Issers, according to which the high frequency of indirect requests in communication is due to the “effect of exceeding communicative efforts”. This effect is manifested in the fact that when verbalizing a request, the speaker expects maximum resistance from the addressee and therefore chooses the tactics “with a margin of safety” [Issers 2006: 128].

The differentiation of indirect and implicit forms of verbalization of the intentions of the speaking subject is based on the degree of discrepancy between the meaning of the statement

and its communicative meaning, as well as the level of standardization of the secondary illocutionary function. So, in indirect directive acts, the actual directive meaning practically replaces the direct one, becoming the main one in any context. Question *Could you give me salt?* does not imply an answer – *I can*. The addressee immediately correctly interprets the directive intention of the speaker and adequately responds to it in cooperative communication.

The degree of remoteness of the meaning realized in an indirect statement from the literal meaning underlies the classification of indirect speech acts by E.V. Miloserdova, which includes three groups of indirect statements: indirect speech acts proper, with a minimum distance, bifunctional statements perceived by the addressee in at least two senses - literal and indirect, and hidden or implicit speech acts, the interpretation of the true communicative meaning of which is possible only in a strictly defined context [Miloserdova 1991: 155–156].

E.A. Tarasova proposes to differentiate directives into two groups – direct directives and indirect incentives, which, in turn, include two subspecies – explicitly indirect and implicitly indirect incentive statements [Tarasova 2005: 103].

Also, two subgroups in the group of indirect speech acts, depending on the level of conventionalization of the secondary illocutionary function, are distinguished by N.I. Formanovskaya, namely, conventional and contextual-situational indirect statements [Formanovskaya 2007: 268].

Despite the differences in the names of the identified types of indirect speech acts and their number, most researchers agree that indirect speech acts are united by the conventionality of the forms of verbalization of their actual meanings. While implicit speech acts are characterized by situational and personal conditioning of the forms of representation of the intentions of the speaking subject in communication.

The presence of conventional behavioral patterns that are obvious and natural for communicants in a given communication situation is one of the main factors for the adequate interpretation of indirect statements, allowing the addressee to easily read the interlocutor's hidden intentions in them. However, the speaker, using implicit speech acts, is forced to trust the communicative competence of the addressee, his ability to correctly understand the intentions of the sender of the message, veiled in the utterance. According to V.V. Bogdanov, communication at the level of implicatures is a more prestigious type of verbal communication, since in order to understand many implicatures, the addressee must have an appropriate level of intellectual development [Bogdanov 1990: 21]. In this regard, it can be argued that the appeal of speakers to implicit speech acts allows the speaker to increase in the eyes of the addressee both his status as a communicatively competent interlocutor, and the status of the addressee. The purposeful increase in the communicative status of interlocutors noted above is defined in linguistics by the term “glorification” (communicative elevation) and serves to ensure positive communication [Zhang 2020].

Thus, the variation of the illocutionary function of the statement formed in the process of communication can be explained both by the individual communicative style of one or both communicants, and by certain norms, conventions of speech behavior in a particular ethnic society, among which communicative mitigation occupies a special place. Thus, in particular, K. Valtl defines indirectness, and, above all, various forms of indirect verbalization of directive intentions, as one of the forms of mitigation (*Abschwächung*) [Valtl 1986: 139]. Let us further consider how implicit speech acts and communicative mitigation are interconnected.

As noted above, the pragmatic functions of implicit speech acts can be very diverse – tact, showing respect, disposition and attention to the interlocutor, mitigation of directive, and much more. According to E.V. Miloserdova, the different relationship between the meaning

of the statement and its meaning is determined by two tendencies that define the process of communication in the modern world:

1) a socially conditioned tendency, which is characterized by depersonalization, averaging of speaking subjects and their communicative interaction, which determines the minimum discrepancy between meaning and sense and the desire of communicants for pragmatic unambiguity;

2) a psychologically conditioned tendency, manifested in the disclosure and consideration of the individual-personal qualities of homo loquens in communication, which, in turn, entails the speakers turning to implicit speech acts, making it possible to avoid undesirable categorialness and unambiguity [Miloserdova *ibid*: 136]. The appeal of speakers to implicit forms of verbalization of their intentions, determined by this trend, is one of the key factors in the transition of communication from direct to indirect communication.

T.A. van Dijk also notes that an indirect speech act can become strategically necessary if the “direct” speech act turns out to be too negative for the subject of speech, or, one way or another, socially undesirable [Dijk 1989: 290]

In this regard, it can be argued that the interpersonal component of communicative contact and the individual-personal characteristics of communicants acquire special significance when verbalizing personally marked implicit meanings. The appeal of communicants to implicit forms of verbalization of their intentions is often ultimately aimed at maintaining and further developing communicative contact, ensuring its effectiveness, as well as protecting the communicative image of the interlocutors. These pragmatic characteristics of implicit speech acts are closely related to the category of communicative mitigation, the main content of which is the prescriptions of anti-conflict, non-categorical, non-impositive, glorifying and emotional restraint, determined by the maxims of politeness and aimed at minimizing communicative risks in interaction [Takhtarova 2008: 59]. Thus, we can conclude that mitigative strategies are actively used by speakers to represent hidden meanings in indirect communication.

It should be noted that communicative mitigation refers, in our opinion, to planned indirect communication, the purpose of which is to program the interpretation of the addressee in the direction desired by the addresser, in contrast to unplanned indirect communication as a consequence of the unpredictability of the communication process itself [Demytyev 2018: 142].

Planned illocutionary mitigation underlies the creation of indirect and implicit speech acts. At the same time, in our opinion, of particular interest are not conventional questions-requests, which, as noted above, have become practically speech clichés, but implicit speech acts, which are characterized by special linguo-creative efforts not only of the addresser when veiling their intentions, but also of the addressee in the process of decoding the latter, for example:

- *So why are you keeping Mark all to yourself?* - *Tess persisted.*

I love Tess dearly, but sometimes she can be awfully nosy.

- *We're talking about family matters,* - *I said, hoping she would go away.*

- *Are there wedding bells in the future?* - *Meaning between Mark and Sandra.*

I said, I'll tell you all about it later.

Tess looked miffed, but at least Wesley could take a hint. He guided her to another table [Cook 2004: 6].

However, in the planned indirect communication, not only directive speech acts can be subjected to mitigative modification. Speech acts that contain criticism of the addressee or persons associated with him, refusal to respond to a request, as well as other speech acts, the use of which in communication in a direct, unveiled form, can either lead to the termination

of communicative contact or the development of communication are also potentially conflictogenic in a confrontational, dissonant direction. By stating a fact related to the sphere of the addressee, these statements express the divergence of interests of the speaker and the addressee, the demarcation of personal spheres, the psychological distance and estrangement between them, which contradicts the phatic intention aimed at maintaining the positive nature of the interaction and, thereby, at maintaining speech contact. In this regard, the speaker, guided by mitigative prescriptions in situations of cooperative communication, resorts to means of indirect communication, mitigation the categoricalness of his statements.

Based on this, I.N. Borisova proposes to distinguish between the pragmatic meaning of speech behavior, correlated with the practical purpose of communication, and the communicative meaning, which is directly the communicative intention or intention of the speaking subject. At the same time, the same pragmatic meaning (for example, to distract the addressee from unwanted emotions) can be expressed through different communicative meanings (consolation, joke, compliment, anecdote, switching topics, etc.), embodied in various speech ways [Borisova 2009: 67].

As noted above, for implicit speech acts, the addressee's communicative competence, their ability to correctly decipher the speaker's true intentions, is of particular importance. And when implementing this type of indirect speech acts, there is a high probability of communicative failure when the implicit intention is interpreted incorrectly.

- *That was a nice little speech about the medicine Mother sent him.*

- *He meant the blancmange, I suppose.*

- *How stupid you are, child! He meant you, of course.*

- *Did he? - And Jo opened her eyes as if it had never occurred to her before* [Alcott 2021: 41].

In this regard, it is of particular importance to study the conditions for the success of implicit speech acts containing mitigation strategies. According to V.Z. Demyankov, the understanding of the implicit content of statements is provided by the principle of cooperation, which can be formulated as follows: "Understand in accordance with the expectations of the speaker at a particular stage of the conversation, the general (for the interlocutors) purpose and the direction of the exchange of remarks" [Demyankov 2005: 29]. N.D. agrees with this opinion. Pavlova, who notes that misinterpretation of the interlocutor's intentions can have various reasons - both possible interference in the communication process and uncooperative communicative attitudes of partners [Pavlova et al 2015: 17], for example:

- *At the first intersection, a policeman stopped him.*

- *Where are you off to like this?*

- *I'm going to work.*

- *Your work permit?*

- *You know very well that it doesn't exist.*

- *Yes, I know. But it can exist in other forms.*

Mohamed pretended not to understand.

The police officer said, - Too bad for you. That response may cost you a lot more. See you later [Jelloun 2009: 79].

According to V.V. Krasnykh, one of the important conditions for the success of the implementation of intentions in cooperative communication, including implicit ones, determining the success/failure of speech communication, in general, is the presence of a certain community of "knowledge" of communicants, including the community of symbolic means and social experience, defined by the author as the intersection zone of individual cognitive spaces (knowledge funds) of communicants [Krasnykh 2003: 84–85]. The larger the

area of intersection of individual cognitive spaces of communicants, the higher the probability of success of mitigation strategies in indirect communication - the addressee will be able to correctly decode not only explicit, but also implicit intentions of the subject of the utterance. Thus, the ultimate goal of a passive speech action will be achieved – the prevention of possible communicative risks and the preservation of communicative contact, which, in fact, is the implementation of a phatic function.

In this regard, the study of the relationship between mitigation and phatic in indirect communication is of undoubted interest. Intentions determined by mitigative prescriptions can be attributed to the communicative goals of the “second plan”, among which J. Dillard, K. Sergin and J. Harden distinguish 4 types of secondary intentions:

- 1) goals related to the ethical standards of the addresser, his self-esteem, self-expression;
- 2) goals that contribute to the effectiveness of communication, in particular, aimed at preserving the face of both the speaker and the addressee, obtaining social approval from the interlocutor;
- 3) goals that reflect the desire of the addresser to preserve and increase the values that are significant to him;
- 4) goals related to the addresser’s desire to control the situation, to avoid negative emotions [Dillard J., et al. 1989].

We believe that mitigation strategies serve to achieve all of the above goals in communication. In mitigative prescriptions, attitudes and rules, the following are reflected: the speaker’s desire to save face, both his own and the interlocutor (glorification prescription); the intention of self-presentation, since the speaker, using mitigation strategies, hopes to create the impression of a communicatively competent, tactful interlocutor; reflecting the speaker’s attitude to prevent or mitigate possible communicative risks, mitigative strategies represent the speaker’s desire to avoid unwanted negative emotions in the process of communication; and, finally, the appeal to mitigative strategies is due, in our opinion, to such communicative values as positive communication, cooperativeness, tolerance, tact, and so on. These intentions, reflecting in the aggregate the phatic macro-intention, form the intentional subtext of mitigative statements.

In phatic communication, truth, accuracy and objectivity in the verbalization of intentions give way to other parameters that determine phatic communication, namely, orientation to relationships, establishing and maintaining communicative contact [Vinokur 2005]. Proceeding from this, it can be assumed that implicit speech acts in the mitigatively marked indirect communication contain, along with illocutionary mitigation, implicit phatic intention, as an orientation to the preservation of communicative contact, determining the choice of the speaking subject in favor of implicit forms of verbalization of its main intention.

Conclusion

Thus, the speech choice of communicants, that defines which of the intentions will be presented explicitly in the utterance, and which will be implemented indirectly, implicitly, is determined, on the one hand, by the social norms and rules of a particular society or social group, and on the other hand – individual and personal characteristics of the interlocutors, various psychological parameters of communicative contact.

The appeal of speakers to mitigative strategies and tactics is a conscious verbalization of certain intentions of the speaking subject, aimed at ensuring conflict-free, cooperative communication. Mitigatively marked indirect communication, which includes implicit speech acts, is characterized by an increase in implicit phatic intention, carried out at the expense of mitigation.

The conducted research is of undeniable practical importance, as it allows a better understanding of the nature of implicit meanings, conventional and linguo-creative forms

of their verbalization, which, in turn, is important for the formation of the communicative competence of homo loquens.

The phenomenon of implicit speech acts, despite their active use in interpersonal communication, is still insufficiently studied. Various aspects of the formation of implicit meanings and their decoding, psychological, social, pragmatic and ethno-cultural characteristics of implicit speech actions, being increasingly involved in the focus of research interest, will, in our opinion, make it possible to better understand the cognitive-discursive mechanisms underlying the creation and interpretation of this type hidden meanings.

Acknowledgments

This paper has been supported by the Kazan Federal University Strategic Academic Leadership Program.

References

Alain, J.F., Perrault, R. (1986) Revealing the communicative intention contained in the statement. In: Gorodetskii B. (ed.) *New in foreign linguistics*, Theory of speech acts. Progress, Moscow, 322–362.

Alcott, L.M. (2021) *Little Women*. AST, Moscow.

Baranov, A. (2006) *Hint as an instrument of indirect communication*. Available via DIALOG. <http://https://www.dialog-21.ru/media/1927/baranov.pdf> [Accessed: 12.03.2022].

Bogdanov, V.V. (1990) *Speech communication: pragmatic and semantic aspects*. Publishing House of the Leningrad State University, Leningrad.

Borisova, I.N. (2009) *Russian conversational dialogue: Structure and dynamics*. Librocom, Moscow.

Cook, A. (2004) *Catch a Falling Knife* Available via <http://alancook.50megs.com/catchchap1.html> [Accessed: 12.03.2022].

Demytyev, V.V. (2018) Indirect Communication in the Russian Speech Culture. *Russian Journal of Linguistics*. 22 (4), 919–944.

Demyankov, V.Z. (2005) Cooperation of communication and the desire to understand the interlocutor. In: Vinogradov, V. (ed.) *Communication. Linguistic consciousness. Intercultural communication*. Available via <http://www.infolex.ru/Cooper.html> [Accessed: 12.03.2022].

Dijk, van T.A. (1989) *Language, cognition, communication*. Progress, Moscow.

Dillard, J., Sergin, C., Harden, J. (1989) *Primary and secondary goals in the interpersonal influence process*. Available via https://www.researchgate.net/publication/240515521_Primary_and_secondary_goals_in_the_interpersonal_influence_process [Accessed: 12.03.2022] DOI: 10.1080/03637758909390247.

Formanovskaya, N.I. (2007) *Speech interaction: communication and pragmatics*. IKAR, Moscow.

Gak, V.G. (1994) Speech reflexes with speech words. In: Arutyunova, N.D. (ed.) *Logical analysis of language: Language of speech actions*. Nauka, Moscow, pp. 6–10.

Gogotishvili, L.A. (2006) *Indirect speaking*. Languages of Slavic cultures, Moscow.

Gurochkina, A.G. (2019) Hidden forms of speech influence in indirect communication. In: *Proceedings of the A. I. Herzen Russian State Pedagogical University*, pp. 46–52.

Hidden meanings in language and communication (2007). RSUH, Moscow.

Issers, O.S. (2006) *Communicative strategies and tactics of Russian speech*. KomKniga, Moscow.

Jelloun, T.B. (2009) *A palace in the old village*. Arcadia Books, London. Kobozeva, I.M. (2000) *Linguistic semantics*. Editorial URSS, Moscow. Krasnykh, V.V. (2003) “*One’s own*”

among “strangers”: myth or reality. Gnosis, Moscow. Maslova, A.Y. (2007) Specificity of indirect expression of motivation. *Philological sciences*. 4, 51–59. Miloserdova, E.V. (1991) *Semantics and pragmatics of modality*. VSU Publishing House, Voronezh.

Nesterova, T.V. (2015) Indirect communication in the everyday sphere (Russian-language communication). *Philological sciences. Questions of theory and practice*. 5(47), 156–162.

Pavlova, N.D., Grigorieva, A.A., Peskova, E.A. (2015) Psycholinguistics of communication: intentional space of pre-election political discourse. In: Samoylenko, E.S. (ed.) *Communication and cognition*, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, pp. 353–372.

Romanov, A.A. (2005) *Semantics and pragmatics of German performative statements-requests*. Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow.

Searle, J.R. (1986) Indirect Speech Acts. In: Gorodetskii, B. (ed) *New in foreign linguistics, Theory of speech acts*, Progress, Moscow, 195–222.

Star, D. (1999) *Melrose Place* Available via <https://www.english-corpora.org/COCA/> [Accessed 14.03.2022].

Takhtarova, S.S. (2008) Ethnocultural category of mitigation in the communicative aspect. *Philological Sciences*. 4, 55–61.

Tarasova, E.A. (2005) Communicative competence and expression of will in the German language. *Bulletin of VSU, Philology, Journalism*. 1, 97–104.

Valtl, K. (1986) *Erziehung zur Höflichkeit*. Diss. z. Erlg. des Doktorgrades, Regensburg.

Vinokur, T.G. (2005) *The speaker and the listener. Variants of speech behavior*. KomKniga, Moscow

Zhang, K. (2020) Glorification as a special type of positive communication. In: *Bulletin of Bashkir University*, 25(4), 339–347.

© Takhtarova S.S., Abuzyarova D.L., 2022

Article history:

Received: 31.01.2022

Accepted: 15.03.2022

Bionotes:

Svetlana S. Takhtarova – Head of Department of Theory and Practice of Translation and Interpreting Kazan Federal University

Contact information:

420018 Kazan, ul. Kremlevskaya 18

ORCID: 0000-0002-9268-6892

e-mail: alfia@mail.ru

Darya L. Abuzyarova – senior teacher Kazan Federal University

Contact information:

420018 Kazan, ul. Kremlevskaya 18

ORCID: 0000-0002-7601-5378

e-mail: cooly93@mail.ru

For citation:

Takhtarova S.S., Abuzyarova D.L. (2022) Mitigation in indirect communication: implicit speech acts. *Journal of Psycholinguistics*. 1(51), pp. 40-49. Available from: doi: 10.30982/2077-5911-2022-51-1-40-47 (In Russian)

УДК 81'23

ББК 81

DOI 10.30982/2077-5911-2022-51-1-48-55

Научная статья

**ЛИНГВИСТИКА НА МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ПЕРЕКРЕСТАХ:
ИНТЕГРАТИВНЫЕ НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
КАК ОБЪЕКТИВНАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ**

Щирова Ирина Александровна

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
Санкт-Петербург, Россия

Гурочкина Алла Георгиевна

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
Санкт-Петербург, Россия

Аннотация

В статье рассматривается феномен междисциплинарности, выступающий методологической основой многих современных научных исследований; анализируются причины востребованности междисциплинарных союзов; междисциплинарные переключки иллюстрируются на примере сочетаний научных смыслов со смыслами этическими и эстетическими. Особое место в обсуждении поставленных вопросов занимают идеи лингвоэкологии, активно разрабатывавшиеся В.И. Шаховским.

Ключевые слова: научная дисциплина, междисциплинарность, специализация, интеграция, контекстуализация научного знания, лингвоэкология

Введение

Базовой формой организации профессиональной науки традиционно признается научная дисциплина, объединяющая области научного знания на предметно-содержательном основании. Опираясь на профессиональное научное сообщество, дисциплина разрабатывает механизмы развития знания и его воспроизводства [Шаховский 2018]. Статус научной дисциплины включает в себя предмет исследования, понятийно-терминологический аппарат и ученых, объединенных общими интеллектуальными целями, создавшими и разрабатывающими дисциплину, которая ориентируется на *аналитичность* [Вечканов 2013: 212]. Меняя формы в ходе научного развития, она сохраняет связность, поскольку любые ее новые осмысления укоренены в традиции, однако, границы между дисциплинами размываются междисциплинарными исследованиями. Они реализуют тенденцию, противоположную аналитичности, – *синтез* знания. Если понятия и термины дисциплины, функционируя в «замкнутом дисциплинарном пространстве», связывают содержание термина и предметную область, то в междисциплинарном исследовании смыслы понятий дополняются контекстами новых входящих в него понятий [Вечканов 2013: 24]. Итак, в развитии научного знания обнаруживаются разные по направленности тенденции. С одной стороны, научное *знание* специализируется, обретает в рамках дисциплины свою систему понятий и свой язык, тем самым ограничивая собственную доступность узким кругом специалистов и экспертов (по наблюдению Е.Н. Князевой, знание такого рода превращается в «гипердисциплинарное» [Князева 2011: 195]).

Обсуждение проблемы

Как правило, знания, ограниченные рамками дисциплины, оказываются недостаточными для решения сложных проблем. В то же время, насущность этих проблем и объективная необходимость их решений прогнозируется особенностями развития мира, социума и науки: ростом объемов научных знаний, принципиально новыми скоростями их передачи, расширением спектра типов и видов коммуникации; появлением цифрового мира. Наука превращается из «дисциплинарной» сферы деятельности в «проблемно ориентированную», а методологической основой ее описания становится выход за пределы единой предметности, т.е. междисциплинарность.

Экспансионизм дисциплины проявляется в разных формах, например, в образовании новых междисциплинарных союзов и реализации междисциплинарных программ. «Объединяющее начало» интеграции разных видов научного знания выражается в ломке дисциплинарных границ и циркуляции понятий, методов и когнитивных схем в формируемых ими новых проблемных полях. Новые междисциплинарные «взаимные влияния» убеждают в продуктивности совместных исследовательских усилий. В отличие от фрагментарных знаний, оказывающихся недостаточными для решения сложных проблем, идеи целостности, холизма и экспансионизма научной дисциплины себя оправдывают. Именно на стыках научных дисциплин «проскакивают искры научных инноваций» (М. Бахтин), а наука превращается из «дисциплинарной» сферы деятельности в «проблемно ориентированную» [Князева 2011: 198]. Междисциплинарность, т.е. выход за пределы единой предметности, образует методологическую основу описания научного объекта.

Антропологический поворот в науке позволил лингвисту не просто увидеть в языке самодостаточное автономное образование, а использовать язык для *более глубокого понимания и объяснения человека и мира* [Кубрякова 1995]. Взаимодействия этих фундаментальных категорий опосредованно характеризуются В.И. Шаховским при рассмотрении природы и сущности энергично развивающейся сегодня эмотивной лингвоэкологии (ЭЛЭ); целью ЭЛЭ называется *описание параметров экологичного и неэкологичного общения «во всех дискурсах»*, а также и вкладывание их через научающую коммуникацию в эмоциональную и эмотивную компетенцию коммуникативной личности. «ЭЛЭ, – пишет Шаховский, – работает в пределах коммуникативного круга (или коммуникативной триады): человек, язык, эмоции» [Шаховский 2018: 22]. Сущность ЭЛЭ уточняется далее в ходе краткого анализа номинаций трех дисциплин, объединивших профессиональные интересы в этой новой междисциплинарной науке: лингвистики эмоций, экологии и валеологии. Тот факт, что ЭЛЭ обладает своим специфическим объектом, понятийно-терминологическим аппаратом, набором предметов, методов, методик и приемов исследования, расценивается как достаточное основание для постулирования наличия в ней признаков «новой и перспективной научной парадигмы», фокусирующейся на модусах экологичности общения и зависящей от эмоциональных валентностей языковой личности и коммуникативной эмоциональной ситуации [там же].

Закономерность уточнения природы явления через его номинацию позволяет говорить и о целесообразности рассмотрения интегративных процессов в науке не только как об объективной необходимости, обусловленной особенностями социокультурного развития, но и с учетом отражения в языковых единицах,

номинирующих эти процессы, специфики самого процесса отражения; например, с учетом содержательного наполнения смыслов, транслируемые этими единицами, как научных и/или общекультурных (этических, эстетических, коммуникативных и пр.). Разграничение смысловых нюансов позволит вычлениить и передать (пусть в самом первом приближении) специфику восприятия и познания мира человеком, например, восприятие мира как целостности, компоненты которой разделены гибкими границами и требуют вероятностных решений (ср. сферы человеческой деятельности, будь то типы информации или виды знаний и пр.).

В развернутом объяснении термина «экологии», предлагаемом В.И. Шаховским, обозначенные смысловые акценты, как представляется, выражены отчетливо:

«...Термин «экология» в лингвистике и благодаря ей за ее пределами *получил расширительное толкование и применение*. В частности, в статье проанализированы различные сферы экологии. В том числе и экологии текста, и экологии языка, и экологии человека – человека как объекта реального мира и человека как текста. Вот почему в статье поднимается вопрос об экологии Природосферы, Языкосферы, Текстосферы и Человекосферы» [Шаховский 2021: 169]).

Транслируемые смыслы фиксируются в приведенном описании как а) научные смыслы; б) смыслы, актуальные для антропомерной науки, с доминирующими в ней тенденциями целостности. Язык используется автором для «обучения» идеального читателя пониманию мира и человека, для познания и самопознания.

Взаимодействие научных смыслов со смыслами эстетическими позволяет проследить идея целесообразности, о которой рассуждает У. Эко. Эстетика несет в себе идею прекрасного, оценивает чувственные восприятия и законы наших переживаний [Эко 2006: 37]. Ключевые понятия эстетики – «красота» и «гармония» – являются центральными для художественного текста. При более близком рассмотрении, однако, становится очевидной релевантность данных понятий и для традиционного «антипода» художественного текста – научного текста. Закономерность такой взаимосвязи У. Эко объясняет понятием *целесообразности*, которое, как он считает, оправданно использовать по отношению к любому функциональному стилю. Смысловой ряд «красота» – «гармония» – «целесообразность» Эко убедительно иллюстрирует ссылкой на Фому Аквинского, настаивавшего на решающей роли *принципа соответствия цели* в определении красоты еще в эпоху зрелой средневековой мысли [Эко 2006: 88]. Аналогичные рассуждения обнаруживаем у Н.М. Разинкиной. По мнению известного отечественного стилиста, если научное произведение излагает идею понятно и лаконично, а мышление ученого выработало адекватную форму ее изложения, то научное произведение представляет собой познавательную и эстетическую ценность [Разинкина 1989: 26–27]. Вопрос о соотношении красоты и целесообразности, таким образом, формирует важный аспект изучения прекрасного, сущность которого не противопоставляется пользе и целесообразности.

Органичность сочетания в научном описании научных и этических смыслов демонстрируют понятия *этоса* и *этики, обращающие нас к моральным принципам и нравственным установкам науки*. Наиболее важной в этической сфере науки Вечканов называет проблему научного авторства, а также связанные с нею вопросы плагиата, компетенции и фальсификаций научных открытий, – все они традиционно порицаются научной общественностью [Гальперин, 2005: 195]. Заметим также, что ссылки на

предшественников в науке не только являются моральным долгом исследователя, – они, что не менее важно, создают достоверное научное знание, фиксируют в нем истинное соотношение «своего» и «чужого», принципов преемственности и принципов новизны, тем самым более успешно приближаясь к научной истине.

Появление лингвоэкологии, на которую мы неоднократно ссылались, не менее успешно подтверждает важность для науки нравственных убеждений. Частью этого термина выступает название науки, изучающей взаимоотношения организмов друг с другом и со средой обитания, – экологии (*от греч. ikos – жилище, местопребывание и logos – понятие, учение* [Шаховский 2018]). Согласно современным научным представлениям, в результате эволюции в живой природе образовалась *динамическая равновесная система (биосфера)*, существование которой превратилось в условие жизни человека, однако, экологическое равновесие во взаимоотношениях человека и среды сохранялось не всегда. Отчасти это объяснялось тем, что в этих взаимоотношениях не всегда последовательно оценивалась роль самого человека. Если сначала в нем видели «органическое образование», *равноценное* растительному и животному миру, то позже – «*основной фактор* динамики природных процессов» [Шаховский 2018] (курсив мой – И.Щ.). Искусственно созданная техносфера наносила ущерб биосфере как глобальной экосистеме, и лишь угроза экологических катастроф заставила включить в обсуждение актуальных процессов экологической безопасности «элементы гуманизма», восприняв их как «витальную ценность». Тейар де Шарден, вдохновленный идеями В.И. Вернадского о ноосфере (сфере разума), призвал к объединению индивидуальных интеллектуальных усилий в «организованное всецелое», способное взять в руки «штурвал мира» [Тейар де Шарден: 198]. Появилась *экологическая этика*, и ученые оценили взаимоотношения человека и природы с позиции нравственности. Вопросы экологии культуры и экологии слова сформировали фокусы научных обсуждений. В 1996 г. в работе «Без доказательств» Д.С. Лихачев напомнил: «В экологии есть два раздела: экология биологическая и экология культурная, или нравственная. Убить человека биологически может несоблюдение законов биологической экологии, убить человека нравственно может несоблюдение законов экологии культурной» [Лихачев: 26]. Свой вклад в осмысление экологических проблем внесли и лингвисты, например, Эйнар Хауген, с именем которого связывают появление лингвоэкологии, экстраполировал взаимоотношения организма и среды на *взаимоотношения языка и его окружения, то есть языка и общества, которое использует язык* [Haugen 1972].

В современной науке понятие «экология», как мы убеждаемся, толкуется широко. В.И. Шаховский – основатель российской школы эмотивной лингвоэкологии отмечает «экспансию» этого понятия в разные виды человеческой жизнедеятельности и в разные коммуникативные сферы. Ставятся и решаются проблемы экологии человека и эмоций (эмотивная лингвоэкология, см. [Шаховский 2016]); языка и текстов, которые создаются на основе языка (ср., например, токсичные и нетоксичные тексты); культуры и коммуникативной среды; неэкологичного и экологичного, позитивного и негативного общения и пр. [там же]. Все эти смыслы могут быть экстраполированы на сферу науки и обсуждены в контексте проблем научной коммуникации, научного языка, научной культуры и научного сообщества. Вопросы экологии науки коррелируют с понятием научного этоса как совокупности моральных императивов и нравственных ориентиров ученого.

Разнообразные подходы к описанию текста акцентируют сегодня его антропоцентризм и являются *антропоориентированными*. Процессы порождения, восприятия и интерпретации текста осмысливаются как целенаправленная когнитивная деятельность (см. выше), а интенциональность – как *универсальное свойство сознания*, способное обеспечить модификацию объекта в процессе восприятия. Эта трактовка интенциональности *«расширяет права» интерпретатора*, придает гибкость интерпретационной программе текста, обнаруживая в нем открытое смысловое образование. Уместно сослаться на вывод В.И. Шаховского и А.А. Штебы: «<...> человека окружает не столько информационная, сколько интерпретационная среда, т.е. имеет место *субъективное отражение информации с акцентом на выбираемой отправителем сообщения позиции*» (курсив мой – И.Щ.) [Шаховский, Штеба 2013: 16].

Оправданно предположить, что существуют разные причины взаимодействий и, в том числе, интенсивных взаимных влияний научных дисциплин. Сегодня к ним можно отнести усложнение мира и «научных головоломок», которые должен решать исследователь; рост объемов научного знания; их фрагментарность, объясняющую неспособность предложить достойный ответ вызовам времени. Поиск и создание новых междисциплинарных союзов в этих обстоятельствах представляются закономерными.

Заключение

В стремлении более полно и точно осмыслить познаваемый мир, язык и человека лингвистика вступает в многообразные междисциплинарные переклички. Увеличивается число междисциплинарных перекрестков, на которых оказывается лингвистика в поисках «союзников» для более полного осмысления мира, языка и человека; качественно меняется набор дисциплин, ориентированных на решение новых научных проблем. Утвердившиеся антропомерные подходы к научным объектам и субъективизация истины едва ли должны отрицать ее статус как главного нравственного императива.

© Щирова И.А., Гурочкина А.Г., 2022

Литература

- Вечканов В.Э. История и философия науки. М.: РИОР: ИНФРА М, 2013. 256 с.
- Гальперин И.Р. Избранные труды: Высшая школа, 2005. 255 с.
- Князева Е.Н. Трансдисциплинарные стратегии исследований // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2011. № 10 (112). С. 193–201.
- Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца XX века. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 1995. С. 144–238.
- Лихачев Д.С. Без доказательств. РАН, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). СПб.: БЛИЦ, 1996. 191 с.
- Разинкина Н.М. Функциональная стилистика английского языка. М.: Высшая школа, 1989.
- Тейяр де Шарден П. Феномен человека. Москва: Наука, 1987. 239 с.
- Философский энциклопедический словарь. 2010. Словари и энциклопедии на Академике/ URL: www.philosophy_of_science.academic.ru

Шаховский В.И. Диссонанс экологичности в коммуникативном круге: человек, язык, эмоции. Волгоград: ИП Поликарпов И.Л., 2016. 504 с.

Шаховский В.И. Эмоциональная компонента как межпарадигмальный интекст // Экология языка и коммуникативная практика, 2018. № 1. С. 14–27.

Шаховский В.И. М.Н. Эпштейн об экологии текста и ее перспективах. // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2021. № 1. С. 141–175.

Шаховский В.И., Штеба А.А., Экология, валеология, лингвистика - три источника лингвоэкологии // Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативной пространстве. Волгоград: Перемена, 2013. С. 8–23.

Эко У. История красоты. М.: СЛОВО / SLOVO, 2006. 440 с.

Haugen E. The ecology of language. Essays by Einar Haugen. Stanford: Stanford University Press, 1972.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 12.01.2022

Дата принятия к печати: 15.03.2022

Сведения об авторе:

Щирова Ирина Александровна – доктор филол. наук, профессор кафедры английской филологии Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена

Контактная информация:

197136 Санкт-Петербург, ул. Полозова, д.21, кв. 18

email: schirova@yandex.ru

Гурочкина Алла Георгиевна – кандидат филол. наук, профессор кафедры английской филологии Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена

Контактная информация:

197136 Санкт-Петербург, ул. Полозова, д.21, кв. 18

email: schirova@yandex.ru

Для цитирования:

Щирова И.А., Гурочкина А.Г. Лингвистика на междисциплинарных перекрестках: интегративные научные исследования как объективная необходимость // Вопросы психолингвистики № 1(51) 2022, С. 48-55. doi: 10.30982/2077-5911-2022-51-1-48-55

UDC 81.23

LBC 81

DOI 10.30982/2077-5911-2022-51-1-48-55

Research article

LINGUISTICS AT INTERDISCIPLINARY INTERSECTIONS: INTEGRATIVE SCIENTIFIC RESEARCH AS AN OBJECTIVE NECESSITY

Irina A. Schirova

The Herzen State Pedagogical University of Russia

Alla G. Gurochkina

The Herzen State Pedagogical University of Russia

Abstract

The paper deals with interdisciplinarity, the phenomenon forming a methodological basis of numerous research in modern Humanities. The reasons for the demand for interdisciplinary unions are pointed out. The complexity of interdisciplinarity is proved by the analysis of different types of meanings, presented in interdisciplinary nominations: scientific, ethical and aesthetic, etc. The idea of linguo-ecology, actively developed by Prof. Victor I. Shakhovskiy, is paid a special attention to.

Keywords: scientific discipline, interdisciplinarity, specialization, integration, contextualization of scientific knowledge, linguoecology

References

- Eko, U. (2004) *Istoriya krasoty* [History of beauty]. Transl. from Italian by A.A. Sabashnikova (2004). Moscow, SLOVO. 440 p. (In Russian)
- Gal'perin, I.R. (2005) *Izbrannye Trudy* [Selected works]. Moscow, Vysshaya shkola. 255 p. (In Russian)
- Haugen, E., (1972) *The ecology of language. Essays by Einar Haugen*. Stanford, Stanford University Press.
- Knyazeva, E.N. (2011) *Transdistsiplinarnye strategii issledovaniia* [Transdisciplinary research strategies]. *Tomsk state pedagogical university bulletin*. 10 (112), 193–201. (In Russian)
- Kubryakova, E.S. (1995) *Evolutsiya lingvisticheskikh idei vo vtoroi polovine XX veka (opyt paradigmalnogo analiza)* [The Evolution of Linguistic Ideas in the Second Half of the 20th Century (An Experience of Paradigm Analysis)]. In: *Yazyk i nauka kontsa XX veka* [Language and science of the late twentieth century]. Moscow, Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet, pp. 144–238. (In Russian)
- Likhachev, D.S. (1996) *Bez dokazatel'stv* [Without proof]. RAN, In-t rus. lit. (Pushkinskii Dom). Saint Petersburg, BLITs. 191 p. (In Russian)
- Philosophical encyclopedic dictionary [Filosofskii ehntsiklopedicheskii slovar'] (2010) In: *Slovari i entsiklopedii na Akademike* [Dictionaries and encyclopedias at Academician]. URL: www.philosophy_of_science.academic.ru (16.12.2021). (In Russian)
- Razinkina, N.M. (1989) *Funktsional'naya stilistika angliiskogo yazyka* [Functional stylistics of the English language]. Moscow, Vysshaya shkola. (In Russian)

Shakhovskii, V.I. (2016) *Dissonans ekologichnosti v kommunikativnom krug: chelovek, yazyk, emotsii* [Dissonance of environmental friendliness in the communicative circle: man, language, emotions]. Volgograd, IP Polikarpov I.L. 504 p. (In Russian)

Shakhovskii, V.I. (2018) Emotsional'naya komponenta kak mezhpardigmal'nyi intekst [Emotional Component as an Interparadigm Intext]. *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika*. 1, 14–27. (In Russian)

Shakhovskii, V.I. (2021) M.N. Epshtein ob ekologii teksta i ee perspektivakh [Epstein on text ecology and its prospects]. *Mir lingvistiki i kommunikatsii: elektronnyi nauchnyi zhurnal*. 1, 141–175. (In Russian)

Shakhovskii, V.I., Shteba A.A., Ekologiya, valeologiya, lingvistika – tri istochnika lingvoekologii [Ecology, valeology, linguistics – three sources of linguoecology]. In: *Emotivnaya lingvoekologiya v sovremennom kommunikativnoi prostranstve* [Emotive linguoecology in the modern communicative space]. Volgograd, Peremena, pp. 8–23. (In Russian)

Teiar de Sharden, P. (1955) *Fenomen cheloveka* [The Phenomenon of Man]. Transl. from French (1987) Moscow, Nauka. 239 p. (In Russian)

Vechkanov, V.E. (2013) *Istoriya i filosofiya nauki* [History and philosophy of science]. Moscow, INFRA. 256 p. (In Russian)

© **Schirova I.A., Gurochkina A.G., 2022**

Article history:

Received: 12.01.2022

Accepted: 15.03.2022

Bionotes:

Irina A. Schirova – Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor of the Department of English Philology, Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen

Contact information:

18, Polozova St., 21, St. Petersburg, Russia, 197136

email: schirova@yandex.ru

Alla G. Gurochkina – Doctor of Philology, Professor of the Department of English Philology, Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen

Contact information:

18, Polozova St., 21, St. Petersburg, Russia, 197136

email: schirova@yandex.ru

For citation:

Schirova I.A., Gurochkina A.G. (2022) Linguistics at interdisciplinary intersections: integrative scientific research as an objective necessity. *Journal of Psycholinguistics*. 1(51), pp. 48-55. Available from: doi: 10.30982/2077-5911-2022-51-1-48-55 (In Russian)

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 81' (23+119)

ББК 81

DOI 10.30982/2077-5911-2022-51-1-56-65

Научная статья

ДИНАМИКА ИНДИВИДУАЛЬНОГО ЦВЕТОВОСПРИЯТИЯ КАК ОТРАЖЕНИЕ ИЗМЕНЕНИЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Бубнова Ирина Александровна

Государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
города Москвы «Московский городской педагогический университет»,
Москва, Россия

Аннотация

В статье рассматривается проблема индивидуального восприятия цвета звукобукв национального алфавита, которая отражает культурные различия между народами и является частью слова как «живого знания» (термин А.А. Залевской). Представлены результаты экспериментального исследования, подтверждающего выдвинутую автором работы гипотезу о сдвиге в восприятии цвета букв носителями русской культуры. Доказывается, что наблюдаемые процессы непосредственно связаны с замещением национальных культурных ценностей, обуславливающих изменения в процессе мировосприятия на индивидуальном уровне.

Ключевые слова: цветовосприятие, звукобуквы, национальный алфавит, национальная культура, динамика, культурные ценности

Введение

Изучение феномена цвета и его восприятия носителями разных культур имеет долгую историю в лингвистике, и это не является случайным, так как данная проблема неразрывно связана с ведущимися на протяжении многих столетий философскими спорами о нациях и языках, отражающих психический склад и нравы народа, о различиях в идеях, определяющих мировоззрение и миропонимание этноса, которые, как замечает Б. Рассел, лучше всего выражает его язык [Russel, 1983]¹.

Следует отметить, что в XX веке, в значительной мере благодаря возникновению психолингвистики, в частности теории Н. Хомского [Chomsky 1957; Хомский, 1972], постулирующей универсальность процесса мышления, в решении данного вопроса явно обозначились два направления.

Если на Западе и в США мнение о минимальном воздействии языка на восприятие человеком окружающего мира стало доминирующим, то отечественные ученые, не только никогда не отрицавшие общих закономерностей мыслительного процесса, характерных для homo sapiens, но и внесшие огромный вклад в его исследование, тем не менее успешно продолжили изучение национально-культурной специфики мировосприятия, обусловленной языком и проявляющейся на самых разных уровнях.

Именно в советской и российской науке в рамках фоносемантики, развитие которой всегда было связано с решением самого широкого круга задач, направленных на

¹ О. Есперсен, анализируя различия между французским и английским языками, прямо утверждает, что «каков язык, таков и народ». Jespersen, O. 1955. Growth and structure of the English Language. 9th ed. Garden City: Doubleday.

выявление «связи звука и значения в слове» [Шляхова 2020: 127], началось глубокое изучение проблемы цветового восприятия, в том числе и феномена звуко-символизма, интенсивно ведущееся и сегодня [Журавлев 1991; Горелов 2003; Прокофьева 2007; Рогожникова, Кочетова 2012; Рогожникова 2013 и др.]. В ходе этих работ было не просто экспериментально подтверждено наличие цветовой и ряда иных содержательных характеристик (размера, формы и др.) у звуков, но и сделаны важные теоретические выводы, в частности:

1) выдвинута и обоснована гипотеза о роли невербального кода как функционального базиса речи, занимающего «промежуточный уровень между первосигнальной и второсигнальной системами» [Горелов 2003: 33] и отвечающего на бессознательном уровне за поиск звуковых соответствий между лексическим значением слова и его фонетической формой [Горелов, Седов 2008];

2) доказано как существование универсальной звуко-цветовой картины мира, формирующейся на фоносемантическом уровне, так и наличие в этой картине национально обусловленных черт [Прокофьева 2007; Шляхова 2014 и др.];

3) установлены зоны несовпадений в цветовом восприятии, детерминированные культурой [Уланович 2013; He, Li, Xiao, Jiang, Yang, & Zhi, 2019; Twomey et al, 2021 и др.].

Подчеркнем, что к настоящему моменту данные, полученные не только в психолингвистике, но и в других гуманитарных науках, со всей очевидностью свидетельствуют о существенном влиянии языка не только на цветовую палитру в сознании человека как носителя определенной культуры, но на все базовые функции психики – память, ассоциации, внимание и восприятие [Goldstein, Davidoff, 2008; Sera, Elieff, Forbes, Burch, Rodriguez, & Dubois, 2002; Tan, L.M., et al. 2008 и др.], что, в свою очередь, доказывает актуальность и необходимость продолжения исследований, касающихся проблемы «язык – культура – мышление».

В целом сегодня можно утверждать, что образы разных модальностей, в том числе цветовые, соотносимые не только со словами, но и со звуками, являются неотъемлемой частью лексикона человека, в сознании которого любое слово представляет собой «живое знание» (в терминах А.А. Залевской), формирующееся в процессе познания окружающей реальности, обусловленное, с одной стороны, особенностями протекания всех когнитивных процессов, с другой – национальной культурой, и определяющее, в конечном итоге, специфику его образа мира, который, как отмечает А.А. Залевская, «начинает формироваться у ребенка до овладения языком и далее самоорганизуется параллельно с формированием и совершенствованием языкового знания как средства/инструмента познания и социализации через общение» [Залевская 2014: 70].

Фиксируемое в настоящее время изменение среды, прежде всего – культурной, где происходит развитие и становление личности, вызванное глобализационными процессами, «англификацией», цифровизацией и виртуализацией всех сфер жизни, не может не затрагивать мировосприятие человека. Вполне логично предполагать, что данное влияние распространяется и на достаточно стабильные, культурно зависимые сферы, в том числе и восприятие цвета звукобукв, связанное, с одной стороны, с особенностями видения мира определенным лингвокультурным сообществом, а с другой, с аффективной сферой психики человека, так как «человек всегда воспринимает и перерабатывает опыт при наличии определенного эмоционально-оценочного отношения к этому опыту» [Залевская 1999: 35]. Проверка данной гипотезы являлась **основной целью** проведенного нами экспериментального исследования.

Методология, методы, материал и процедура исследования

Методологической основой исследования послужили разработанные в отечественной психолингвистике положения о специфике психологической структуры значения слова [Леонтьев 1971], понимаемой нами, вслед за А.А. Залевской, как индивидуальное или «живое знание», как средоточие «пучка связей, прямо ведущих к продуктам многочисленных актов глубинной предикации, что в комбинации со связями по линии звуковой и графической формы слов дает ту многомерную систему связей, на которую неоднократно указывает А.Р. Лурия» [Залевская 2005: 124].

Для выявления цветовосприятия звукобуквы или, в терминах А.П. Журавлева, «субъективной реакции на слово как на набор звуков» [Журавлев 1974], представляющий собой компонент психологической структуры значения, признак, определяющий характер эмоционально-личностного отношения индивида к значительно более широкому кругу феноменов, ассоциируемому со звуком в индивидуальном сознании, в качестве основного использовался метод свободного ассоциативного эксперимента со стандартной инструкцией.

В список стимулов (по образцу А.П. Журавлева) были включены все гласные буквы русского алфавита – *а, е, и, о, у, э, ю, я, ы, й*².

Респондентами в исследовании выступили студенты и выпускники университетов. Общее количество участников эксперимента 105 человек, средний возраст 25 лет. Гендерный фактор во внимание не принимался.

В работе учитывалась только первая АР, данная каждым респондентом на предложенный стимул. В ходе обработки данных применялся метод статистического анализа. Полученные в ходе эксперимента АР сравнивались с данными массовых ассоциативных экспериментов, проведенных в последней трети XX века А.П. Журавлевым [Журавлев 1991].

Результаты и их обсуждение

Результаты экспериментального исследования, а также данные массовых ассоциативных экспериментов, приведенные в работе А.П. Журавлева, представлены в таблице 1.

Таблица 1

Соотношение экспериментальных данных и данных массовых АЭ

Буква	Экспериментальные данные	Данные массовых АЭ, проведенных во второй половине XX века (по исследованиям А.П. Журавлева)
а	99 АР (94%) – красный;	густо-красный
е	83 АР (79%) – зеленый	зеленый
и	46 АР (44%) – синий/голубой/сиреневый; 64% – другие	синий

² Для удобства сопоставления мы воспользовались в своем эксперименте списком стимулов русских гласных, предложенный А.П. Журавлевым, который включил в их состав и согласный Й («полугласный»)

о	48/19 AP (46%/18%) – желтый/белый; 54%/82% – другие	светло-желтый/белый
у	54 AP (51%) – темно-синий/сине-зеленый/лиловый; 49% – другие	темно-синий, сине-зеленый, лиловый
э	15 AP (14%) – зеленый/зеленоватый; 86% – другие	зеленоватый
ю	53 AP (50%) – голубоватый/сиреневый; 50% – другие	голубоватый, сиреневый
я	48 AP (46%) – красный, 21 (20%) – оранжевый; 54% – другие	ярко-желтый
ы	54 AP (51%) – темно-коричневый, чер- ный; 49% – другие	мрачный темно-коричневый или черный
й	43 AP (41%) – синий/синеватый; 59% – другие	синеватый

Очевидно, что в XXI веке в сознании носителей русского языка не изменилось восприятие цвета лишь двух гласных – *а, е*. Цветовая окраска остальных позволяет отметить несколько ярко выраженных сегодня тенденций: во-первых, резкое (около 50%) расхождение с зафиксированными ранее соответствиями «буква – цвет»; во-вторых, отсутствие согласованного группового мнения в оценке цвета какой-либо буквы; в-третьих, уменьшение частоты появления определенных цветов либо явный сдвиг цветового спектра в восприятии какой-то буквы.

Представляется, что все выявляемые тенденции вполне могут объясняться с точки зрения пересмотра основополагающих ценностей национальной лингвокультуры, прежде всего, отношением к собственной личности, обусловленным кардинальной трансформацией социума, что в совокупности определяет изменения, в том числе и на уровне цветовосприятия, в сознании отдельной личности.

Наиболее показательным результатом эксперимента, на наш взгляд, является заметный сдвиг от *желтого* в сторону *оранжево-красного* в цветовосприятии буквы *я*. В данном случае следует особо отметить, что характеристики, определяющие вектор воздействия цвета на человека [Клар, Люшер 1996], позволяют предполагать существование определенных корреляций между цветом в индивидуальном сознании, установками и наиболее устойчивыми чертами личности. И если в XX веке среднестатистический носитель русской лингвокультуры ассоциировал букву *я* со светло-желтым, символизирующим *отзывчивость, активность, веселость, стремление к общению* [там же], т.е. достаточно типичные этнические черты [Касьянова 1994], то в настоящее время цветовосприятие буквы *я* свидетельствует о перестройке индивидуального образа мира, смене позиции с друго-центричной на я-центричную, переходе от *растворения* в других и мире к *наступлению, агрессивности, возбужденному состоянию*. Эта направленность современного молодого человека на собственное *я*, рассматриваемое как нечто уникальное, поддерживаемая современной глобальной культурой, отмечается сегодня во многих работах, выполненных в рамках психолингвистической парадигмы, в частности, в исследованиях Н.В. Уфимцевой [Уфимцева 2017], Л.О. Бутаковой [Бутакова 2020; 2021], Т.А. Гридиной [Гридина 2016], Н.И. Коноваловой [Коновалова 2012] и многих других.

Еще одним косвенным подтверждением изменения восприятия самого себя и своего отношения к миру может служить и значительное уменьшение числа респондентов, называющих синий и его оттенки, которые являются отражением состояния *слияния, покоя и гармонии*, как цвета, характеризующие буквы *и, у*.

Появляется в цветовосприятии некоторых букв и серый цвет, символизирующий *нейтральность, отсутствие какой-либо психологической нагрузки*, который не фиксировался раньше и может также свидетельствовать о снижении эмпатии, подтверждаемой многочисленными проявлениями жестокости по отношению к окружающим, о которых ежедневно сообщают СМК, о стремлении индивида к отстранению от других, к фокусировке на собственных чувствах и эмоциях, не просто характерной, но и воспитываемой в человеке с раннего детства.

Не менее важным фактом оказывается и «размывание» оценок, отсутствие общего мнения, которое, как представляется, имеет в своей основе две причины. Первая – это уже упомянутое выше стремление подчеркнуть свою индивидуальность, непохожесть на других, культивируемое в человеке последние десятилетия практически с рождения. Вторая, на наш взгляд, непосредственно связана с модным сегодня «билингвизмом», тенденцией к употреблению заимствованной из английского языка лексики, превращающей в настоящий момент русский язык в подобие пиджина. Это косвенно подтверждается исследованиями О.И. Уланович, отмечающей «заметное совпадение фоносемантических профилей символов в обоих языках (*в русском и английском, примечание наше – И.Б.*), обозначающих гласные звуки, по доминантным цветовым характеристикам» [Уланович 2013], которое объясняется тем фактом, что «сходство артикуляционно-акустических параметров звуков речи в разных языках способствует переносу качеств, ассоциируемых с символами родного языка, на знаки иностранного языка на основании аналогии и подобия» [там же: 48]. Однако, на наш взгляд, вполне вероятен и обратный процесс, когда ценности чужой культуры, в частности отношение к своему *я*, которое занимает ядерное положение в англо-саксонской картине мира [Уфимцева 2017], присваивается сознанием современного носителя русской культуры. Собственно, именно важность данного процесса и отмечает автор упомянутой выше работы, обозначая его, вслед за Т.С. Серовой как максимальную интеграцию «ментальных знаков, выступающих репрезентациями в сознании языковых единиц, с определенными интеллектуальными и смысловыми компонентами, отражающими когнитивные значимости единиц во всем разнообразии речевых и социальных практик, а также аффективными компонентами сознания, связанными с отношением и субъективной оценкой тех или иных сопряженных с единицами языка явлений» [Серова 2010: 8]), однако с размыванием ценностей национальной культуры, изменением содержания языковой личности это в исследовании не связывается, хотя, на наш взгляд, такие корреляции весьма очевидны.

Заключение

В целом полученные экспериментальные данные дают веские основания утверждать, что национальная цветовая картина мира (подробнее о ЦКМ [Фрумкина 1984]), по крайней мере в области цветобуквенных обозначений, в сознании молодого поколения носителей русской лингвокультуры динамично изменяется. Более того, наблюдаемые сдвиги, проявляющиеся в уменьшении количества цветов, олицетворяющих состояние *гармонии с миром, его позитивное восприятие*, и, напротив, увеличение числа респондентов, ассоциирующих свое *я* с *агрессией, наступлением* как желаемым либо

действительным состоянием, отражают не просто изменения на уровне отдельной личности, но изменения национального мировосприятия, вызванные иной культурой, внедряющей свои установки в сознание человека.

Безусловно, эти выводы требуют тщательной проверки в ходе дальнейших исследований, однако уже выявленные тенденции, как представляется, в любом случае заслуживают самого пристального внимания лингвистов.

© Бубнова И.А., 2022

Литература

Бубнова И.А., Зыкова И.В., Красных В.В., Уфимцева Н.В. (Нео)психолингвистика и (психо)лингвокультурология: новые науки о человеке говорящем. М.: Гнозис, 2017. С. 21–97.

Бутакова Л.О. «Когда я буду бабушкой – Годов через десяточек ...»: сочинения школьников о пожилом возрасте и старости // Русский язык в школе. 2020. Т. 81. № 6. – С. 32–41. DOI: 10.30515/0131-6141-2020-81-6-32-41.

Бутакова Л.О. Языковая способность, речевая компетенция, речевая деятельность представителей поколения Z // Русский язык в школе. 2021. Т. 82. № 4. С. 61–74. DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-4-61-74

Горелов И.Н. Избранные труды по психолингвистике. М.: Лабиринт, 2003. 320 с.

Горелов И.Н., Седов К.Ф. Основы психолингвистики. М.: Лабиринт, 2008. 320 с.

Гридина Т.А. «Своя игра»: ребенок в мире языка: Монография. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2016.

Журавлев А.П. Фонетическое значение. Л.: ЛГУ, 1974. 159 с.

Журавлев А.П. Звук и смысл. 2-е изд., испр. и доп. М.: Просвещение, 1991. 160 с.

Залевская А.А. Психолингвистический подход к анализу языковых явлений // Вопросы языкознания. 1999. Вып. 6. С. 31–43.

Залевская А.А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст. Избранные труды. М.: «Гнозис», 2005. 543 с.

Залевская А.А. Интерфейсная теория значения слова: психолингвистический подход: монография. Лондон: Международная академия наук и высшего образования, 2014. 179 с.

Касьянова К. О русском национальном характере. М.: Институт национальной модели экономики, 1994. 267 с.

Клар Г., Люшер М. Магия цвета. Харьков: Сварог, АО «Сфера», 1996. 432 с.

Коновалова Н.И. Модель описания культурной семантики языковых единиц в слове // Педагогическое образование и наука. 2012. № 11. С. 18–20.

Леонтьев А.А. Психологическая структура значения // Семантическая структура слова. Психолингвистические исследования. М.: Наука, 1971. С. 7–19.

Прокофьева Л.П. Звуко-цветовая ассоциативность: универсальное, национальное, индивидуальное. Саратов, 2007. 280 с.

Рогожникова Т.М., Кочетова Г.Р. Ассоциативная цветность звуков башкирского и татарского языков // Вестник Башкирского университета. – Уфа: Изд-во БашГУ. 2012. Том 17, № 3 (Филология и искусствоведение). С. 1313–1320.

Рогожникова Т.М. Внутренняя форма и ее ассоциативная цветность // Всероссийская Интернет-конференция «Языковая действительность и действительность языка», посвященная памяти доктора филологических наук, проф. Травкиной А. Д. Тверь, 2013. [Электронный ресурс]. URL: <http://rgf.tversu.ru/sites/default/files/doc-files/Rogozhnikova-2013.pdf> (дата обращения 01.02.2022)

Серова Т.С. Сбалансированный билингвизм и механизм языкового переключения в устной переводческой деятельности в условиях диалога языков и культур // Вестн. Том. гос. ун-та. Язык и культура. 2010. №4 (12). С. 44–56.

Уланович О.И. Суггестивная функция языковых звукоизобразительных символов: проблема передачи эффектов воздействия при переводе рекламных слоганов // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2013. №4 (24). С. 43–52.

Фрумкина Р.М. Цвет, смысл, сходство: аспекты психолингвистического анализа. М.: Наука, 1984. 175 с.

Хомский Н. Язык и мышление. М.: Изд-во МГУ, 1972. 123 с.

Шляхова С.С. Звуко-цветовая ассоциативность в коми-пермяцком языке (гласные) // Социо- и психолингвистические исследования. 2014. Вып. 2. С. 108–114.

Шляхова С.С. О состоянии фоносемантики в России. Статья третья. Российские фоносемантические школы и центры // Вопросы психолингвистики. 2020. № 2(44). С. 124–145.

Chomsky N. Syntactic structures. Mouton & Co., N.V., 1957.

Goldstein J., Davidoff J. Categorical perception of animal patterns. British Journal of Psychology, 2008. V. 99. P. 229-243. DOI: 10.1348/000712607X2 2855

He H., Li J., Xiao Q., Jiang S., Yang Y., & Zhi S. Language and color perception: evidence from Mongolian and Chinese speakers. Front. Psychol. 2019. P.10:551. DOI: 10.3389/psyg.2019.00551

Russel B. Cambridge essays, 1888-99. Ed. K Blackwell et el. London: Allen and Unwin, 1983.

Sera M.D., Elieff C., Forbes J., Burch M.C., Rodriguez W., & Dubois P. When language affects cognition and when it does not: An analysis of grammatical gender and classification. Journal of Experimental Psychology: General/ 2002. V. 131:3. P. 377-397. DOI: 10.1037//0096-3445.131.3.377

Tan L.H., A.H.D.Chan, P.Kay, P.L.Khong, L.K.C.Yip, and K.K.Luke. Language affects patterns of brain activation associated with perceptual decision. Proceedings of the National Academy of Sciences. 2008. V. 105 (10). P. 4004-09.

Twomey et al. What we talk about when we talk about colors. PNAS. 2021. V. 118. P. 39 e2109237118 DOI:10.1073/pnas.2109237118

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 07.02.2022

Дата принятия к печати: 12.03.2022

Сведения об авторе:

Бубнова Ирина Александровна – заведующий кафедрой зарубежной филологии ГАОУ ВО МГПУ, доктор филологических наук, кандидат психологических наук, профессор

Контактная информация:

129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, дом 4

ORCID: 0000-0002-1024-600X

email: aribubnova@gmail.com

Для цитирования:

Бубнова И.А. Динамика индивидуального цветовосприятия как отражение изменений национальной культуры // Вопросы психолингвистики № 1(51) 2022, С. 56-65. doi:10.30982/2077-5911-2022-51-1-56-65

UDC 81'(23+27)

LBC 81

DOI 10.30982/2077-5911-2022-51-1-56-65

Research article

**DYNAMICS OF INDIVIDUAL COLOR PERCEPTION AS A REFLECTION
OF CHANGES IN NATIONAL CULTURE**

Irina A. Bubnova

Moscow City University
Moscow, Russia

Abstract

The article deals with the problem of individual perception of the color of the sound-letters of the national alphabet, which reflects cultural differences between peoples and is regarded as a part of the word as “living knowledge” (Alexandra A. Zalevskaya’s term). The results of the conducted experimental study confirm the hypothesis about a shift in the perception of the colour of sound-letters by the members of the Russian culture. It is proved that the observed processes are directly related to the replacement of national cultural values, which cause changes in the process of world perception at the individual level.

Keywords: color perception, sound-letters, national alphabet, national culture, dynamics, cultural values

References

Bubnova, I.A., Zykova, I.V., Krasnykh, V.V., Ufimtseva, N.V. (2017) *(Neo) psikholingvistika i (psikho)lingvokul'turologiya: novyye nauki o cheloveke govoryashchem* [(Neo)psycholinguistics and (psycho)linguoculturology: new sciences about a speaking person]. Moscow, Gnosis, pp. 21–97. (In Russian)

Butakova, L.O. (2020) «Kogda ya budu babushkoy – Godov cherez desyatochek ...»: *sochineniya shkol'nikov o pozhilom vozraste i starosti* [“When I will be a grandmother - In ten years ...”: schoolchildren’s essays on old age and old age]. *Russkiy yazyk v shkole*. 81(6), 32–41. DOI: 10.30515/0131-6141-2020-81-6-32-41 (In Russian)

Butakova, L.O. (2021) Yazykovaya sposobnost', rechevaya kompetentsiya, rechevaya deyatelnost' predstaviteley pokoleniya Z [Language ability, speech competence, speech activity of representatives of generation Z]. *Russkiy yazyk v shkole*. 82 (4), 61–74. DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-4-61-74 (In Russian)

Chomsky, N. (1957) *Syntactic structures*. Mouton & Co., N.V.

Frumkina, P.M. (1984). *Tsvet, smysl, skhodstvo: aspekty psikholingvisticheskogo analiza* [Color, meaning, similarity: aspects of psycholinguistic analysis]. Moscow, Nauka (In Russ.).

Goldstein, J., Davidoff, J. (2008) *Categorical perception of animal patterns*. *British Journal of Psychology*. 99, 229–243. DOI: 10.1348/000712607X2 2855

Gorelov, I.N. (2003) *Izbrannyye trudy po psikholingvistike* [Selected works on psycholinguistics]. Moscow: Labirint (In Russian).

Gorelov, I.N., Sedov, K.F. (2008) *Osnovy psikholingvistiki* [Fundamentals of psycholinguistics]. Moscow, Labirint (In Russian).

Gridina, T.A. (2016) “*Svoya igra*”: *rebenok v mire yazyka: Monografiya*. [«Own game»: a child in the world of language: Monograph]. Yekaterinburg, Ural. gos. ped. un-t Publ. (In Russian).

He, H., Li, J., Xiao, Q., Jiang, S., Yang, Y., & Zhi, S. (2019) *Language and color perception: evidence from Mongolian and Chinese speakers*. *Front. Psychol.* 10:551. DOI: 10.3389/psyg.2019.00551

Kas'yanova, K. (1994) *O russkom natsional'nom kharaktere* [About the Russian national character]. Moscow, Institut natsional'noy modeli ekonomiki. (In Russian).

Khomskiy, N. (1972) *Yazyk i myshleniye* [Language and thinking]. Moscow, Izdatel'stvo MGU. (In Russian).

Klar, G., Lyusher, M. (1996) *Magiya tsveta* [The magic of color]. Khar'kov, Svarog, AO «Sfera» (In Russian).

Konovalova, N. I. (2012) Model' opisaniya kul'turnoy semantiki yazykovykh yedinit v slovare [A model for describing the cultural semantics of language units in a dictionary]. *Pedagogicheskoye obrazovaniye i nauka*. 11, 18–20 (In Russian).

Leont'yev, A.A. (1971) Psikhologicheskaya struktura znacheniya [Psychological structure of meaning]. *Semanticheskaya struktura slova. Psikholingvisticheskiye issledovaniya*. Moscow, Nauka, 7–19 (In Russian).

Prokof'yeva, L.P. (2007) *Zvuko-tsvetovaya assotsiativnost': universal'noye, natsional'noye, individual'noye* [Sound-color associativity: universal, national, individual]. Saratov, Izd-vo Saratovskogo meditsinskogo un-ta (In Russ.).

Rogozhnikova, T.M. (2013) Vnutrennyaya forma i yeye assotsiativnaya tsvetnost' [Internal form and its associative chromaticity]. In: *Vserossiyskaya Internet-konferentsiya «Yazykovaya deystvitel'nost' i deystvitel'nost' yazyka», posvyashchennaya pamyati doktora filologicheskikh nauk, prof. Travkinoy A. D.* URL: <http://rgf.tversu.ru/sites/default/files/doc-files/> [Accessed 15th January 2022] (In Russian).

Rogozhnikova, T.M., Kochetova, G.R. (2012) Assotsiativnaya tsvetnost' zvukov bashkirskogo i tatarskogo yazykov [Associative color of the sounds of the Bashkir and Tatar languages]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta. Filologiya i iskusstvovedeniye*. Ufa, Izd-vo BashGU. 17 (3), 1313–1320 (In Russian).

Russel, B. (1983) *Cambridge essays, 1888-99*. Ed. K Blackwell et el. London, Allen and Unwin.

Sera, M. D., Elieff, C., Forbes, J., Burch, M. C., Rodriguez, W., & Dubois, P. (2002) When language affects cognition and when it does not: An analysis of grammatical gender and classification. *Journal of Experimental Psychology: General*. 131:3, 377–397. DOI: 10.1037//0096-3445.131.3.377

Serova, T.S. (2010) Sbalansirovanny bilingvizm i mekhanizm yazykovogo pereklyucheniya v ustnoy perevodcheskoy deyatelnosti v usloviyakh dialoga yazykov i kul'tur [Balanced bilingualism and the mechanism of language switching in oral translation activity in the context of the dialogue of languages and cultures]. *Bulletin of the Tomsk State University. Language and culture*. 4 (12), 44–56. (In Russian).

Shlyakhova, S.S. (2014) Zvuko-tsvetovaya assotsiativnost' v komi-permyatskom yazyke (glasnyye) [Sound-color associativity in the Komi-Permyak language (vowels)]. *Sotsio- i psikholingvisticheskiye issledovaniya*. 2, 108–114.

Shlyakhova, S. S. (2020) O sostoyanii fonosemantiki v Rossii. Stat'ya tret'ya. Rossiyskiye fonosemanticheskiye shkoly i tsentry [On the state of phonosemantics in Russia. Article three. Russian phonosemantic schools and centers]. *Journal of psycholinguistics*. 4 (50), 24–145. (In Russian).

Tan, L.H., A.H.D., Chan, P., Kay, P.L., Khong, L.K.C., Yip, and K.K., Luke. (2008) Language affects patterns of brain activation associated with perceptual decision. *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 105 (10), 4004–4009.

Twomey, et al. (2021) What we talk about when we talk about colors. PNAS. 118, 39 e2109237118 DOI:10.1073/pnas.2109237118

Ulanovich, O.I. (2013) Suggestivnaya funktsiya yazykovykh zvukoizobrazitel'nykh simbolov: problema peredachi effektov vozdeystviya pri perevode reklamnykh sloganov [The suggestive function of linguistic sound-visual symbols: the problem of transferring the effects of exposure in the translation of advertising slogans]. *Bulletin of the Tomsk State University. Philology*. 4 (24), 43–52 (In Russian).

Zalevskaya, A.A. (1999) Psikholingvisticheskiy podkhod k analizu yazykovykh yavleniy [Psycholinguistic approach to the analysis of linguistic phenomena]. *Topics in the study of language*. 6, 31–43 (In Russ.).

Zalevskaya, A. A. (2005) *Psikholingvisticheskiye issledovaniya. Slovo. Tekst. Izbrannyye trudy* [Psycholinguistic research. Word. Text. Selected works]. Moscow, «Gnozis» (In Russian).

Zalevskaya, A. A. (2014) *Interfeysnaya teoriya znacheniya slova: psikholingvisticheskiy podkhod: monografiya* [Interface theory of word meaning: psycholinguistic approach: monograph]. London, Mezhdunarodnaya akademiya nauk i vysshego obrazovaniya (In Russian).

Zhuravlev, A. P. (1974) *Foneticheskoye znachenie* [Phonetic meaning]. Leningrad, LGU Publ. (In Russian).

Zhuravlev, A. P. (1991) *Zvuk i smysl*. 2-ye izd., ispr. i dop. [Sound and meaning. 2nd ed., rev. and additional]. Moscow, Prosveshcheniye (In Russian).

© Bubnova I.A., 2022

Article history:

Received: 07.02.2022

Accepted: 12.03.2022

Bionotes:

Irina A. Bubnova – Professor, Doctor of Philology (Dr. habil.), Ph. D. in Psychology, Head of Foreign Philology Chair, Moscow City University, Moscow

Contact information:

2-nd Sel'skokozyajstvennyj proezd, 4, Moscow, Russian Federation, 129226

ORCID: 0000-0002-1024-600X

email: aribubnova@gmail.com

For citation:

Bubnova I.A. (2022) Dynamics of individual color perception as a reflection of changes in national culture. *Journal of Psycholinguistics*. 1(51), pp. 56-65. Available from: doi: 10.30982/2077-5911-2022-51-1-56-65 (In Russian)

УДК 81.23

ББК 81

DOI 10.30982/2077-5911-2022-51-1-66-75

Научная статья

**СПЕЦИФИКА СОДЕРЖАНИЯ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ
ЗНАЧЕНИЯ СЛОВА *СОВЕТСКИЙ*
(ПО ДАННЫМ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ЭКСПЕРИМЕНТА)**

Горохова Дарья Вадимовна

Одинцовский филиал МГИМО МИД России,
Москва, Россия

Аннотация

В статье представлены результаты психолингвистического эксперимента, проведенного с целью выявления содержания и моделирования психологической структуры значения слова *советский* в сознании поколения, родившегося на рубеже веков и сформировавшегося под воздействием информации о советском этапе развития страны, которая транслируется сегодня в различных типах дискурсов. Полученные результаты позволили сделать выводы о поверхностном, «мозаичном» и противоречивом характере знаний современных молодых людей о прошлом России. Такая ситуация, с одной стороны, обуславливает нестабильность и амбивалентность отношения молодых людей к истории нашей страны, а, с другой, позволяет изменять историческую память народа, что может иметь вполне предсказуемые последствия.

Ключевые слова: ассоциативный эксперимент, психологическая структура значения, советский, историческая память, нестабильность, амбивалентность

Введение

Проблема исторической памяти вновь стала одной из ведущих тем, широко обсуждаемых в российском обществе, несколько лет назад, что было связано сразу с несколькими знаменательными датами – празднованием 75-летия со дня Победы СССР в Великой Отечественной войне, 100-летней годовщиной со дня основания Советского Союза и 30-летней – с того дня, когда страна прекратила свое существование как суверенное государство, а также с юбилеями последнего Президента СССР М.С. Горбачева и первого Президента России Б.Н. Ельцина.

При этом анализ многочисленных публикаций и передач, современных фильмов и литературных произведений, посвященных советской эпохе, позволяет говорить о том, что данный период истории нашей страны начинает постепенно подвергаться радикальному пересмотру: «назначены» спасителями и защитниками Отечества адмирал Колчак и маршал Маннергейм, символом предательства в сознании молодых людей стал Павлик Морозов, садистом и психопатом, получавшим удовольствие от убийства людей, объявлен Аркадий Гайдар, книги которого, наряду с произведениями других известных советских и русских писателей, уже давно исключены из школьной программы. В центральной прессе разворачивается дискуссия о том, нужен ли нам

миф о Павле Корчагине, вжился бы он в нашу сегодняшнюю действительность, «где всё так перевернулось, духовно обесценилось и общество взяло курс на согласие и примирение?» [Литературная... https], и насколько вообще формируют и обогащают личность такие герои, которые, вместо грустных мыслей о конечности жизни думают «о том, чтобы, умирая, можно было сказать: “Вся жизнь и все силы были отданы самому прекрасному в мире – борьбе за освобождение человечества”» [там же].

Постепенно начинает модифицироваться даже память о Великой Отечественной войне – том этапе в жизни советских людей, воспоминания о котором до сих пор оставались священными для всего народа. Так, несколько лет назад «оригинальную» трактовку получил подвиг Зои Космодемьянской, молчание которой «на подиуме» (именно такое определение было дано А. Бильджо последним минутам жизни партизанки перед казнью) объяснили ее шизофренией. Уже назван «мифом советской пропаганды» огненный таран Николая Гастелло, сомнительным оказывается прежнее отношение к истории генерала Власова, из современной художественной литературы или кинофильмов все чаще можно узнать о людоедстве, процветавшем в блокадном Ленинграде, либо о благородных эсэсовцах, вызывавших советских военнопленных на дуэль, бросая им перчатку. И цель такой трактовки вполне очевидна: на фоне постоянно повторяющихся утверждений о том, что память о великой Победе объединяет все поколения, сами акценты постепенно смещаются, и речь уже идет о победе обычных людей, простых солдат, но не о битве двух идеологий, смертном бое советского народа, существование которого все чаще объявляется мифом соцреализма [Бубнова, Горохова 2021].

Несмотря на тот факт, что эксплицитно подобные оценки событий пока касаются лишь отдельных эпизодов советского прошлого либо определенных исторических личностей (хотя нужно отметить, что это именно те люди, имена которых были в советское время прецедентными и маркировали высшие морально-нравственные качества) [Подрезова 2016], следует подчеркнуть, что сама тенденция представить СССР, советского человека, и в целом все феномены, маркируемые словом *советский*, как нечто фальшивое, уродливое, не укладывающееся в рамки «цивилизованных отношений», характерных для стран Запада, наблюдается сегодня в любом типе дискурса – научном, художественном, публицистическом, педагогическом и других [Гудков 2007: 22–23; Лебина 2006; Фицпатрик 2001 и др.].

Избранный в настоящий момент ракурс интерпретации советского прошлого не мог не отразиться на его оценке молодыми людьми, родившимися после 90-х годов. Психолингвистические исследования, направленные на выявление уже сформировавшихся в сознании поколения Z представлений об СССР и советском человеке [Бубнова 2020; Бубнова 2021], показывают, что тенденция к росту негативных оценок своей страны и ее истории проявляется совершенно явно.

Тем не менее (и это следует подчеркнуть особо), полученные результаты весьма неоднозначны [Бубнова, Горохова 2021; Шапошникова 2020; Bubnova, Tokareva 2021 и др.]), в силу чего эта проблема требует дальнейшего тщательного изучения.

В данной статье представлены итоги одного из этапов комплексного экспериментального исследования, целью которого является изучение представлений современной молодежи о советском периоде истории России.

Экспериментальное исследование значения слова *советский*

Методология и методики

Методологической основой исследования послужили:

- 1) положения культурно-исторической теории, прежде всего, выдвинутая Л.С. Выготским [Выготский 2005] идея о знаке как главном орудии психической деятельности, основном средстве управления поведением;
- 2) положение о трех функциональных подсистемах – значении, личностном смысле и чувственной ткани, обеспечивающих содержание индивидуального сознания, которое было разработано в рамках общепсихологической теории деятельности А.Н. Леонтьевым [Леонтьев 2005];
- 3) основные положения отечественной психолингвистики о слове как «превращенной форме деятельности»; значении, как «социально кодифицированной форме общественного опыта» [Леонтьев 2005: 130] и смысле как форме «общественного опыта, усваиваемого индивидом» и отличающегося от значения тем, что «смысл – форма не кодифицированная» [там же: 134], а также психологической структуре значения, представленной системой «ассоциативных связей слов, <...> то есть его ассоциативной структуре» [Леонтьев 1971: 11].

Цель исследования – выявление психологической структуры значения слова *советский* в групповом сознании носителей русской лингвокультуры, родившихся и сформировавшихся в XXI веке.

Основной методикой исследования являлся метод классического ассоциативного эксперимента со стандартной инструкцией. Стимулом в эксперименте являлось слово *советский*.

Результаты ассоциативного эксперимента (семантическое поле) анализировались качественно.

Особое внимание уделялось:

- 1) AP, названным тремя и более участниками эксперимента, которые в дальнейшем использовались для построения ассоциативной семантической универсалии стимула *советский*, и моделирования содержания предложенного стимула в сознании респондентов исследованной группы;
- 2) субъективным ассоциациям, вероятность актуализации которых, с точки зрения теории деятельности, возрастает с повышением сходства семантического значения и обусловлена личным опытом, активным, отношенческим контекстом, что делает их особо информативными.

Участниками эксперимента были студенты вуза, $n = 50$, средний возраст – 20 лет. Половая принадлежность участников эксперимента не являлась значимым фактором, поэтому в эксперименте не фиксировалась.

Результаты

В ходе эксперимента было получено в общей сложности 433 AP, причем 164 из них были единичными.

Из оставшихся 269 AP совпали полностью 154 реакции, именно они и вошли в ассоциативную семантическую универсалию стимула *советский*, имеющую следующий вид (по убыванию): *Сталин (вождь Сталин) – 12, коммунизм – 12, Ленин – 11, пионер – 7, СССР – 6, фильмы (качественные) – 6, дефицит – 6, красный (знамя, флаг, герб) – 6, Хрущев – 5, Брежнев – 5, революция – 4, война – 4, социализм – 4,*

Олимпиада-80 – 4, партия – 4, совок – 4, развал (СССР) – 4, Гагарин – 3, Горбачев – 3, спорт – 3, лагерь – 3, ГУЛАГ – 3, распад – 3, равенство (людей и народов) – 3, Гайдай – 3, голод – 3, заводы – 3, холодная война – 3, хрущевки – 3, цензура – 3, Чернобыль – 3, талоны – 3, республики – 3, серп и молот – 3, КПСС – 3, мороженое (вкусное) – 3. Остальные 115 – не более двух раз.

При этом следует отметить, что дальнейший анализ позволяет, несмотря на наблюдаемые формальные несовпадения АР, сгруппировать полученные реакции (в том числе и названные два или один раз) в несколько компонентов, которые дают более детальное представление о содержании психологической структуры слова *советский* в сознании исследованной группы.

Одним из наиболее крупных по количеству вошедших в него АР является компонент **советские руководители и известные деятели** (42 АР): *Сталин (вождь) – 12, Ленин – 12, Брежнев – 5, Горбачев – 3, Андропов – 2, Ельцин – 1, Маленков – 1, Берия – 1, Жуков – 1, Конев – 1, Буденный – 1, Троцкий – 1, Черненко – 1*, причем в это число был включен и Б.Н. Ельцин, упомянутый один раз.

Кроме руководителей, *советский* ассоциируется с достижениями того периода жизни страны. Это, прежде всего, **искусство** (литература, кинематограф и музыка) (26 АР), куда входят такие реакции, как *Пушкин, Ирония судьбы, Иван Васильевич меняет профессию, Шурик, Трое в лодке, не считая собаки, Миронов, фильмы (качественные, старые), Тарковский, мультфильмы (Союзмультфильм), музыка, рок, Балабанов, Высоцкий, Цой*; а также **спорт** (12 АР), **победа в Великой Отечественной войне** (12 АР), **советская космическая программа** (6 АР), **автопром** (5 АР).

Выделяющийся компонент **общественный строй и его характеристики** (24 АР): *социализм, советы, власть народа, ленсовет, народная сила, коллектив, общественное мнение, профсоюзы* и т.д. тесно связан, с одной стороны, с **символами** (10 АР) этой власти: *красный флаг, знамя, серп и молот, герб, гимн* и т.д., с другой – с различными **аспектами советской жизни**, куда включены **идеология и политические организации** (19 АР): *ЦК, политбюро, дух, идеология, райком, авторитаризм, партия, большевики, коммунисты, комсомольцы, пионеры, октябрюта*, и др.; **административное устройство страны** (11 АР): *правительство, республики, автономный округ, райисполком* и др.; **социальное положение советских граждан** (8 АР): *пролетариат, рабочие* и др., этапы **развития страны** (19 АР): *НЭП, целина, ЛЭП, пятилетки, работа, наука, производство, заводы(отечественные), колхозы, развал СССР, распад, ваучер, ГДР, Берлинская стена*.

Особо можно выделить два компонента, где группируются представления наших молодых современников о **качествах советского человека и принципах жизни советских людей**. В данном случае они прямо противоположны друг другу: компонент **положительные качества** (28 АР), где наши респонденты прямо ссылаются на собственный опыт и приводят личные примеры: *родители, предки, бабушка и дедушка, патриотизм, равноправие, равенство, братство, простота, многодетность, народная сила, семейность, только вместе, дисциплина, искренность, доброта, дружба, единство, стабильность, уважение* и т.д. противопоставлен компоненту **негативные стороны** (23 АР): *послушание, пьянство, подчинение, бесперспективность, скука* и т.д.

Значительное число АР образует еще несколько компонентов психологической структуры значения, отражающих отрицательное восприятие феномена *советский*,

то, что, как правило, скрывается под уже закрепившемся в русском языке словом **совок** (61 AP).

Прежде всего это компонент, связанный с уже традиционно обсуждаемой в разных типах дискурса темой **репрессий** (13 AP): *ГУЛАГ, расстрелы, лагерь, ссылки* и т.д. Выделяются компоненты **стереотипные реакции** (7 AP): *тоталитаризм, насилие, железный занавес, запрет, застой, культ вождя, цензура*; **представления о советской экономике** (6 AP): *неэффективность, недостаточность, спекуляция, теневая экономика* и т.д.; **представления о быте советского человека** (17 AP): *одинаковая одежда, дефицит, голод, нехватка, талоны, карточки на еду, очереди, алкоголь, мир без денег, размытые перспективы, наркотики, дискриминация, гомофобия*; **эмоциональное отношение** (18 AP): *совковый, нищета, спертость, разруха, смерть, тирания, тюрьма, устаревший, духота, дряхлый, жить в вакууме* и т.д.

В четко ограниченный компонент значения, так же, как и предыдущий, в большей степени отрицательный по своей сути, входит **советская военная сфера** (16 AP): *гонка вооружений, Афганистан, груз 200, захват, военное вмешательство, агрессор* и т.д.

Помимо этого могут быть выделены такие компоненты, как **приметы советского времени** (19 AP): *мороженое, новогодние игрушки, низкие дома, панельки, сталинский ампир, дома (панельки), клеш, ковры на стенах, галстук, шоколад, старая пленка* и т.д.; **то, чем занимались советские дети** (18 AP): *кружки, макулатура, дискотеки, обучение, шахматы, хобби* и др.; **оценка** (12 AP): *история, прошлое, ностальгия, великий народ, сложность, трудное время*; **памятные события** (7 AP): *перестройка, Чернобыль, Тарасов, инфляция, самиздат* и т.д.

Часть индивидуальных AP ($n = 55$), как уже упоминалось выше, не были включены ни в один из компонентов в силу того, что они могут быть интерпретированы различным образом либо вообще не поддаются истолкованию.

Дискуссия

Прежде всего следует отметить, что с точки зрения психосемантики ассоциативная семантическая универсалия дает достаточно точное представление о том, какие характеристики стимула будут актуализироваться в сознании любого участника экспериментальной группы в первую очередь, т.к. в нее включены именно информативные, не случайные ассоциации, выбранные испытуемым из огромного числа возможных.

По сути, именно те ассоциативные реакции, которые вошли в семантическую универсалию, и оказались затем в процессе моделирования отдельными компонентами психологической структуры значения.

Наиболее частотные AP образовали ядро данной структуры (компонент **советские руководители и известные деятели**), и в этом случае можно предполагать, что *советский* в сознании исследованной группы респондентов – это, прежде всего, первые руководители СССР, а также ряд вполне предсказуемых названий участников общественных организаций, символов, личных имен и нескольких событий в истории страны, т.е. неких стереотипов, сразу же всплывающих в памяти молодых людей благодаря их постоянному упоминанию в разных контекстах не только в процессе

их обучения в школе, но и в СМК, в художественном, игровом, публицистическом и других типах дискурсов.

Большая часть не вошедших в ассоциативную семантическую универсалию АР стали составными частями компонентов групповой психологической структуры значения, которая оказалась весьма сложной и отличается тем, что:

1) по количественному наполнению многие ее компоненты примерно равны, и иерархию их определить практически невозможно. Иначе говоря, в данном случае речь идет о диффузном объединении разнородных элементов, которые в сознании каждого из респондентов, вошедших в экспериментальную группу, могут выстраиваться самым различным образом;

2) по качественному составу вошедшие в компоненты АР отличаются высокой степенью эмоциональной окрашенности, причем их модальность часто прямо противоположна друг другу. С одной стороны, такой состав компонентов структуры вполне логичен, так как отражение действительности в языке и сознании личности всегда опосредовано эмоциями [Шаховский 2008], а «любая единица языка, выводя на какой-то фрагмент индивидуальной картины мира (которая одновременно обязательно является социально и культурно опосредованной), неизбежно задействует комплекс переживаний разной степени сложности и осознаваемости» [Мягкова 2010: 120]. Однако в данном случае важно то, что речь идет не о прямом познании феномена *советский* в процессе личной деятельности, но о смысле слова как форме общественного опыта (по А.А. Леонтьеву), и этот факт позволяет предполагать, что отражаемое в полученных АР субъективно-эмоциональное отношение наших респондентов к советскому прошлому – это отношение, связанное не с их с потребностями и интересами, а с потребностями и интересами других людей, которые и транслируют эти смыслы. Фиксируемые же в эксперименте полярно противоположные мнения свидетельствуют о внутреннем нерешенном конфликте в обществе, который переносится в будущее.

Заключение

Основным выводом проведенного исследования является вывод о том, что знания современных молодых людей о советском периоде истории России, отраженные в психологической структуре значения слова *советский*, не отличаются глубиной и представляют собой некую «мозаику» из большого числа распространенных стереотипов, которые часто кардинально отличаются между собой.

Такая структура значения, с одной стороны, обуславливает нестабильность и амбивалентность отношения представителей поколения, родившегося на рубеже веков, к данному этапу развития нашей страны. Но не менее, а, возможно, и более важным, хотя и не столь очевидным, качеством такой структуры является ее подвижность, чувствительность к внешним воздействиям, и следовательно, возможность смены оценок и ее переструктурирования в направлении, доминирующем сегодня в тех типах дискурсов, которые оказывают решающее влияние на формирование личности. И в этом случае существует вероятность, что через весьма короткий промежуток времени в нашей стране будет жить народ, не знающий и не ценящий своего прошлого, а, значит, как писал М.В. Ломоносов, и не имеющий собственного будущего.

© Горохова Д.В., 2022

Литература

Бубнова И.А. «Вставай, страна огромная...»: авторский замысел и специфика его отражения в сознании современного поколения // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2020. № 4 (833). С. 55–66.

Бубнова И.А. «Homo soveticus»: специфика социального стереотипа в современном российском обществе (на материале ассоциативного эксперимента) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. № 2 (844). С. 85–94 doi: 10.52070/2542-2197_2021_2_844_85

Бубнова И.А., Горохова Д.В. Прошлое в настоящем: феномен СССР в современных медиа и в сознании российских студентов. Социологические исследования. 2021. № 7. С. 73–82 doi: 10.31857/S013216250014686-7

Выготский Л.С. Психология развития человека. М.: Изд-во Смысл; Изд-во Эксмо, 2005. 1136 с.

Гудков Л.Д. «Советский человек» в социологии Ю. Левады // Общественные науки и современность. 2007. №6. С.16–30.

Лебина Н.Б. Энциклопедия банальностей: Советская повседневность: Контуры, символы, знаки. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. 441 с.

Леонтьев А.А. Психологическая структура значения // Семантическая структура слова. М.: Наука. 1971. С. 6–28.

Леонтьев А.А. Психология общения. 3-е изд. М.: Смысл; Академия, 2005. 365 с.

Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Смысл, Издательский центр «Академия», 2005. 352 с.

Литературная газета. 13.11.2019 URL: <https://lgz.ru/article/-46-6713-13-11-2019/nuzhen-li-mif-o-korchagine/>. Дата обращения: 18.01.2022.

Мягкова Е.Ю. Эмоциональная сфера человека и язык: подходы к исследованию // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Под ред. Н.В. Уфимцевой, В.В. Красных, А.И. Изотова. М.: МАКС Пресс, 2010. Вып. 40. С. 118–124.

Подрезова Д.В. История и ценности современной России в прецедентных именах // Вестник МГПУ. 2016. №1 (21). С. 125–130.

Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история советской России в 30-е годы: город. М.: РОССПЭН, 2001. 332 с.

Шапошникова И.В. Модусы идентификации русской языковой личности в эпоху перемен. М.: Издательский Дом ЯСК, 2020. 336 с.

Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций. М.: Гнозис, 2008. 416 с.

Bubnova I., Tokareva E. Personal qualities of M.S. Gorbachev and B.N. Yeltsin in language consciousness of humanities students. Psycholinguistics. Психолінгвістика: Науково-теоретичний збірник. 2021. Vol. 30. № 2. С. 8–27 doi: 10.31470/2309-1797-2021-30-2-8-27

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 27.01.2022

Дата принятия к печати: 12.03.2022

Сведения об авторе:

Горохова Дарья Владимовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка в сфере юриспруденции, Одинцовский филиал МГИМО МИД России

Контактная информация:

143007 Московская область, г. Одинцово, ул. Ново-спортивная, 3

ORCID: 0000-0003-1005-9527

email: podrezova.dascha@yandex.ru

Для цитирования:

Горохова Д.В. Специфика содержания и психологической структуры значения слова *советский* (по данным психолингвистического эксперимента) // Вопросы психолингвистики № 1(51) 2022, С. 66–75, doi:10.30982/2077-5911-2022-51-1-66-75

UDC 81.23

Research article

LBC 81

DOI 10.30982/2077-5911-2022-51-1-66-75

**THE SPECIFICS OF THE CONTENT AND PSYCHOLOGICAL STRUCTURE
OF THE MEANING OF THE WORD SOVIET (ACCORDING TO THE
PSYCHOLINGUISTIC EXPERIMENT)**

Daria V. Gorokhova

Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
(Odintsovo Branch),
Moscow, Russia

Abstract

The article presents the results of a psycholinguistic experiment conducted to identify the content and modeling of the psychological structure of the meaning of the word *Soviet* in the minds of the generation born at the turn of the century and formed under the influence of information about the Soviet stage of the country's development, which is transmitted today in various types of discourses. The results obtained allowed us to draw conclusions about the superficial, "mosaic" and contradictory nature of the knowledge of modern young people about the past of Russia, that on the one hand, causes instability and ambivalence of the attitude of young people to the history of our country, and, on the other, allows changing the historical memory of the people, which can have quite predictable consequences.

Keywords: associative experiment, psychological structure of the meaning, Soviet, historical memory, instability, ambivalence

References

- Bubnova, I. A. (2020) “Vstavaj, strana ogromnaya ...”: avtorskij zamysel i specifika ego otrazheniya v soznanii sovremennogo pokoleniya [“Stand up, a huge country ... “: the author’s message and its reflection in the mentality of the modern generation]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki*. 4 (833), 55–66. (In Russian).
- Bubnova, I. A. (2021) “Homo soveticus”: specifika social’nogo stereotipa v sovremennom rossijskom obshchestve (na materiale asociativnogo eksperimenta) [Specificity of the social stereotype in modern Russian society]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki*. 2 (844), 85–94 doi: 10.52070/2542-2197_2021_2_844_85. (In Russian).
- Bubnova, I. A., Gorohova, D. V. (2021) Proshloe v nastoyashchem: fenomen SSSR v sovremennyh media i v soznanii rossijskih studentov. Sociologicheskie issledovaniya. [The past in the present: USSR phenomenon in modern media and in the consciousness of Russian students]. *Sociological Studies*. 7, 73–82 doi: 10.31857/S013216250014686-7 (In Russian).
- Bubnova, I., Tokareva, E. (2021) Personal qualities of M.S. Gorbachev and B.N. Yeltsin in language consciousness of humanities students. *Psycholinguistics*. 30 (2), 8–27 doi: 10.31470/2309-1797-2021-30-2-8-27
- Ficpatrik, S. H. (2001) Povsednevnyj stalinizm. Social’naya istoriya sovetskoj Rossii v 30-e gody [Everyday stalinism. Social History of Soviet Russia in the 30s]. *Moscow, ROSSPEN*. (In Russian).
- Gudkov, L. D. (2007) Levada «Sovetskij chelovek» v sotsiologii YU. Levady [“Soviet man” in the sociology of Yuri Levada]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost’*. 6, 16–30. (In Russian).
- Lebina, N. B. (2006) Entsiklopediya banal’nostey: Sovetskaya povsednevnost’: Kontury, simvoly, znaki [Encyclopedia of Platitudes: Soviet Everyday Life: Outlines, Symbols, Signs]. *Saint Petersburg, Dmitriy Bulanin*, (In Russian).
- Leont’ev, A. A. (1971) Psikhologicheskaya struktura znacheniya [Psychological structure of meaning]. *Semanticheskaya struktura slova. Moscow, Nauka*. 6–28. (In Russian).
- Leontiev, A. A. (2005) Psihologiya obshcheniya. 3-e izd. [Psychology of communication. 3rd ed.], *Moscow, Smysl; Akademiya*. (In Russian).
- Leontiev, A. N. (2005) Deyatel’nost’. Soznaniye. Lichnost’ [Activity. Consciousness. Personality]. *Moscow, Smysl, Izdatel’skiy tsentr «Akademiya»*, (In Russian).
- Literary newspaper. 13.11.2019 URL: <https://lgz.ru/article/-46-6713-13-11-2019/nuzhen-li-mif-o-korchagine/>. [Accessed 18th January 2022]. (In Russian).
- Myagkova, Ye.Yu. (2010) Emotsional’naya sfera cheloveka i yazyk: podkhodyk issledovaniyu [Emotional sphere of a person and language: approaches to research]. In: N.V. Ufimtseva, V.V. Krasnykh, A.I. Izotov (Eds) *Yazyk, soznaniye, kommunikatsiya* [Language, consciousness, communication: Collection of articles]. *Moscow, MAKS Press*. 40, 118–124 (In Russian).
- Podrezova, D. V. (2016) Istoriya i cennosti sovremennoj Rossii v precedentnyh imenah [The History and Values of Modern Russia in Allusive Names]. *Vestnik MGPU*. 1 (21), 125–130. (In Russian).
- Shaposhnikova, I. V. (2020) Modusy identifikacii russkoj yazykovoj lichnosti v epohu

peremen. [Modes of identification of the Russian language personality in times of change]. Moscow, Izdatel'skij Dom YASK. (In Russian).

Shakhovskiy V. I. (2008) *Lingvisticheskaya teoriya emotsiy* [Linguistic theory of emotions]. Moscow, Gnozis (In Russian).

Vygotsky, L. S. (2005) *Psikhologiya razvitiya cheloveka* [Human developmental psychology]. Moscow, Izd-vo Smysl; Izd-vo Eksmo (In Russian).

© **Gorokhova D.V., 2022**

Article history:

Received: 27.01.2022

Accepted: 12.03.2021

Bionotes:

Daria V. Gorokhova – Ph. D. in Philology, Associate Professor, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Odintsovo Branch

Contact information:

3 Novo-Sportivnaya st., Odintsovo, Moscow region, Russia, 143007

ORCHID: 0000-0003-1005-9527

email: podrezova.dascha@yandex.ru

For citation:

Gorokhova D.V. (2022) The specifics of the content and psychological structure of the meaning of the word *Soviet* (according to the psycholinguistic experiment). *Journal of Psycholinguistics*. 1(51), pp. 66-75. Available from: doi: 10.30982/2077-5911-2022-51-1-66-75 (In Russian)

УДК 159.95

ББК 81

DOI 10.30982/2077-5911-2022-51-1-76-90

Научная статья

К ВОПРОСУ ОБ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ОСНОВАНИЯХ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ

Маланов Сергей Владимирович

Московский институт психоанализа,

Москва, Россия

Аннотация

С ростом популярности когнитивной науки при объяснении речевых (языковых) способностей в психологии и лингвистике все шире используется гипотетическое моделирование способов организации семантических и синтаксических связей между языковыми единицами в «долговременных внутримозговых хранилищах», а также их избирательного извлечения при построении высказываний. При этом развитие языковых способностей часто сводится к гипотетическим процессам переработки информации внутри организма. Противоположные гипотезы характеризуют «психологическую теорию речевой деятельности», которая базируется на теоретических основаниях «системно-деятельностной культурно-исторической психологии».

Два противоположных направления анализа развития речевых (языковых) способностей различаются по двум центральным основаниям. 1. По способам определения психических явлений, которые рассматриваются либо в качестве внутриорганизменных процессов, либо в составе процессов взаимодействий организма с предметными условиями окружающей среды (окружающего мира). 2. По анализу отношений между психическими и физиологическими процессами, когда психические процессы рассматриваются: а) как результат сложных физиологических / нейрофизиологических процессов в организме; б) как результат овладения способами использования языка в составе совместных способов ориентировки и организации действий, под которые подстраиваются физиологические процессы и функции организма.

Альтернативность таких гипотез не всегда осознается и учитывается как при построении объяснений, так и в дискуссиях. В результате строящиеся психолингвистические теории и теоретические обсуждения приобретают внутреннюю противоречивость, поскольку происходит соскальзывание с одной системы возможных теоретических оснований на другую.

Ключевые слова: значения, речевое действие, ориентировочная основа действий, языковые способности

Введение

Исследования языковых (речевых) способностей человека и в лингвистике, и в психологии неизбежно наталкиваются на проблему недоступности для прямого анализа предметно-семантического содержания высказываний и текстов.

Поскольку получаемые в области лингвистических исследований факты опираются на регистрацию языковых средств, а их предметно-семантическое содержание

анализируется на основе интерпретаций с помощью других языковых и знаково-символических средств, то неизбежно возникают эффекты «кругов в определениях» и потенциальной «бесконечной рекурсивности» в интерпретациях. Единственным прямым способом интерпретации высказываний и текстов остается их соотнесение с объектами и явлениями окружающего мира на основе опирающихся на органы чувств ориентировочно-познавательных и практических действий – на основе непосредственной соотнесенности языковых средств с реальным предметным окружением. Вместе с тем, содержание и результаты строящихся умственных действий (представления, обобщения, понятия, языковые значения, предметно-семантическое содержание суждений и умозаключений) неизбежно уводят в область интерпретаций, которые не поддаются прямой эмпирической верификации.

Поэтому любые исследования языковых (речевых) способностей уводят в область выдвижения альтернативных гипотез, которые закладываются в основания различных направлений современной психолингвистики. Альтернативность таких гипотез не всегда осознается и учитывается как при построении объяснений, так и в дискуссиях. В результате строящиеся психолингвистические теории и теоретические обсуждения приобретают внутреннюю противоречивость, поскольку происходит соскальзывание с одной системы возможных теоретических оснований на другую. Какие же скрытые альтернативные гипотезы закладываются в основания разных направлений психолингвистики?

Обсуждение

1) Первой исходной альтернативой выступает возможный ответ на вопрос, что лежит в основе феноменологически выделяемых психических явлений? В истории психологии существует давно сложившаяся традиция, отказываясь от исходных представлений о «душе», интуитивно размещать психические процессы и функции внутри организма. Эту традицию продолжает современная когнитивная психология, опирающаяся на гипотезы о том, что в основе психической феноменологии лежат процессы переработки информации в центральной нервной системе. Информация с помощью органов чувств извлекается из внешней и внутренней среды организма, далее в форме электрохимических импульсов направляется в мозг, где подвергается обработке и, в результате, продуцируются образы, представления, понятия [Андерсон 2002; Величковский 2006]. При использовании подобных гипотез мозг рассматривается как главный орган, который порождает психику.

Альтернативой таким подходам выступают теоретические основания системно-деятельностной культурно-исторической психологии, где психика исходно выделяется и определяется как ориентировочная основа активных взаимодействий живых организмов с окружающим миром (окружающей средой). Ориентировочная основа исходно строится организмом во взаимодействиях с объектами путем выделения их предметных свойств с помощью органов чувств [Леонтьев А.Н. 2000; Зинченко 2017; Иванников 2010].

2) Принятие одной из двух выделенных гипотез тесно связано со второй альтернативой: порождается ли психика физиологическими процессами внутри организма / мозга, или психика строится как процесс, протекающий между организмом и

предметными условиями окружающего мира (окружающей среды) при необходимом участии физиологических и нейрофизиологических процессов?

Принятие гипотезы о том, что внутриорганизменные / внутримозговые процессы порождают психику, неизбежно ведет к проникновению в научно ориентированную психологию и психолингвистику мистических представлений (гипотез) о таинственном порождении предметно-семантического содержания образов, представлений и понятий внутри организма [Сурмава 2012]. При этом физиологические процессы в организме неизбежно начинают рассматриваться в качестве главных причин порождения психических процессов и функций внутри организма.

Альтернативой выступает гипотеза о том, что психика формируется на основе подстройки («уподобления») физиологических и нейрофизиологических процессов в организме предметным свойствам окружающего мира (окружающей среды), по отношению к которым организуются и выполняются активные действия на основе построения и воспроизведения их ориентировочной основы [Лурия 1979; Леонтьев А.Н. 2000, 2003; Маланов 2019]. При этом физиологические, а вместе с ними и нейрофизиологические процессы и функции гибко подстраиваются под новые способы организации взаимодействий, обследования и опознания объектов и явлений, а также под выделяемые межпредметные отношения и связи, образуя функциональные органы (функциональные системы) [Анохин 1978; Александров 2014].

При использовании такой логики именно ориентировочно-исследовательская предметная активность (психическая активность), совершенствующаяся в составе взаимодействий организма с окружающей средой (окружающим миром), детерминирует процессы функциональной подстройки различных физиологических процессов в организме, которые образуют функциональные системы (функциональные органы) возможных способов ориентировки, служащие организации возможных предметных действий [Маланов 2019; Леонтьев А.А. 2021].

3) Третья альтернатива определяется гипотезами о причинах, которые лежат в основе развития речевых (языковых) способностей.

Если опираться на гипотезы, что мозг порождает психику и / или психика порождается внутри организма, то вполне последовательным становится поиск причин формирования речи и овладения языком в скрытой системе внутриорганизменных физиологических (психических?) процессов [Пинкер 2004; Givón 2009; Ушакова 2018]. Неизбежным следствием становятся и гипотезы о наследственной трансляции и врожденности языковых способностей [Современная американская лингвистика 2002; Хомский 2005; Бурлак 2011; Хомский, Бервик 2019]. Подобные гипотезы соответствуют и центральному направлению исследований в современной когнитивной психологии и когнитивной психолингвистике – построению гипотетических моделей внутримозговой обработки и хранения информации, обеспечивающих языковые (речевые) способности [Андерсон 2002; Величковский 2006].

Альтернативной гипотезой выступает положение о развитии языковых способностей путем научения в условиях человеческой культуры в совместных предметно-практических взаимодействиях людей [Выготский, Лурия 1993; Лурия 1979]. Речь рассматривается как исходно внешний процесс, основанный на овладении способами использования языковых средств для построения ориентировочной основы:

а) совместных, а затем и индивидуальных действий; б) исходно действий предметно-практических, а позднее – действий умственных, обеспечивающих избирательную актуализацию семантического содержания (значений, ориентировочной основы действий) и оперирование таким содержанием.

При этом органы слуха и артикуляции, особенности человеческой нервно-мышечной системы и человеческого мозга, другие анатомо-физиологические системы организма функционально подстраиваются под трансляцию языковых способностей в процессах общения и организации совместных предметных действий, в составе которых используются языковые средства [Маланов 2020]. Можно полагать, что в основе речевого развития лежат процессы избирательной актуализации с помощью языковых средств нейрофизиологических функций, которые, в свою очередь, актуализируют локализованные на разных тканях и органах физиологические функциональные системы («функциональные органы»), которые обеспечивают возможные (сокращенные и редуцированные) способы ориентировки и возможных взаимодействий с возможными предметными ситуациями [Лурия 1979; Леонтьев А.Н. 2000; Леонтьев А.А. 2003, 2021; Зинченко 2017].

4) Каковы возможные закономерности зарождения речевых форм общения и языковых (речевых) способностей в период антропогенеза и на ранних этапах исторического развития?

Стронники гипотез внутриорганизменных процессов порождения психики и языковых способностей, как правило, указывают на то, что в процессе эволюции и антропогенеза отбираются и накапливаются фенотипы, формирующиеся благодаря случайному сочетанию в популяциях таких внутримозговых структур, которые лежат в основе врожденных «механизмов обработки и хранения информации» и «универсальной врожденной грамматики». Моделирование таких внутримозговых структур и функций опирается на широкий диапазон гипотез о построении, сохранении и репрезентации (воспроизведении) различных типов семантического содержания (представлений и понятий). При этом усвоение грамматики конкретного языка также сводится к моделированию универсальных способов конструирования высказываний, которые проецируются на определенные генетически наследуемые мозговые структуры и функции [Хомский, Бервик 2019, Хомский 2005; Пинкер 2004; Современная американская лингвистика 2002; Givón 2009].

В психологической теории речевой деятельности зарождение речевых (языковых) способностей рассматривается как результат совершенствования способов использования знаково-символических средств для организации совместной ориентировки в составе совместных предметных действий. В период антропогенеза распределение действий в составе общественной деятельности, а также использование и изготовление примитивных орудий начинают определять особенности отношений между членами предковых сообществ современного человечества и требуют совершенствования коммуникативных средств. При этом выделяется ряд этапов:

1. В качестве исходных форм предметно отнесенного общения выступают симпрактические формы коммуникации, которые «отделяются» от предметно-практических действий в форме имитационно-изобразительных жестов.

2. Экспрессивная звуковая вокализация, стихийно включаясь в жестово-имитаци-

онные формы коммуникации, образует устойчивые сочетания с имитациями и жестами. Формируются и выделяются звуковые артикуляционно-фонематические комплексы, постепенно приобретающие самостоятельную предметную отнесенность. Такие комплексы начинают выполнять номинативные функции выделения и обозначения действий, объектов, явлений, а также их признаков, свойств, связей отношений.

3. Звуковые комплексы постепенно вытесняют имитации и жесты, поскольку последние не совместимы с параллельным выполнением совместных трудовых действий и внешним зрительным контролем предметных условий, а также не могут обеспечить эффективное общение вне прямой видимости и на расстоянии. В результате звуковые формы коммуникации, сохраняя предметную отнесенность, отделяются от практических действий.

4. В составе совместных предметно-практических действий в условиях звуковой коммуникации развиваются грамматические приемы словообразования и согласования слов, которые обеспечивают фиксирование и установление все более сложных межпредметных связей и отношений в процессах организации разных видов общественной деятельности. В составе звуковых форм коммуникации (речевых действий) выделяются языковые единицы различных уровней, а также способы их выбора и объединения для решения множества коммуникативных задач – ориентировки в предметных ситуациях, в организации совместных действий, в последовательности событий, в отношениях между свойствами объектов и т.д. Дифференцируются языковые средства, обозначающие предметы, действия, признаки и свойства предметов и действий, отношения и связи между предметами, действиями, признаками, свойствами [Лурия 1979; Выготский, Лурия, 1993; Леонтьев А.А. 2003; Леонтьев А.Н. 2000; Маланов 2020].

5. На такой основе вслед за развитием общественных видов жизнедеятельности и общественного производства постоянно накапливается и меняется диапазон используемых лексических средств и приемов их избирательного комбинирования в процессах совместной ориентировки и организации практических и умственных действий, а также в процессах ситуативной и надситуативной коммуникации. При этом в соответствии с объективными отношениями и связями, которые выделяются, устанавливаются и воспроизводятся в составе предметно-практических действий, складываются логические формы мышления [Леонтьев А.Н. 2000].

6. По мере совершенствования способов взаимной речевой организации умственных действий и развития письменности формируются языковые (метаязыковые) средства для выделения и обозначения различных языковых средств.

Заметим, что на подобные гипотезы о происхождении языка в составе совместных действий, требующих предметно отнесенной коммуникации, опираются и работы зарубежных психологов. Но при этом психические процессы (функции), связанные с развитием речевых (языковых) способностей, рассматриваются в качестве внутриорганизменных и внутримозговых [Кликс 1983; Tomasello 2008].

5) Пятая альтернатива: какие процессы лежат в основе значений, и на каком материальном субстрате значения существуют?

Гипотезы порождения психических процессов (функций) внутри организма приводят к поиску речевых (языковых) значений, в качестве результатов обработки информации, отложенных где-то в глубинах долговременной памяти. Одним из следствий

таких гипотез выступает широко распространенная иллюзия, что значения – это результаты скрытых внутри организма процессов, которые сохраняются где-то в глубинах головного мозга в качестве относительно статичных образований – в форме образных и понятийных репрезентативных структур (представлений, понятий). Именно таким гипотезам соответствуют различные пространственно-графические модели семантических сетей. Значение рассматривается то в качестве скрытых внутримозговых процессов, то в качестве их результатов, также скрытых внутри мозга [Андерсон 2002]. Поэтому при использовании информационного подхода в психологии и лингвистике самым распространенным упрощением выступает гипотеза, что с помощью языковых или знаково-символических средств кодируется «информация». Процессы речевого общения (обмена сообщениями между людьми) описываются с помощью терминов «передача информации» или «переработка информации», что приводит к множеству неясных и противоречивых следствий [Чертов 1993]. А вопрос о том, как соотносить содержание «внутренних» / «умственных» / «интеллектуальных» процессов и их результаты (образы, представления, понятия) с внутриорганизменными и внутримозговыми процессами остается нерешенным.

Альтернативные гипотезы закладывались в основания отечественной психолингвистики – «психологической теории речевой деятельности». Наиболее последовательно и развернуто эти гипотезы обсуждаются в работах А.А. Леонтьева [Леонтьев 2003, 2021].

С рождения во взаимодействиях с предметными условиями окружающего мира и в общении с людьми у каждого ребенка физиологические и нейрофизиологические функции избирательно подстраиваются под возможные способы ориентировки и способы организации возможных действий, различные составляющие которых избирательно обозначаются и актуализируются с помощью языковых средств [Гальперин 1998]. На такой основе ребенок последовательно овладевает основными типами речевых действий. Сначала в совместных с людьми действиях и общении ребенок учится пользоваться языковыми средствами, соотнося их с реальными предметными условиями. Позднее с помощью языковых и знаково-символических средств он овладевает умениями избирательно актуализировать возможные способы ориентировки, служащие организации возможных действий – умственные действия. Сначала такие процессы актуализируются в соответствии с внешнеречевыми указаниями других людей, позднее – самостоятельно с помощью внешней «эгоцентрической» речи, а еще позднее – опираясь на скрытые внутриречевые артикуляции [Лурия 1979; Выготский, Лурия 1993; Леонтьев 2003; Маланов 2020].

В общении осуществляется обмен не «сигналами» и «информацией», а способами ориентировки и способами организации практических и умственных действий. Другими словами, передающий сообщение субъект использует языковые средства, позволяющие другому субъекту актуализировать и / или построить соответствующие возможные способы ориентировки и организации действий в реальных или возможных предметных ситуациях. При этом субъект, принимающий сообщение, должен уметь с помощью воспринимаемой последовательности языковых средств актуализировать и строить соответствующие возможные способы ориентировки и организации практических или умственных действий [Чертов 1993].

Таким образом, в основе формирования и развития речевых (языковых) способностей лежат процессы овладения субъектом способами использования языковых

средств во взаимодействиях с людьми и с предметами человеческой культуры, что предполагает:

- овладение предметной отнесенностью языковых средств – отношениями и связями между используемыми в речи языковыми единицами и событиями и явлениями в прошлом, настоящем и будущем;
- овладение ориентировкой в системе языковых средств, а также в синтагматических комбинаторных и парадигматических селективных отношениях между ними (фонемы, морфемы, лексемы, синтаксические модели построения высказываний);
- развитие умений в соответствии с последовательностями воспринимаемых языковых средств (знаков, символов) актуализировать и «конструировать» способы ориентировки в реальных (практические действия) или возможных (умственные действия с представлениями и понятиями) предметных условиях [Леонтьев А.А. 2003, 2021].

При использовании таких теоретических оснований *речь* анализируется как *целенаправленная система действий, которые реализуются с помощью языковых средств. Единицей психолингвистического анализа становятся речевые действия*, направленные на решение коммуникативных или интеллектуальных (познавательных) задач. Такие задачи опираются на выбор языковых средств, позволяющих ориентироваться в разнообразных предметных условиях и обмениваться значениями. Главными направлениями исследования речевых действий становятся: а) анализ того, как языковые средства включаются в совместные действия ребенка и общение с людьми, как ребенок начинает самостоятельно использовать языковые средства для организации речевых действий; б) как такие действия приобретают относительную независимость от общения в качестве «индивидуальных действий для себя»; в) как языковые средства и семантическое содержание речевых действий начинают осознаваться с помощью метаязыковых средств и произвольно использоваться субъектом [Шахнарович 1991, 1995; Леонтьев А.А. 2021].

Использование языковых средств в функциональном составе совместных практических действий обеспечивает формирование значений и овладение речевыми значениями. А разные способы лингвистического анализа использования языковых средств в составе действий приводят к выделению разных типов языковых значений – семантических, лексических, грамматических. Такие способы выделения и анализа значений приводят к иллюзии, что они где-то сохраняются в качестве статичных содержательных образований. Вместе с тем, значения, выделяемые в качестве психолингвистических явлений, требуют объяснения и анализа в качестве процессов.

Теоретический контекст, где значения рассматривались как процессы, был задан в работах Л.С. Выготского: «Значение слова неконстантно. Оно изменяется в ходе развития ребенка. Оно изменяется и при различных способах функционирования мысли. Оно представляет собой скорее динамическое, чем статическое образование... Природа его раскрывается, прежде всего, в обобщении, которое содержится как основной и центральный момент во всяком слове, ибо всякое слово уже обобщает...» [Выготский 1982: 304]. «Отношение мысли к слову есть прежде всего не вещь, а процесс, это отношение есть движение от мысли к слову и обратно – от слова к мысли. Это отношение представляется в свете психологического анализа как развивающийся процесс...» [Выготский 1982: 305].

Позднее А.Н. Леонтьев конкретизирует связи между значением и действием,

сознанием и деятельностью, выводя речевые / языковые значения из предметного содержания действий: «...положение Л.С. Выготского о том, что сознание есть продукт речевого общения ребенка в условиях его деятельности по отношению к окружающей его вещной действительности, необходимо обернуть: сознание ребенка есть продукт его человеческой деятельности по отношению к объективной действительности, совершающейся в условиях языка, в условиях речевого общения» [Леонтьев А.Н. 2003: 259]. В последующем в работах П.Я. Гальперина значения начинают рассматриваться в качестве ориентировочной основы разнообразных действий, которая может выделяться с помощью языковых средств. А в работах А.А. Леонтьева многократно подчеркивается, что значение (образ, представление, понятие), как психическое явление, – это не статичное образование, которое где-то сохраняется (например, в мозге), а динамическая иерархия процессов, которые лежат в основе построения ориентировочно-исследовательских операций при планировании и организации определенного диапазона действий [Гальперин 1998; Леонтьев А.А. 2003, 2021; Журавлев, 2021].

В составе совместных предметных действий и общения выделяются разные формы значений, за которыми скрываются общественно выработанные способы ориентировки и организации действий. При этом *и в историческом развитии человеческих сообществ, и в онтогенезе значения выделяются в качестве объективных предметных свойств объектов и явлений, а также в качестве межпредметных связей и отношений, которые необходимо учитывать при организации и выполнении совместных предметно-практических действий и непосредственных форм общения*. И только *вторично значения приобретают характер индивидуальных умственных действий, актуализируемых с помощью языковых средств – способов возможной ориентировки и организации возможных действий в возможных предметных условиях* [Гальперин 1998; Леонтьев А.Н. 2000]. Значение выделяется: а) как средство организации практических действий с предметами, а также взаимодействий с людьми в реальных ситуациях; б) как средство организации умственных действий на основе подстановки под используемые знаки обобщенных предметных способов ориентировки (представлений и понятий), не имеющих непосредственной прямой ситуативной отнесенности к конкретным предметам в конкретной ситуации. Поэтому значения для субъекта существуют в двойственном виде. Исходно как предмет стихийного построения, а затем и осознания субъектом самого значения в составе предметно-практических или учебно-познавательных действий. Вторично как способ ориентировки субъекта в соответствующих предметных условиях и самостоятельной организации исполнительно-практических и умственных действий, а также как процесс осознания субъектом предметного мира с помощью значений [Леонтьев, А.Н. 2000; Леонтьев А.А. 2003; Маланов 2020].

Каковы основные формы существования значений?

В зависимости от особенностей функциональной организации в составе совместных действий значения могут существовать в различных формах.

Предметные значения: а) исходно строятся в действиях с объектами, в процессах восприятия объектов, а вторично актуализируются в качестве представлений; б) существуют на чувственной базе реализуемых субъектом перцептивных процессов в соста-

ве практических действий и составляют исходную основу для формирования «образа мира»; в) обеспечивают ориентировку в объективных межпредметных отношениях и связях и актуализируются в качестве перцептивных операций при подготовке и реализации предметно-практических действий, направленных на реальные объекты.

Рольевые значения: а) исходно строятся во взаимодействиях с людьми, в процессах общения с людьми; вторично актуализируются в качестве представлений; б) существуют на чувственной базе межличностных взаимодействий и процессов общения в качестве социально выработанных общественных ожиданий и ограничений, нравственных / этических норм; в) обеспечивают ориентировку в межсубъектных и социальных отношениях.

Языковые (вербальные) значения: а) существуют на чувственной основе языковых средств, что обеспечивает: «фиксированность» значения и возможность его отделения от ситуации и конкретной деятельности, а также возможность совершать умственные операции и действия над значением (семантическим содержанием), как с некоторой «внешней» данностью; б) обеспечивают актуализацию и построение надситуативных обобщенных (возможных) способов ориентировки и / или организации предметных действий, а также взаимодействий с людьми. Языковое значение «может быть определено только через процессы порождения речи: как определенный способ перехода от того, что мы хотим выразить, к конкретному языковому выражению»... *«Психологическая структура значения определяется системой соотношенности и противопоставления слов в процессе их употребления в деятельности, а не в процессе их сопоставления как единиц лексикона»* [Леонтьев А.А. 2003: 168–171]. В зависимости от актуализируемых способов ориентировки и организации возможных действий языковые значения выделяются в качестве разнообразных представлений, а также обыденных и научных (эмпирических и теоретических) понятий [Маланов 2020].

Анализируя значения, следует различать общественно фиксированное (идеальное) и индивидуальное субъективное содержание способов ориентировки и организуемых действий. Общественно фиксированное содержание значений образует транслируемый из поколения в поколение и актуализируемый с помощью языковых и знаково-символических средств обобщенный культурно-исторический (социокультурный) опыт совместной ориентировки и организации совместных действий. Субъективное содержание значений формируется путем индивидуального избирательного присвоения субъектом общественно фиксированного социокультурного опыта. Индивидуальная субъективная структура значения определяется функционально-структурной организацией направленной жизненной активности субъекта и зависит от множества факторов:

- от мотивационных отношений, которые определяют личностный смысл и эмоционально-мотивационную окрашенность значения;
- от особенностей межличностных и общественных отношений, в которые включается субъект;
- от особенностей процессов целеполагания и предметного содержания действий;
- от способов использования языковых средств в составе организуемых практических или умственных действий;
- от способов оперирования с языковыми или знаково-символическими средствами, которые могут использоваться в качестве заместителей предмета (явления) или класса предметов (явлений), в качестве заместителей обобщенного признака, свойства, связи,

отношения и т.д. [Маланов 2018; Леонтьев А.А. 2021].

Выводы

1. В настоящее время в психолингвистике выделяется два основания, задающих альтернативные направления анализа развития речевых (языковых) способностей: а) по способам определения психических явлений, которые рассматриваются либо в качестве внутриорганизменных процессов, либо в составе процессов взаимодействия организма с предметными условиями окружающей среды (окружающего мира); б) по анализу отношений между физиологическими и психическими процессами, которые рассматриваются: а) либо как следствие физиологических / нейрофизиологических (и информационных) процессов в организме, б) либо как результат овладения способами использования языковых средств в составе совместных способов ориентировки и организации действий, под которые подстраиваются физиологические процессы и функции организма.

Соскальзывание с одной позиции на другую порождает множество противоречий, возникающих при анализе и объяснении речевых (языковых) способностей.

Теоретические основания отечественной «психологической теории речевой деятельности» опираются на вторую альтернативу, которая наиболее последовательно представлена в работах А.А. Леонтьева.

2. В период антропогенеза в составе совместных действий физиологические функции человеческого организма начинают изменять функциональную организацию не только на основе взаимодействий с реальными предметными условиями, но и на основе формирования и совершенствования способов использования языка. В условиях общественной деятельности совершенствуются способы построения и актуализации физиологических функциональных систем (функциональных органов) с помощью языковых средств. Языковые средства обеспечивают построение возможных способов ориентировки и организации взаимодействий с возможными предметными условиями и ситуациями.

Если после рождения физиологические функции в организме ребенка системно подстраиваются под организацию практических предметных взаимодействий с людьми и объектами, то по мере овладения способами использования языковых средств сложившиеся функциональные физиологические системы начинают подстраиваться и под актуализацию возможных способов ориентировки, обеспечивающих организацию возможных действий в возможных предметных условиях.

Такие физиологические функциональные системы и выступают в качестве материального субстрата процессов, на которых воспроизводятся и строятся вербальные значения – актуализируемые умственные действия с представлениями и понятиями.

3. Способности оперировать значениями формируются в онтогенезе по мере включения каждого ребенка в совместные предметные действия и общение с людьми. Значение (в форме представлений или понятий) – это потенциальная возможность отнесения слова, высказывания, текста к тому или иному предмету или классу предметов, реализуемая при помощи разных способов «означивания», которые зависят от места данного предмета в составе совместных или индивидуальных, предметно-практических или умственных действий. Поэтому в «психологической теории речевой деятельности» значение рассматривается не как статичное внутриорганизменное или внутримозговое образование, а динамическая иерархия процессов, которые лежат в основе

построения ориентировочно-исследовательских операций при планировании и организации определенного диапазона действий. А обмен речевыми действиями (обмен речевыми сообщениями) между людьми рассматривается как использование языковых средств для актуализации совместных способов ориентировки и организации на такой основе сначала практических, а затем и умственных действий.

© Маланов С.В., 2022

Литература

- Андерсон Дж.* Когнитивная психология. СПб.: Питер, 2002. 496 с.
- Александров Ю.И.* Системная психофизиология // Психофизиология: Учебник для вузов. СПб.: Питер, 2014. С. 252–308.
- Анохин П.К.* Философские аспекты теории функциональных систем. М.: Наука, 1978. 400 с.
- Бурлак С.А.* Происхождение языка. Факты, исследования, гипотезы. М.: АСТРЕЛЬ, CORPUS, 2011. 463 с.
- Величковский Б.В.* Когнитивная наука: Основы психологии познания: в 2 т. М.: Смысл: Издательский центр «Академия», 2006.
- Выготский Л.С.* Собрание сочинений. Том 2. Проблемы общей психологии. М.: «Педагогика», 1982. 504 с.
- Выготский Л.С., Лурия А.Р.* Этюды по истории поведения: Обезьяна. Примитив. Ребенок. М.: Педагогика, 1993. 224 с.
- Гальперин П.Я.* Психология как объективная наука. М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 1998. 480с.
- Гибсон Дж.* Экологический подход к зрительному восприятию. М.: Прогресс, 1988. 464 с.
- Журавлев И.В.* Выготский, Ильенков и проблема соотношения мысли и слова // Вопросы психолингвистики №2(48) 2021, С. 130–143, doi: 10.30982/2077-5911-2021-48-2-130-143
- Зинченко В.П.* Восприятие и визуальная культура. М.: СПб.: ЦГИ Принт, 2017. 599 с.
- Иванников В.А.* Основы психологии. Курс лекций. СПб.: Питер, 2010. 336 с.
- Кликс Ф.* Пробуждающееся мышление. М.: Прогресс, 1983. 302 с.
- Леонтьев А.А.* Язык и речевая деятельность в общей и педагогической психологии. М.: Московский психолого-социальный институт, Воронеж: НПО «МОДЭК», 2003. 536 с.
- Леонтьев А.А.* Методологические основы психологии. М.: Смысл, 2021. 566 с.
- Леонтьев А.Н.* Лекции по общей психологии. М.: Смысл, 2000. 511 с.
- Леонтьев А.Н.* Становление психологии деятельности: Ранние работы. М.: Смысл, 2003. 439 с.
- Лурия А.Р.* Язык и сознание. М.: Издательство Московского университета, 1979. 320 с.
- Маланов С.В.* О генезисе целеполагания (на пути к осознаваемым формам взаимодействия с миром) в теоретическом контексте системно-деятельностной культурно-исторической психологии. // «Мир психологии». 2018. № 3. С. 278–292.
- Маланов С.В.* К проблеме эволюционного развития психических функций: от моз-

га к психике или от психики к мозгу? // Теоретичні дослідження у психології: монографічна серія / Сост. В.О. Медінцев. 2019. Том VII. С. 47–71. doi: 10.24411/2616-6860-2019-00007

Маланов С.В. Психоллингвистика: психологическая теория речевых действий: учебное пособие. М.: Изд-во Московского психолого-социального ун-та, 2020. 328 с.

Пинкер С. Язык как инстинкт. М.: УРСС, 2004. 456 с.

Современная американская лингвистика: Фундаментальные направления / Под ред. А.А. Кибрика. М.: Едиториал УРСС, 2002. 480 с.

Сурмава А.М. Мышление и деятельность. М.: НИУ МИЭТ, 2012. 264 с.

Ушакова Т.Н. О филогенезе языка человека (когнитивно-психологический анализ) // Вопросы психоллингвистики №3(37) 2018, С. 126–137.

Хомский Н. О природе и языке. С очерком «Секулярное священство и опасности, которые таит демократия»: Пер. с англ. М.: КомКнига, 2005. 288 с.

Хомский Н, Бервик Р. Человек говорящий. Эволюция и язык. СПб.: Питер, 2019. 304 с.

Чертов Л.Ф. Знаковость: опыт теоретического синтеза идей о знаковом способе информационной связи. СПб.: Санкт-Петербургский университет, 1993. 388 с.

Шахнарович А.М. К проблеме языковой способности (механизма) // Человеческий фактор в языке: язык и порождение речи. М.: Наука, 1991. С. 185–220.

Шахнарович А.М. Общая психоллингвистика. М.: Изд-во РОУ, 1995. 93 с.

Givón T. The genesis of syntactic complexity: Diachrony, ontogeny, neurocognition, evolution. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2009. 366 p.

Tomasello M. Origins of Human Communication. Cambridge, MA; London, UK: MIT Press, 2008. 394 p.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 22.01.2022

Дата принятия к печати: 18.03.2022

Сведения об авторе

Маланов Сергей Владимирович – доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры психологии образования Московского института психоанализа

Контактная информация:

121170, Россия, г. Москва, Кутузовский проспект, д. 34, стр.14.

ORCID: 0000-0002-1234-077X

e-mail: MalanovSV@mail.ru

Для цитирования:

Маланов С.В. К вопросу об альтернативных теоретических основаниях психоллингвистики // Вопросы психоллингвистики № 1(51) 2022, С.76–90. doi:10.30982/2077-5911-2022-51-1-76-90

UDC 159.95

LBC 81

DOI 10.30982/2077-5911-2022-51-1-76-90

Research article

ON THE QUESTION OF ALTERNATIVE THEORETICAL FOUNDATIONS OF PSYCHOLINGUISTICS

Sergey V. Malanov

Moscow Institute of Psychoanalysis, Moscow, Russia

Abstract

With the growing popularity of cognitive science in explaining speech (language) abilities in psychology and linguistics, hypothetical modeling of the ways to organize semantic and syntactic connections between linguistic units in “long-term intracerebral repositories”, as well as their selective extraction in the construction of statements, is increasingly used. At the same time, the development of language abilities is often reduced to hypothetical processes of processing information inside the body. The opposite hypotheses characterize the “psychological theory of speech activity” which is based on the theoretical foundations of “system-activity cultural-historical psychology”.

Two opposite directions of analysis of the development of speech (language) abilities differ on two central grounds. 1. According to the methods of determining mental phenomena, which are considered either as intra-organizational processes, or as part of the processes of interaction of the organism with the subject conditions of the environment (the surrounding world). 2. By analyzing the relationship between mental and physiological processes when mental processes are considered: a) as a result of complex physiological / neurophysiological processes in the body; b) as a result of mastering the ways of using language as a part of joint methods of orientation and organization of actions under which physiological processes and body functions are adjusted.

The alternative nature of such hypotheses is not always realized and taken into account, both when constructing explanations and in discussions. As a result, the psycholinguistic theories and theoretical discussions under construction acquire internal inconsistency, since there is a slip from one system of possible theoretical foundations to another.

Keywords: meanings, speech action, indicative basis of actions, language abilities

References

- Aleksandrov, YU.I. (2014) *Psikhofiziologiya: Uchebnik dlya vuzov* [Psychophysiology: textbook for universities]. SPb., Piter publ., pp. 252–308. (In Russian).
- Anderson, Dzh. (2002) *Kognitivnaja psihologija* [Cognitive psychology]. SPb., Piter publ. 496 p. (In Russian).
- Anokhin, P.K. (1978) *Filosofskie aspekty teorii funkcional'nykh sistem* [Philosophical aspects of the theory of functional systems]. Moscow, Nauka publ. 400 p. (In Russian).
- Burlak, S.A. (2011) *Proiskhozhdenie yazyka. Fakty, issledovaniya, gipotezy* [The origin of the language. Facts, studies, hypotheses]. Moscow, ASTREL', CORPUS. 463 p.
- Chertov, L.F. (1993) *Znakovost': opyt teoreticheskogo sinteza idej o znakovom sposobe informacionnoj svyazi* [Signedness: the experience of theoretical synthesis of ideas about

the sign method of information communication]. Saint-Petersburg, Sankt-Peterburgskij universitet. 388 p. (In Russian).

Chomsky, N. (2002) *O prirode i yazyke. S ocherkom «Okulyarnoe svyashchenstvo i opasnosti, kotorye tait demokratiya»* [On nature and language. With an essay “The Secular Priesthood and the Perils of Democracy”]. Translated from English (2005). Moscow, KoMKniga. 288 p. (In Russian).

Chomsky, N, Berwick, R. (2016) *Chelovek govoryashchij. Ehvolyuciya i yazyk*. [Why Only Us: Language and Evolution]. Translated from English (2019). Saint-Petersburg, Piter. 304 p. (In Russian).

Gal’perin, P.Ja. (1998) *Psikhologiya kak ob’ektivnaya nauka* [Psychology as an objective science]. Moscow, Moskovskij psikhologo-social’nyj institut, Voronezh, NPO «MODJeK». 480 p. (In Russian).

Gibson, Dzh. (1988) *Ehkologicheskij podkhod k zritel’nomu vospriyatiyu* [Ecological approach to visual perception]. Moscow, Progress publ. 464 p. (In Russian).

Givón, T. (2009) *The genesis of syntactic complexity: Diachrony, ontogeny, neurocognition, evolution*. Amsterdam; Philadelphia, John Benjamins Publishing Company.

Ivannikov, V.A. (2010) *Osnovy psikhologii. Kurs lekcij* [Fundamentals of psychology. Course of lectures]. Saint-Petersburg, Piter publ. 336 p. (In Russian).

Kibrik, A.A. (ed.) (2002) *Sovremennaya amerikanskaya lingvistika: Fundamental’nye napravleniya* [Modern American linguistics: fundamental directions]. Moscow, Editorial URSS. 480 p. (In Russian).

Kliks, F. (1983) *Probuzhdayushcheesya myshlenie* [Awakening thinking]. Moscow, Progress publ. 302 p. (In Russian).

Leont’ev, A.A. (2003) *Yazyk i rechevaya deyatel’nost’ v obshchej i pedagogicheskoj psikhologii* [Language and speech activity in general and educational psychology]. Moscow, Moskovskij psikhologo-social’nyj institut, Voronezh, NPO «MODJeK». 536 p. (In Russian).

Leont’ev, A.A. (2021) *Metodologicheskie osnovy psikhologii* [Methodological foundations of psychology]. Moscow, Smysl publ. 566 p. (In Russian).

Leont’ev, A.N. (2000) *Lekcii po obshhej psihologii* [General Psychology Lectures]. Moscow, Smysl publ. 511 p. (In Russian).

Leont’ev, A.N. (2003) *Stanovlenie psikhologii deyatel’nosti: Rannie raboty* [The formation of the psychology of activity: Early works]. Moscow, Smysl publ. 439 p. (In Russian).

Luriya, A.R. (1979) *Yazyk i soznanie* [Language and consciousness]. Moscow, Moscow University publ. 320 p. (In Russian).

Malanov, S.V. (2018) On the genesis of goal-setting (on the way to conscious forms of interaction with the world) in the theoretical context of system-activity cultural-historical psychology. *The world of psychology*. (3), 278–292 (In Russian).

Malanov, S.V. (2019) K probleme evolyutsionnogo razvitiya psikhicheskikh funktsii: ot mozga k psikhike ili ot psikhiki k mozgu? [To the problem of the evolutionary development of mental functions: from the brain to the psyche or from the psyche to the brain?]. In: V.O. Medintsev (Ed.) *Teoretichni doslidzhennya u psikhologii: monografichna seriya*. Vol VII., pp. 47–71, doi: 10.24411/2616-6860-2019-00007

Malanov, S.V. (2020) *Psiholingvistika: psihologicheskaja teorija rechevyh dejstvij: uchebnoe posobie* [Psycholinguistics: psychological theory of speech actions: a tutorial].

Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo psihologo-social'nogo universiteta. 330 p. (In Russian).

Pinker, S. (2004) *Yazyk kak instinct* [Language as an instinct]. Moscow, URSS. 456 p. (In Russian).

Shakhnarovich, A.M. (1991) K probleme yazykovej sposobnosti (mekhanizma) [On the problem of language ability (mechanism)]. *Chelovecheskij faktor v yazyke: yazyk i porozhdenie rechi*. Moscow, Nauka. P. 185–220. (In Russian).

Shakhnarovich, A.M. (1995) *Obshchaya psikholingvistika* [General psycholinguistics]. Moscow, ROU publ. 93 p. (In Russian).

Surmava, A.M. (2012) *Myshlenie i deyatel'nost'* [Thinking and activity]. Moscow, NIU MIEHT. 264 p. (In Russian).

Tomasello, M. (2008) *Origins of Human Communication*. Cambridge, MA; London, UK, MIT Press.

Ushakova, T.N. O (2018) Language phylogenesis in human being: a cognitive-psychological analysis. *Journal of Psycholinguistics*. 3(37), pp. 126–137 (in Russian)

Velichkovskij, B.V. (2006) *Kognitivnaja nauka: Osnovy psihologii poznaniya: v 2 t.* [Cognitive Science: Fundamentals of the Psychology of Cognition: in 2 volumes.]. Moscow, Smysl publ: Izdatel'skij centr «Akademija». (In Russian).

Vygotskij, L.S. (1982) *Sobranie sochinenij. T 2. Problemy obshhej psihologii* [Collected works. Volume 2. Problems of general psychology]. Moscow, Pedagogika publ. 504 p. (In Russian).

Vygotskij, L.S. & Luriya, A.R. (1993) *Ehtyudy po istorii povedeniya: Obez'yana. Primitiv. Rebenok* [Studies on the history of behavior: Monkey. Primitive. Kid]. Moscow, Pedagogika publ. 224 p. (In Russian).

Zhuravlev, I.V. (2021) Vygotsky, Ilyenkov and the Problem of Correlation Between Thought and Word. *Journal of Psycholinguistics*. 2(48), pp. 130–143. Available from: doi: 10.30982/2077-5911-2021-48-2-130-143 (in Russian).

Zinchenko, V.P. (2017) *Vospriyatie i vizual'naya kul'tura* [Perception and visual culture]. Moscow, Saint-Petersburg, CGI Print. 599 p. (In Russian).

Article history:

Received: 22.01.2022

Accepted: 18.03.2022

Bionotes:

Sergey V. Malanov – Doctor of Psychology, Professor at the Department of Educational Psychology Moscow Institute of Psychoanalysis

Contact information:

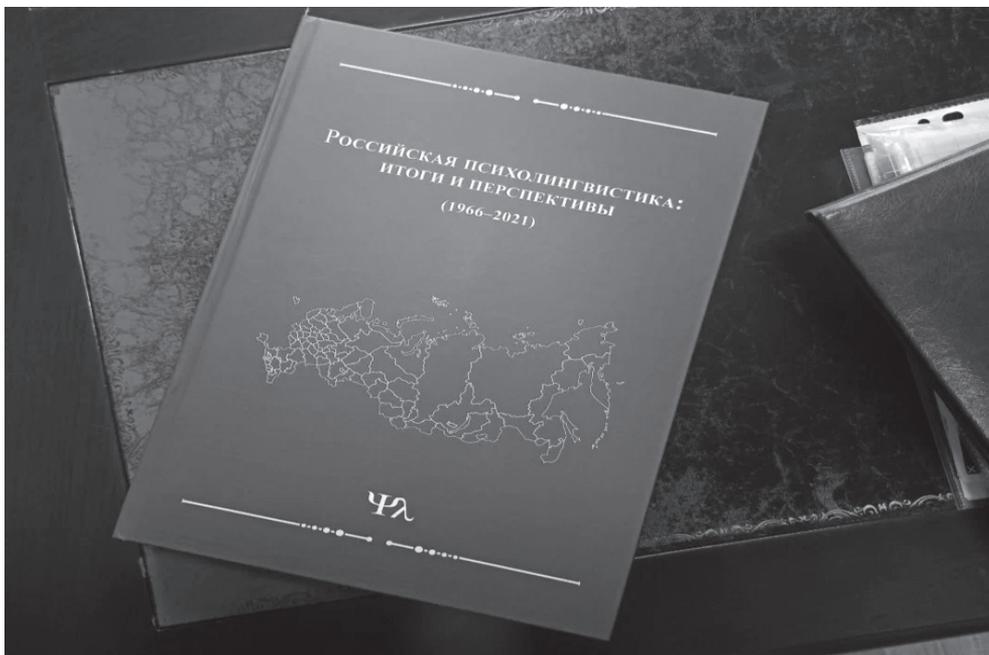
121170, Russia, Moscow, Kutuzovsky prospect, 34, building 14

ORCID: 0000-0002-1234-077X

e-mail: MalanovSV@mail.ru

For citation:

Malanov S.V. (2022) On the question of alternative theoretical foundations of psycholinguistics. *Journal of Psycholinguistics*. 1(51), pp.76-90. Available from: doi:10.30982/2077-5911-2022-51-1-76-90 (In Russian)

Российская психолингвистика: итоги и перспективы (1966–2021): Коллективная монография. / Научн. ред. И.А. Стернин, Н.В. Уфимцева, Е.Ю. Мягкова. – М.: Институт языкознания–ММА, 2021. – 626 с.

Вышла из печати коллективная монография «Российская психолингвистика: итоги и перспективы (1966–2021)», в которой отражена проблематика отечественной психолингвистики с момента ее зарождения в России по сегодняшний день. Российская психолингвистика, выросшая из исследований небольшой группы энтузиастов под руководством А.А. Леонтьева, в настоящее время объединяет многочисленные научные направления и центры и справедливо может гордиться важными результатами как теоретического, так и прикладного значения. Монография – своеобразный обобщающий обзор развития и достижений психолингвистики в России. Каждый раздел дополнен библиографией по соответствующей проблеме. В Приложении приводится наукометрия ведущих российских психолингвистов, основные монографии, пособия и диссертации, защищенные по психолингвистической проблематике. Для специалистов в области теории языка, психолингвистики, методов экспериментальных исследований языка, всех, интересующихся историей и современным состоянием лингвистики и психолингвистики в нашей стране.

УДК 81.23

ББК 88.37я73 Б44

DOI 10.30982/2077-5911-2022-51-1-92-111

Научная статья

ПСИХИАТРИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА И СИНТАКСИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

Сидорова Марина Юрьевна

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия

Аннотация

Исследования в области психиатрической лингвистики (патопсихолингвистики) используются в мировой науке как источник сведений о функционировании и устройстве языка как такового, однако практически не применяются в русистике в целом и синтаксисе в частности для модернизации их парадигмы. Для синтаксиса как науки о связной речи такая модернизация, позволяющая соединить представления об устройстве речевых выражений с представлениями об их порождении и восприятии, особенно актуальна. В статье данные лингвистического эксперимента, полученные в рамках междисциплинарного проекта по изучению психических расстройств шизофренического спектра, используются для анализа приоритизации и ее грамматических механизмов, а также для аргументации недостаточной объяснительной силы вербоцентрической концепции предложения (Л. Теньер) и порожденных ею «валентностных» и «пропозитивных» подходов к анализу предложения. Приоритизация рассматривается как не только когнитивная, но и собственно лингвистическая операция, обеспеченная специальными языковыми средствами и заслуживающая большего внимания в синтаксических исследованиях русского языка и его преподавании. На примере выполненных больными шизофренией и здоровыми респондентами описаний изображений обсуждаются реальные синтаксические механизмы порождения предложения как единицы формирования, выражения и сообщения мысли (В.В. Виноградов). Решающую роль в этом процессе играет категоризация говорящим наблюдаемой сцены и выбор основной (и дополнительной) фигуры (основных и дополнительных фигур). Глагол, таким образом, оказывается не управляющим центром «драмы», составляющей содержание предложения, а функцией от названных факторов. Предложенная интерпретация соответствует таким известным психолингвистическим гипотезам, как гипотеза приоритетного освоения существительных в начальном словаре ребенка Д. Гентнер и модель порождения речи В. Левельта, включающая фигуры концептуализатора, формулятора и артикулятора.

Ключевые слова: психиатрическая лингвистика, синтаксис, приоритизация, категоризация, вербоцентрический подход к предложению, линеаризация

Введение

На сегодняшний день очевидным является тезис, который в 2003 году приходилось отстаивать Д. Кристалу в полемике о границах, задачах и стимулах к развитию теоретической и прикладной лингвистики [Crystal 2003]: отношения между этими двумя сферами лингвистического знания носят взаимонаправленный характер – прикладная лингвистика не только востребует лингвистическую теорию для решения актуальных

практических задач, но и ставит вопросы, решая которые лингвистическая теория обогащается, и предоставляет данные для развития и корректировки имеющихся в ней концепций. В то же время общим местом в лингвистике является утверждение роли изучения «ненормы» (детской речи, ошибок иностранцев, речевых нарушений различного генеза) для понимания «нормы» – общих закономерностей устройства языка и его функционирования.

Настоящая статья написана с позиции синтаксиста, представляющего коммуникативно-грамматическую школу Г.А. Золотовой и соответственно работающего над развитием этой продуктивной концепции, в том числе на основе данных, полученных в междисциплинарных исследованиях в области психического здоровья. Реализация лингвистической части большого проекта, посвященного изучению психических расстройств шизофренического спектра [Шмуклер и др. 2020], позволила нам сделать ряд наблюдений и выводов, а также получить конкретные исследовательские результаты, требующие переосмысления некоторых положений синтаксической теории, задач и методики исследований и преподавания русского синтаксиса.

Обсуждению этих наблюдений, выводов, результатов и их роли в современном осмыслении синтаксиса русского языка и посвящена настоящая статья. Сначала мы кратко охарактеризуем эксперимент по описанию изображений, проводившийся по разработанной нами методике на базе ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Минздрава России. Затем проанализируем наши данные в соотношении с некоторыми понятиями и подходами, используемыми при изучении русского синтаксиса, особо отмечая те случаи, когда полученные данные требуют переосмысления и уточнения этих понятий и подходов.

Общая характеристика эксперимента

В мультидисциплинарном исследовании когнитивных, глагодвигательных и речевых показателей участвовали 104 пациента (42 мужчины и 62 женщины), средний возраст – $30,2 \pm 8,5$ года, и 70 здоровых респондентов (26 мужчин и 44 женщины), средний возраст $28,8 \pm 11,0$ года. В лингвистическом эксперименте собирались описания цветных изображений (фотографий и рисунков) сельскохозяйственных животных (в сопровождении людей или без них, на разном фоне, разного масштаба, в динамике или статике), а также окулографические данные. Каждому испытуемому предъявлялся набор из 20 изображений (в одном из двух порядков). Испытуемые в течение 20 с рассматривали изображение, в это время проводилась окулография. Затем давалось 30 с на письменное описание изображения. Полученный материал был подвергнут лексическому и грамматическому анализу, в том числе автоматизированному. В частности, были составлены и проанализированы словники для каждого из участников эксперимента; словники для каждого изображения; общий словник группы здоровых респондентов; общий словник группы пациентов. Были получены стандартные количественные характеристики: количество слов (словоформ и лемм), лексическое разнообразие, лексическая сложность, распределение по частям речи, частотность словоформ и лемм.

Было проведено также сопоставление указанных словников по семантическим рядам знаменательной лексики и сопоставление описаний отдельных изображений по представленности в них 25 параметров, которые составили «паспорт изображения». Эти «паспортные» параметры включали обозначение (1) цвета, (2) размера, (3) части целого, (4) использование экспрессивно окрашенной лексики, (5) выражение субъ-

ектно-объектных отношений, (6) указание количества фигур, (7) фона, (8) типа изображения, (9) перспективы, (10) гиперо-гипонимических отношений, (11) возраста изображенных животных и людей, (12) родственных связей, (13) динамики действий, (14) эмоционального состояния, которое в некоторых случаях передавалось посредством (15) прямой речи; также отмечалось (16) указание на реляционные отношения, объединяющие фигуры. Помимо этого, отмечались (17) замена описания перечислением через запятую объектов и признаков, (18) объём описания, (19) включение в описание деталей, (20) неопределённость и (21) ошибочность номинации, (22) пропуск фигуры, (23) обозначение времени, (24) оценка качества изображения, (25) эстетическая оценка изображения.

Изображения, составившие экспериментальный набор, и паспортные параметры были сформированы на основе предварительных экспериментов, для которых использовались 4 аналогичных набора по 20 изображений. Участники этих экспериментов не имели психиатрических диагнозов и не проходили никакие дополнительные тесты. Запись движений глаз не велась, письменное описание изображения осуществлялось во время его демонстрации (30 с). Всего в предварительных экспериментах было получено более 4 000 описаний. В результате из 80 изображений был отобран материал для основного эксперимента – 20 изображений, наиболее релевантных как минимум по одному из трех критериев, которые в литературе определяются как значимые для характеристики когнитивных особенностей больных расстройствами шизофренического спектра:

- нарушения категоризации [Chen, Wilkins, McKenna 1994; Gurd, Elvevag, Cortina-Borja 1997; Kéri, et al. 1999; Moelter, et al. 2005];
- нарушения приоритизации [Condray, et al. 2002; Fineberg, et al. 2015; Malaspina 2004];
- нарушения эмоционально-оценочного компонента когниции [Критская, Мелешко, Поляков 1991; Рычкова, Соина, Гуревич 2013; Trémeau 2006].

Промежуточные результаты лингвистической части междисциплинарного исследования представлены в [Сидорова 2019; Шмуклер и др. 2019].

Полученный материал в силу своей ограниченности не позволил решить задачу-максимум, к которой стремятся все исследования речевой продукции больных психическими расстройствами, – определение потенциальных лингвистических маркеров того или иного психического заболевания. Однако он, в совокупности с другими подобными исследованиями в области патопсихолингвистики, дает возможность обогатить наши подходы к изучению синтаксиса русского языка и синтаксическую теорию в целом.

Границы, объект и задачи синтаксиса

Синтаксис на современном уровне может определяться только как учение о порождении, устройстве и восприятии связной речи, с обязательным включением двух крайних компонентов этой триады. Такое понимание позволяет сделать шаг вперед и по отношению к формальному подходу, царившему в русистике на протяжении десятилетий и отразившемуся в соответствующих разделах известного университетского учебника под ред. В.А. Белошапковой, и Академической грамматики под ред. Н.Ю. Шведовой, и по отношению к коммуникативно-функциональным синтаксическим концепциям, представленным в отечественном языкознании прежде всего научными школами Г.А. Золотовой, К.А. Роговой, В.Ю. Копрова. Следует вспомнить, что формальный под-

ход в русском синтаксисе последней трети XX века, сужая объем и задачи синтаксиса как науки, далеко отступил от формулировок классиков, нацеливавших синтаксистов на изучение «способов обнаружения мышления в слове» (А.А. Шахматов); «законов построения речи, в которой реализуется и выражается мысль» (В.В. Виноградов). Если в 1937 году Р. Шор определяла синтаксис как «учение о строе связной речи, включающее как случаи использования отдельных слов в качестве синтаксических целых (предложений), так и случаи многословных предложений» [Шор 1937 (1991): 740], то в учебнике синтаксиса русского языка В.А. Белошапковой 1977 г. изучение связной речи эксплицитно выводится за пределы синтаксиса, что и стало «традицией» формального синтаксиса в русистике последней трети XX века: «В наше время связная речь осознана как специальный лингвистический объект; оформилась и активно развивается особая наука о связной речи (текстолингвистика), в центре которой находится понятие «связность речи», получающее разнообразное толкование. Задача же синтаксиса как науки понимается (при всем разнообразии подходов и направлений) значительно уже и специфичней. Синтаксис изучает, с одной стороны, правила связывания слов и форм слов, а с другой стороны, те единства, в составе которых эти правила реализуются» [Белошапкова 1977: 5].

Из понимания синтаксиса как науки о порождении, устройстве и восприятии связной речи вытекает ряд важных следствий, также имеющих психолингвистическую «подоплеку». Это как минимум:

1) принятие в качестве основных объектов синтаксиса **слова**, предложения и текста и, соответственно, рассмотрение синтаксических следствий из современных представлений об устройстве ментального лексикона в виде семантической сети, в которой лексемы (точнее, лексико-семантические варианты) образуют узлы, связанные семантическими отношениями;

2) переосмысление синтаксической теории Л. Теньера, объявляющей глагол центром высказывания, а существительные – заполнителями образованных им мест (валентностей), как ушедшего в историю этапа синтаксической науки в пользу современных, психолингвистически обусловленных синтаксических взглядов на роль существительного и глагола в предложении;

3) усиление внимания к проблеме линейности синтаксиса и к механизмам линеаризации смыслов в предложении, которая в настоящее время рассматривается в русистике весьма ограниченно – в аспекте порядка слов и темо-рематического членения, и включение в синтаксическое описание русского языка анализа целей и средств приоритизации (см. далее) и идей предсказующего и конкурирующего синтаксиса;

4) активизация использования противопоставления внутренней и внешней (устной и письменной) речи, по Л.С. Выготскому, для объяснения моделей и речевых реализаций русского предложения (в том числе однословных и «односоставных» предложений) и категории предикативности.

Следует сказать, что, независимо от психолингвистических штудий, шаги в указанном направлении уже сделала коммуникативно-функциональная грамматика Г.А. Золотовой [Золотова 1973; Золотова 1982; Золотова, Онипенко, Сидорова 2004], что объясняется ориентацией этой грамматической теории на объяснение языка, исходящее из его функционирования как инструмента мышления и общения-сообщения. Можно предполагать, что, в соответствии с теорией «перцептивной готовности» Дж. Брунера (каждая информационная система воспринимает только то и только так, что и как

она готова воспринять [Bruner 1957]), коммуникативно-функциональная грамматика Золотовой создала у ее последователей готовность к восприятию тех продуктивных импульсов к развитию, которые дают психолингвистические исследования.

Объем статьи позволяет рассмотреть из перечисленных пункты (2) и (3).

Приоритизация как синтаксическая операция

Под приоритизацией как синтаксической операцией мы понимаем более раннюю в линейной последовательности вербализацию одного компонента по сравнению с другим, конкурирующим, в случае если такое более раннее появление не предписано правилами порядка слов в языке (то есть выбор между *Вася стоял рядом с Машей* и *Маша стояла рядом с Васей* – это операция приоритизации, в то время как постановка прилагательного перед определяемым существительным и родительного посессивного после имени объекта владения не относятся к сфере приоритизации). Как видно из примеров, приоритизация – это не просто операция по линейзации смыслов, она обеспечивается не только порядком компонентов, но и их морфологическим оформлением. В нашем случае, при описании изображений, может приоритизироваться одна фигура по отношению к другой, фигура по отношению к фону или фон по отношению к фигуре, один признак по отношению к другому.

Подобные операции линейзации словоформ, составляющих предложение, не могут в случае описания изображений интерпретироваться через оппозицию «данное – новое», поскольку данными в визуальном поле для говорящего являются все компоненты изображения и их ранжирование по порядку в линейной словесной цепи зависит от выбора субъекта, что назвать первым. Для изображений, отобранных как релевантные по критерию приоритизации, оказалось возможно вывить различия в описаниях у контрольной группы и группы пациентов.

Так, при описании фотографии, условно обозначаемой нами как «Бабушка и корова» (на нем изображена старая женщина в платке, с большой палкой в руке рядом с коровой) обнаружили существенные различия между группой пациентов (П) и контрольной группой (К). В группе К приоритизация коровы встретилась в 2,38% описаний, в группе П – в 23,2% описаний. То есть в группе К единичны случаи вынесения коровы на первое место в линейной последовательности описания, которые в группе П составляют почти четверть описаний: *Корова пасется на лугу. Рядом старушка с палкой; На лугу корова черная с белым и бабушка в голубом халате и платке бордовом с палочкой; Корова пасется на лугу, с ней ее хозяйка, бабушка в платке, с посохом; Корова с чернобелыми пятнами и пастушка; Корова ест траву, рядом бабушка с палкой; Корова и бабушка с палкой; Черно-белая корова ест траву и около нее бабушка в платке и старом халате с палкой; Корова и бабушка. Бабушка в голубом халате и фиолет платке, в руках палка; Пятнистая черно-белая корова кушает травку, рядом бабуля в платке* (все примеры из группы П)¹.

Обращает на себя внимание тот факт, что в подобных описаниях фигуры коровы и бабушки не связаны функционально, у них нет общего предиката, объединяющего их как два субъекта или субъект и объект одного действия, связь только через сопо-

¹ Примеры даются в орфографии и пунктуации респондентов за исключением того, что все описания начинаются с заглавной буквы. Отдельные описания в списках примеров разделяются точкой с запятой. Количественные данные приводятся минимально, в адаптированном для удобства оценки соотношений виде.

ложение в пространстве. Корова пасется сама, ест траву. Она не является объектом действий бабушки (дополнением при соответствующем предикате). Сообщив «все, что надо», о корове, автор такого описания переключается на бабушку, просто потому что она рядом. Функциональная взаимосвязь между коровой и бабушкой формируется не через общий предикат, а только посредством номинаций *пастушка*, *бабка-пастух*, *доярка*, *хозяйка*, которые П используют чаще, чем К (13,46% против 7,14%, причем в группе К номинации *доярка* и *хозяйка* не зафиксированы).

При приоритизации бабушки трактовка ситуации более разнообразна. Наиболее частотное связывание бабушки и коровы в единую функциональную ситуацию (выпаса, выгула скота), в этом случае корова выступает как объект производимого бабушкой действия. Относительная частота трех типов описания (их можно условно назвать акциональный, локативно-комитативный и сочинительный), как видно из таблицы № 1, примерно одинакова у контрольной группы и пациентов. Преобладает акциональная конструкция с переходным глаголом, в которой приоритизация бабушки ощущается наиболее сильно, так как бабушка выступает как активный субъект, а корова как объект действия, что отражается в соответствующих предложно-падежных формах, а не только в порядке слов. Второе место занимает объединяющая бабушку и корову локативная или комитативная конструкция, в которой корова выступает либо как фон или пространственный ориентир, относительно которого с помощью локативного глагола и/или предлога локализуется бабушка, либо как дополнительный (комитативный) субъект в форме *С + Творит. пад.* Реже встречается сочинительная связь, при которой приоритизация осуществляется только за счет порядка компонентов.

Таблица № 1

Типы описания изображения «Бабушка и корова» при приоритизации фигуры «бабушка»

Бабушка – «показатель связи» (глагольное или служебное слово) – корова	Контроль	Пациенты	Примеры
С переходным глаголом (<i>пасет, вывела, выгуливает</i> и т.п.)	50%	54, 41%	Бабуля с палкой пасет свою корову (К). Б а б у ш к а - п а с т у х выгуливает свою скотинубуренку (П).
С показателем пространственных или комитативных отношений ((<i>стоит</i>) <i>рядом с, на фоне, с</i>)	44,44 %	36,76%	Женщина в синем платье стоит около черно-белой коровы (К). Женщина с коровой в поле (П).
Сочинительная конструкция	5,56%	8, 82%	Бабушка с палкой и корова (К). Хозяйка коровы и корова на лугу (П).

Если посмотреть на частотность упоминания других компонентов ситуации, то выясняется, что контрольная группа и пациенты примерно одинаково, с небольшим превышением в группе К, использовали локализаторы (*на лугу, на поле, в деревне* и т. п.): они встречаются в 35,71% в группе К и в 30,1% в группе П. Более существенные различия обнаруживаются в частотности вербализации наблюдаемых признаков – как в субстантивных, так и в адъективных синтаксемах, например, *с палкой, в платке, большая, черно-белая*. Такие признаки упоминаются в 54,76% описаний в группе К и в 37,86% – в группе П, а самый «выпуклый» среди них признак – *палка* – в 38,1% описаний в группе К и в 26,21% описаний в группе П. В целом можно говорить о меньшей детализации описания в группе П.

Нам представляется, что изучение грамматических механизмов приоритизации, их взаимодействия с моделями русского предложения и с номинативными ресурсами языка должно составить особый раздел в русском синтаксисе, поскольку оно позволяет лучше объяснить реальные алгоритмы оязыковления ситуации в предикативной единице – алгоритмы, включающие вычленение этой ситуации из недискретного непрерывного потока окружающей нас действительности, типизацию (классификацию) этой ситуации, структурирование ее на компоненты и определение отношений между ними. Такой подход позволяет освободиться от мышления словосочетаниями там, где требуется осмысливать синтаксические сущности на уровне предложения. Ср., например, статус предложно-падежной комитативной синтаксемы *С + Творит. пад.*, обозначающей один из субъектов в предложении *Женщина с коровой в поле*, с другими примерами, приведенными в таблице выше, где предложно-падежные синтаксемы в предсловной позиции обозначают признак субъекта.

Категоризация и аргументы против вербоцентрического подхода к предложению

Изучение тактики описания изображений в нашем эксперименте приводит к выводам, противоположным тем положениям, которые составляют концепцию структурного синтаксиса Л. Теньера [Теньер 1988] и затем были развиты в глаголоцентричных описаниях русского предложения с опорой на валентности глагола и теории пропозиции. Собственно, первое из этих положений Теньера («Глагольный узел, который является центром предложения в большинстве европейских языков <...>, выражает своего рода маленькую драму. Действительно, как в какой-нибудь драме, в нем обязательно имеется действие, а чаще всего также действующие лица и обстоятельства») является само по себе «загадочным». Загадку представляет собой то, каким образом может быть драма и действие в ней без действующих лиц: ведь, если есть «чаще всего», то предполагается и «реже». Далее Теньер настаивает на том, что «глагол является центром глагольного узла <...> и, следовательно, глагольного предложения <...>. Он, таким образом, выступает в качестве элемента, управляющего всем глагольным предложением». И подчеркивает, что, «уж если в предложении имеется глагол, он всегда центр этого предложения» [Теньер 1988: 117].

Если мы рассматриваем в качестве предмета синтаксиса не устройство готового, неизвестно в каких обстоятельствах и с какой целью появившегося предложения, а порождение, устройство и восприятие связной речи, которая всегда функционирует в определенных коммуникативных условиях и только при наличии коммуникативной цели, то мы обнаруживаем – как это происходит и в нашем эксперименте – что центром, управляющим глагольным предложением, оказывается как раз имя существи-

тельное, обозначающее, с точки зрения говорящего, главную фигуру на изображении. Эта фигура при вербализации превращается в субъект предложения.

Проблема концепции Теньера, как и любой другой концепции, ставящей глагол в центр предложения и нанизывающей на него актанты или валентности, в том, что перехода «от плана драматической реальности к плану структурного синтаксиса», прокламируемого Теньером, попросту не существует, как не существует в нашей психике и самого «плана драматической реальности» в теньеровском понимании, что убедительно и в разных аспектах показано современной психолингвистикой и другими когнитивными науками. Предположить существование этого плана можно только исходя из того, из чего, собственно, и исходит Теньер – из формулировки, что «в предложении **имеется** глагол» (жирный шрифт наш. – М.С.), а само предложение представляет собой некоторую не порождаемую, а статическую, готовую для структурного анализа данность. Если же смотреть на предложение с виноградовских позиций, т.е. как на средство не только выражения и сообщения мысли, но и ее **формирования** [Виноградов 1955: 389], или с позиций психолингвистики, утверждающей, что языки и их синтаксис имеют ту форму, которую они имеют, из-за того, что люди перерабатывают информацию особым образом в тех областях, которые являются общими для языка и других когнитивных процессов [Вокс 1982; Osgood, Bock 1979; Slobin 1979], то выясняется, что реальные процессы речепорождения весьма далеки от моделируемых Теньером, а синтаксические объяснения, игнорирующие механизмы порождения высказываний, вряд ли могут быть на сегодняшний день интересны.

Наш материал наглядно показывает, что при решении квазикоммуникативной² задачи описания изображений в условиях ограниченного времени механизм речепорождения и генерируемые испытуемыми языковые выражения вряд ли продуктивно интерпретировать исходя из глагольного центра. Выбирается в первую очередь не глагол, а, как мы уже видели на примере «Бабушки с коровой», 1) общий тип ситуации и 2) субъект(ы) (фигур(ы)), который(ые) будет(ут), соответственно, локализоваться, если это локативная ситуация, действовать, если это ситуация акциональная, либо им будет приписываться эмоциональное состояние/действие, если респондент «принял решение» увидеть ситуацию эмоционального переживания. Ср. для одного из наших изображений: *Корова с колокольчиком на шее и теленок стоят на лугу – Счастливый бычок встретил маму корову; Корова играет с теленком – Корова улыбается, телёнок плачет* (все примеры из группы П). Также мы видим, при наличии нескольких фигур, претендующих на роль субъекта, в воле говорящего связать их в одну ситуацию или для каждой из них построить ситуацию отдельную, со своим предикатом.

Выбор глагола зависит не только от того, кто назначен на роль главной фигуры (носителя предикативного признака) в ситуации, но и от того, как эта фигура категоризирована и какие фоновые знания используются для интерпретации ситуации. Вот, к примеру, изображение, на котором мы видим несколько коров и темную фигуру животного, которое опознается большинством респондентов как медведь, точнее медве-

² **Квази-**, поскольку а) описываемый «кадр» предварительно вырезан из потока действительности и предъявлен говорящему в определенном ракурсе, вне более широкого контекста, причем исследовательская деятельность говорящего относительно описываемого ограничена простым наблюдением (он не может приблизиться к объекту, осмотреть его со всех сторон, взять в руки и т. п.); б) у говорящего отсутствует собственная коммуникативная задача, интенция к речепорождению, включающая оценку состояния сознания партнера по коммуникации: он описывает по чужому заданию и для неопределенного адресата.

жонок (так оно и есть), но для некоторых выглядит как собака. Здесь выбор глагола и структура предложения зависит от категоризации этого второго участника ситуации, которого респондент должен связать с первым, опознаваемым однозначно как «коровы», какими-то отношениями, проистекающими из знаний о структуре окружающего мира. Вспомним приведенное в начале статьи положение Дж. Брунера (наше восприятие окружающего мира определяется готовностью к восприятию), ныне развитое в понимании семантических сетей как сетей, которые мы набрасываем на мир для того, чтобы вылавливать из него смыслы. Если к стаду подошел *медведь*, то коровы *его отгоняют* или *защищают* от него *телят*, если по ошибке респондент увидел на экране *собачку*, то она, разумеется, *пасет стадо*. Если коровы и медведь объединяются говорящим в единый субъект при одном предикате, то этот предикат «навязывается» преваляющими фигурами коров и соответствующим фоном, – *пасутся*. То есть в данном случае глагол является функцией от «актантов» (участников драмы, если использовать терминологию Теньера) и даже «сирконстанта» (поле, луг), а не наоборот. Примеры описаний изображения «Коровы и медведь» представлены в таблице № 2.

Таблица № 2

Примеры описаний изображения «Коровы и медведь»

	Контроль	Пациенты
Приоритизация коров как единственного основного субъекта	Коровы испугались бурого медведя. Корова защищает телят от медведя. Корова отгоняет медведя от своего теленка.	Коровы отгоняют медвежонка от своих телят. Пасущиеся коровы мычат на медвежонка. Корова прогоняет медведя от маленького бычка.
Приоритизация медведя как единственного основного субъекта	Медведь случайно пришел к стаду. Медвежонок идет по полю мимо стада коров. Собачка пасет стадо коров. (ошибка категоризации)	Медведь бредет рядом с коровами. Медведь убегает от стада колхозных коров. Собака пасет коров. (ошибка категоризации)
Объединение коров и медведя в один субъект (через сочинительный союз И) при общем предикате	Три коровы и медведь черный пасутся на лугу.	Коровы и медведь пасутся.
Описание из двух предложений с разными субъектами.	К стаду коров подошёл медведь. Корова защищает теленка от на[падения?]. Медвежонок слишком близко подобрался к стаду коров. Мать оберегает своего телёнка.	Медведь зашел на пастбище коров. Коровы выгоняют незванного гостя с пастбища. К стаду коров вышел бурый медведь. Одна корова явно испугана и мычит.

Приведенные примеры демонстрируют общую тенденцию восприятия изображенной ситуации (драмы, пользуясь терминологией Теньера). Медведь на изображении маленький, явно меньше коров, скорее всего, медвежонок, он одинок и находится «не в своей среде», а коров несколько, и они выглядят существенно больше и сильнее его. Кроме того, одна из коров, ближайшая, очевидно повернута мордой к медведю, что похоже на ее реакцию и/или готовность к взаимодействию, тогда как он «просто идет мимо». Соответственно, предложения, в которых приоритизируется в качестве субъекта предикации медведь, содержат локативный предикат или глагол движения, тогда как при субъекте «корова» или «коровы» используются акциональные глаголы, выражающие действие, переходящее на объект – медведя, или предикаты состояния. «Драmatизация реальности» порождается наблюдением над той фигурой, которую говорящий выбрал, «назначил» главным героем своего предложения.

Помимо фигур, которые мы видим на картинке, в описаниях может эксплицироваться и другая фигура – внешняя по отношению к изображению. Тенденция к домысливанию внешнего субъекта по отношению к изображенной ситуации (фотографа, наблюдателя) приводит к появлению описаний, в которые вводится его фигура и соответственно выбирается глагол, типа: *Корова жалуется фотографу, что к ней пришел медведь*. Глагол *жаловаться*, с формально-синтаксической точки зрения, имеет сильное управление, требуя дательного падежа от существительного, обозначающего адресата речи. Но это его свойство как лексемы, а не как компонента предложения. В предложении он появляется именно потому, что «поворот морды» коровы респондент трактовал не по отношению к медведю, изображенному на фотографии, а по отношению к фотографу, оставшемуся за кадром. Выбор субъектно-объектной пары «коровы – медведь» влечет за собой использование глаголов типа *прогонять*, выбор субъектно-объектной пары «коровы – фотограф» обусловил появление в предложении другого глагола.

Аналогичные механизмы действуют и при описании фотографии, на которой изображены мужчина на лошади, собака и стадо коров в поле. Категоризация мужчины как пастуха, выраженная в соответствующей номинации или имплицитованная, приводит к выбору предикатов, реализующих возможные действия пастуха (субъекта) относительно стада (объекта).

К: *Пастух верхом на лошади, пасет стадо коров; рядом с ним собака, похожа на овчарку; Пастух и пастушья собака следят за стадом коров на лугу; Пастух на лошади и с собакой собирает коров; Пастух на лошади и собака рядом с ним пасут в поле коров; Пастух пасет коров верхом на лошади; Пастух с собакой охраняют стадо и т. п.*

П: *Пастух на лошади и его собака охраняют стадо коров; Пастух на лошади и с собакой пасут коров на пастбище; Пастух верхом на лошади следит за стадом коров. Рядом его пастушья собака; Пастух на коне и пес охраняют стадо коров; Выгуливают скотину с пастухом, который пасет ее; Пастух на коне с собакой перегоняет скот и т. п.*

Интерпретация собаки как помощницы пастуха порождает конструкцию с соответствующим глаголом: *Выпас коров, собака помогает пастуху* (К), *Пастух на лошади и собака помогает пасти коров* (П).

Респонденты из группы пациентов чаще, чем респонденты из контрольной группы, испытывали сомнение в категоризации мужчины на коне как пастуха (это может объ-

ясняться описанными в литературе проблемами категоризации у больных шизофренией). В связи с этим у них чаще, чем у здоровых респондентов, возникают описания, в которых не связываются мужчина и стадо коров (т.е. коровы не выступают объектом действия мужчины): *Мужчина на коне в поле оглядывается в сторону собаки, которая тоже оглядывается. На заднем плане – пасутся коровы; Собака и человек смотрят в сторону; Человек на рыжем коне, смотрящий в камеру, рядом собака на лугу* (П).

Коровы в этом случае могут игнорироваться для вербализации, как бы становиться невидимыми. Они оказываются «не востребованы» для ситуации, главным героем которой является *мужчина на коне* или *человек на коне*.

Функциональная категоризация мужчины на коне не как пастуха приводит к неверной интерпретации ситуации и выбору глагола иного, чем *выгуливать, пасти* и т.п.: *Мужчина, возможно охотник, вместе с собакой случайно гоняли на пастбище коров, погода нормальная не солнечно не пасмурно; Всадник на лошади и собака гуляют на пастбище* (П).

Если респондент сосредоточивает внимание на главной фигуре (фигуре человека), игнорируя остальные, но «дорисовывает» при этом фигуру фотографа, то у него получается предложение типа *Пастух на лошади улыбается в камеру*. Вряд ли можно предположить, что выбор этой конструкции и построение ее имеют исходным пунктом выбор предиката *улыбаться*, который служит «центром», управляющим синтаксемой *в камеру*. Скорее, ситуация была классифицирована как эмоционально-реактивная с определенным центральным субъектом и вербализована соответствующим образом. Синтаксема *в камеру* является одним из вариантов выражения фигуры субъекта-наблюдателя, ср.: *улыбается фотографу*. Ни форма ее, ни ее присутствие не обусловлены семантикой предиката *улыбаться*.

Рассмотренные нами до сих пор примеры относились к изображениям, на которых присутствовали фигуры человека и животных. В заключение статьи рассмотрим варианты описания одного из изображений «Корова с теленком». На этих изображениях нет фигуры человека, которая обычно приоритизируется по отношению к животным, однако представленные животные иерархизированы в нашем восприятии по линии «взрослый – ребенок», «мать – дитя».

Выделяются различные синтаксические тактики описания.

0. Не соответствующие заданию.

0.1. Вместо описания – список объектов, находящихся на изображении, и их признаков.

К: *Пруд, ряска на воде, день, корова, теленок, лето, зеленый.*

П: *Корова, теленок, водоем, трава, водоросли*

0.2. Вместо описания – название изображения.

К.: *Фото коровы с теленком у пруда.*

П: *Изображение – коровы.*

1. Соответствующие заданию. Ситуация трактуется как локативная. Возможно ее представление в предложении безглагольном, с локативным неполнозначительным глаголом (*стоять*), с акциональными глаголами (*пасть, есть траву*). Приоритизируется (с помощью порядка слов и падежной формы) корова, в редких случаях – теленок (всего по типам описания 1 и 2 в контрольной группе – 2,38%, в группе пациентов – 9,71%).

1.1.1. Начало с описания фона, затем фигуры.

1.1.1.1. Сочинительные отношения между фигурами. Конструкция с союзом **и**.

К: *На берегу реки корова и теленок.*

П: *На фоне заросшего пруда на берегу пасутся корова и теленок.*

1.1.1.2. Комитативные отношения между фигурами. Конструкция с предлогом **с**.

К: *На берегу заболоченного озера корова с крохотным теленочком. На берегу озера пасутся теленок с коровой.*

П: *У пруда бело-рыжая корова с бело-рыжим теленком пасутся.*

1.1.1.3. В первой предикативной единице одна фигура (*корова*), вторая (*теленок*) появляется позже, в отдельной предикативной конструкции, в которой она либо локализуется, но уже не относительно фона, а относительно первой фигуры, либо актуализуется акциональное значение, а не локативное.

К: *На лугу рядом с озером стоит и ест траву корова рыже-белая, рядом такой же окраски теленок; На лугу у болота стоит корова, которая смотрит в сторону и теленок смотрящий прямо; На берегу пруда корова ест цветы, а ее теленок смотрит в камеру.*

П: *На лугу перед прудом корова щиплет цветок. Рядом с ней теленок.*

1.1.2. Начало с фигур.

1.1.2.1. Обе фигуры в начале предложения. Сочинительные отношения между фигурами. Конструкция с союзом **и**.

К: *Корова и маленький теленок пасутся у реки. Теленок и корова пасутся рядом с прудом.*

П: *Корова и теленок пасутся у реки. Теленок и мама-корова стоят около пруда.*

1.1.2.2. Обе фигуры в начале предложения. Комитативные отношения между фигурами, дополнительная фигура в форме **С + Творит. над.** (глагол может быть в форме единственного или множественного числа).

К: *Корова с теленком пасется возле водоема*

П: *Корова с теленком пасутся около пруда. Теленок с коровой у водоема.*

После локативной конструкции может следовать акциональная, субъектом в которой является одна фигура или обе.

К: *Корова и теленок на берегу озера. Корова жуёт растение, теленок...* (не дописано).

П: *Корова с маленьким теленком на берегу реки. Пасутся на траве с сиреневыми цветочками.*

2. Соответствующие заданию. Ситуация трактуется как акциональная. Конструкция с акциональным глаголом (единично – с акциональным девербативом в предикате).

2.1. В качестве субъекта избирается одна фигура.

К: *Корова уговаривает своего теленка отойти подальше от реки.*

П: *Корова выгуливает теленочка; Молодой телёнок на выгуле у пруда.*

2.2. В качестве субъекта выступают обе фигуры.

2.2.1. Сочинительные отношения.

П: *Мама корова и теленок вышли погулять*

2.2.2. Комитативные отношения.

К: *Корова с теленком едят траву, сзади грязный водоем.*

П: *Корова с телёнком гуляют по берегу реки.*

Очевидно, что, порождая эти описания, участники эксперимента не занимаются аранжировкой глагольного «центра» актантами и сирконстантами. Они формируют

предикативные единицы, позволяющие объединить две наблюдаемые фигуры и фон. Глагол, в тех предложениях, где он есть, выступает как локализатор (одной фигуры или обеих относительно фона либо одной фигуры относительно другой), либо как обозначение действия одной фигуры, не направленного на другую (*корова щиплет цветок*), направленного на другую фигуру (*корова уговаривает теленка*), или общего для обеих фигур действия (*корова и теленок пасутся*). Управляет он только формой сильноуправляемого присловного распространителя (связанной синтаксемой в терминологии грамматики Г.А. Золотовой), при этом «вызван к жизни» в предложении он фактически по заказу того референта (той фигуры), которая обозначена этой синтаксемой. Если говорящий решил характеризовать «отношения» коровы и цветка, то это будет глагол типа *щиплет* или *жуёт* (по отношению к растениям корова проявляет себя как существо биологическое); если отношения коровы и теленка, то глагол типа *уговаривает* или *выгуливает* (по отношению к теленку корова выступает в описаниях как существо социальное, антропоморфное, в парадигме «мать – дитя»). В безглагольных описаниях порядок слов и предложно-падежные формы оказываются, с одной стороны, достаточны для организации локативного предложения (*Корова с теленком на берегу водоема; Корова с теленком, который похож на нее как две капли воды у реки; Телка и теленок на заливном лугу на берегу речки; Корова с теленком на берегу зацветшего пруда; Коричневая корова с детенышем на берегу водоема (К); Корова с теленком около пруда; Корова и теленок у водопоя; Корова вместе с теленком возле реки; Корова с теленком летом на лугу; Мама с новорожденным у реки коровой или бычком; Корова с теленком в загоне рядом с водоемом (П)*), с другой – легко «впускают» между собой глаголы, которые при этом не «перехватывают» роль центра: в каждый из приведенных здесь в скобках примеров можно вставить *стоять* или *пасться*.

Психолингвистические параллели

Можно, с учетом дискуссий, которые ведутся в литературе, посвященной восприятию визуальных сцен [Greene, Oliva 2009; Henderson, Hollingworth 1999; Intraub 2007; Navon 1977; Oliva, Torralba 2007; Potter 1999], рассуждать о том, что является исходным для вербализации: общая категоризация сцены или вычленение отдельных составляющих ее объектов, но в любом случае говорящий не подбирает актанты и сирконстанты (фигуры и фон) под глагольный центр, а скорее подыскивает подходящий глагол для характеристики фигур по отдельности, вместе или относительно фона. Такая трактовка соответствует и известной в онтолингвистике гипотезе о приоритетном освоении существительных в начальном словаре ребенка, Noun Bias hypothesis [Gentner 1981, 1982, 2006], которую ее автор – Д. Гентнер – базировала на двух других гипотезах – гипотезе естественного членения и гипотезе относительности отношений (*natural partitions hypothesis* и *relational relativity hypothesis*). Рассматривая освоение словаря ребенком как процесс, в ходе которого ребенок «обнаруживает соответствия между словами в потоке речи и их референтами в потоке опыта» [Gentner, Boroditsky 2009], в гипотезе естественного членения (мира) Гентнер проводит разграничение между определенными и хорошо выделяемыми перцептивными объектами, которые обозначаются конкретными существительными, и обозначаемыми глаголами отношениями между этими объектами. Конкретный предмет проще вычленить и индивидуализовать, поэтому он легче получает свою «вербальную этикетку», чем действие или отношение. Кроме того, если действия и отношения связывают предметы, то неудивительно, что сначала должно возникнуть представление о предметах, а потом об этих связях. Таким обра-

зом, существует когнитивное и перцептивное различие между предметными понятиями, выражаемыми существительными, и предикативными понятиями, выражаемыми глаголами. Более простой и базовый характер первых обуславливает их более раннее усвоение в онтогенезе языка. Гипотеза относительности отношений говорит о том, что межъязыковые различия в значениях глаголов и предлогов (т.е. слов, обозначающих отношения) более значительны, чем различия в значениях конкретных существительных, поскольку конкретное существительное более прямо и непосредственно связано с обозначаемым им предметом, значения же глаголов не являются простым отображением мира в словах: «...Children cannot learn verbs from the word-to-world mapping alone; they must discover how their particular language chooses to combine the elements of experience into verb meanings» [Gentner, Boroditsky 2009: 6]. Значения глаголов более подвержены влиянию языковой системы, «образуются» в ней, в отличие от значений конкретных существительных, которые «предоставляются» действительностью. Соответственно, конкретные существительные ребенок выучивает, получив определенное представление об устройстве окружающего мира, а для освоения глаголов нужно проникновение в семантику языка: «If verb meanings are linguistically shaped, then learning how verbs refer is embedded in language learning. In contrast, if at least some noun meanings are «given by the world», then these nouns can be learned before the infant has penetrated the semantic of her language» [Gentner 2006: 545].

Если Гентнер утверждает, что при описании наблюдаемой сцены различные языки «легче соглашаются друг с другом» в том, что касается составляющих ее предметов, обозначаемых существительными, чем в том, что касается их признаков, обозначаемых глаголами, а вычленение референтов существительных из перцептивного опыта и вербализация их предшествует в онтогенезе вычленению и вербализации признаков, опять же потому что первое когнитивно проще, не можем ли мы предположить, что при порождении предложения действуют те же закономерности? Если так, то вербцентричность предложения еще больше ставится под сомнение, а учение о валентности покидает область синтаксиса и размещается в разделах языкознания, занимающихся свойствами отдельных единиц в системе языка, а не порождением, устройством и восприятием связной речи.

Другой известной психолингвистической теорией, которая поддерживает предложенный нами взгляд, является модель порождения речи В. Левелта, выделяющая три ипостаси говорящего – Концептуализатор, Формулятор и Артикулятор [Levelt 1989]. Ряд описанных Левелтом операций, выполняемых Концептуализатором, соответствуют тем, которые мы называли выше (в первую очередь это касается операций приоритизации, учитывающих естественный порядок вещей и «преференции» говорящего). Формулятор же переводит полученную от Концептуализатора «концептуальную структуру» высказывания в «лингвистическую структуру», извлекая из ментального лексикона слова вместе с информацией об их синтаксических свойствах, оформляя их морфологически и позиционируя синтаксически, после чего «готовая» структура передается Артикулятору для экстерииоризации.

Заключение

В заключение следует отметить, что потенциально полезные для развития синтаксической теории сведения генерируются исследованиями в области патопсихолингвистики (психиатрической лингвистики) постоянно и должны быть более активно востребованы. Ценность этих сведений во многом обуславливается тем, что они приобретаются

в экспериментах, позволяющих создавать, подобно нашему случаю, единый референт (изображение) для собираемых и анализируемых высказываний и контролировать различные лингвистические, психолингвистические и экстралингвистические параметры, влияющие на выбор и комбинацию языковых средств говорящим.

© Сидорова М.Ю., 2022

Литература

Белашапкова В.А. Современный русский язык. Синтаксис. М.: Высшая школа, 1977. 248 с.

Виноградов В.В. Основные вопросы синтаксиса предложения (на материале русского языка) // Вопросы грамматического строя. М.: Изд-во Акад. Наук СССР, 1955. С. 389–435.

Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М.: Наука, 1973. 352 с.

Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М.: Наука, 1982. 439 с.

Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. 2-е изд. М.: Наука, 2004. 544 с.

Критская В.П., Мелешко Т.К., Поляков Ю.Ф. Патология психической деятельности при шизофрении. Мотивация, общение, познание. М.: Изд-во Москов. ун-та, 1991. 256 с.

Рычкова О.В., Соина Н.А., Гуревич Г.Л. Эмоциональный интеллект при шизофрении // Бюллетень ВСНЦ СО РАМН. 2013, № 6 (94). С. 59–64.

Сидорова М.Ю. Проблема определения границ нормы и ее вариативности в лингвистическом эксперименте для задач психиатрии // Психическое здоровье человека и общества. Актуальные междисциплинарные проблемы. Сборник материалов Научно-практической конференции. М.: Издат. дом КДУ, 2018. С. 327–338.

Сидорова М.Ю. Называние и описание изображений в спектре методик изучения коммуникативных и когнитивных нарушений у больных шизофренией // *Когнитивные исследования языка*, 2019, том 37. С. 1096–1101.

Теньер Л. Основы структурного синтаксиса. М.: Прогресс, 1988. 656 с.

Шмуклер А.Б., Карякина М.В., Шматко А.С., Петровичева М.А. К проблеме совершенствования методик оценки языковых и когнитивных нарушений при шизофрении // *Когнитивные исследования языка*, 2019, том 37. С. 1096–1101.

Шмуклер А.Б., Костюк Г.П., Латанов А.В., Сидорова М.Ю., Анисимов В.Н., Чурикова М.А. и др. Сетевой анализ когнитивных, глазодвигательных и речевых показателей при шизофрении // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 2020. Том 120, № 6, вып. 2. С. 54–60.

Шор Р.О. Синтаксис // Литературная энциклопедия. Т. 10. Munchen: Otto Sagner, 1991 (1937). С. 739–745.

Bock J.K. Toward a cognitive psychology of syntax: Information processing contributions to sentence formulation // *Psychological Review*. 1982. Vol. 89, № 1. P. 1–47.

Bruner J.S. On Perceptual Readiness // *Psychological Review*. 1957, Vol. 2. P. 123–152.

Chen E.Y.H., Wilkins A.J., McKenna P.J. Semantic memory is both impaired and anomalous in schizophrenia // *Psychological Medicine*. 1994. №24. P. 193–202.

Condray R., Steinhauer S.R., van Kammen D.P., Kasperek A. The Language System in

Schizophrenia: Effects of Capacity and Linguistic Structure // *Schizophrenia Bulletin*. 2002. Vol. 28 №3. P. 475–490.

Crystal D. Final frontiers in applied linguistics? // *Applied Linguistics and Communities of Practice* / S. Sarangi & T. van Leeuwen, editors. BAAL. London: Bloomsbury Academic. 2003. Volume 18. P. 9–24. <http://dx.doi.org/10.5040/9781474211765.ch-002>

Fineberg S., Deutsch-Link S., Ichinose M., McGuinness T., Bessette A., Chung C., & Corlett P. Word use in first-person accounts of schizophrenia. *British Journal of Psychiatry*. 2015. Vol. 206 №1. P. 32–38. doi:10.1192/bjp.bp.113.140046

Gentner D. Some interesting differences between verbs and nouns // *Cognition and Brain Theory*. 1981, Vol. 4 №2. P. 161–178.

Gentner D. Why nouns are learned before verbs: Linguistic relativity versus natural partitioning (Center for the Study of Reading, Technical Report No. 257). Urbana, IL: University of Illinois, 1982.

Gentner D. Why verbs are hard to learn // *Action meets word: How children learn verbs* / K. Hirsh-Pasek, R. Golinkoff, Editors. Oxford University Press, 2006. P. 544–564.

Gentner D., Boroditsky L. Early acquisition of nouns and verbs: Evidence from Navajo // *Routes to Language: Studies in honor of Melissa Bowerman* / V. Gathercole, Editor. Taylor & Francis, New York, NY, 2009. P. 5–36.

Greene M.R., & Oliva A. Recognition of natural scenes from global properties: Seeing the forest without representing the trees // *Cognitive Psychology*. 2009. №58. P. 137–179.

Gurd J.M., Elvevag B., Cortina-Borja M. Semantic category word search impairment in schizophrenia *Cogn Neuropsychiatry*. 1997. Nov 1; 2 (4). P. 291–302. doi: 10.1080/135468097396298.

Henderson J.M., Hollingworth A. High-Level Scene Perception // *Annual Review of Psychology*. 1999. №50. P. 243–271.

Intraub H. Scene perception: The world through a window // *The Mind's Eye: Julian Hochberg on the Perception of Pictures, Films, and the World* / Peterson M.A., Gillam B., Sedgwick H.A., Editors. NY: Oxford University Press, 2007. P. 454–466.

Kéri S., Szekeres G., Szendi I., Antal A., Kovács Z., Janka Z., Benedek G. Category learning and perceptual categorization in schizophrenia. *Schizophr Bull*. 1999. Vol. 25 №3. P. 593–600. doi: 10.1093/oxfordjournals.schbul.a033403. PMID: 10478791.

Levelt, W. M. J.: “Speaking: From Intention to Articulation”, MIT Press, Cambridge, MA (1989).

Levelt, W. M. J.: “Speaking: From Intention to Articulation”, MIT Press, Cambridge, MA (1989).

Levelt W.M.J. Speaking: from intention to articulation. MIT Press, Cambridge MA, 1989.

Malaspina D., Simon N., Goetz R.R., Corcoran Ch., et al. The reliability and clinical correlates of figure-ground perception in schizophrenia. *J Neuropsychiatry Clin Neurosci*. 2004. Summer; 16 (3). P. 277–83. doi: 10.1176/jnp.16.3.277. PMID: 15377734.

Moelter S.T., Hill S.K., Hughett P., Gur R.C., Gur R.E., Ragland J.D. Organization of semantic category exemplars in schizophrenia. *Schizophr Res*. 2005. Oct 15; 78 (2–3). P. 209–17. doi: 10.1016/j.schres.2005.06.011. PMID: 16002266; PMCID: PMC4337816.

Navon, D. Forest before Trees: The precedence of global features in visual perception // *Cognitive Psychology*. 1977. P. 353–383.

Oliva, A., & Torralba, A. The role of context in object recognition // *Trends in Cognitive Science*. 2007. Vol. 11 №12. P. 520–527.

Osgood C.E., Bock J.K. Salience and sentencng: Some production principles // Sentence production; Developments in research and theory / S. Rosenberg, Editor. Hillsdale, N.J.: Erlbaum, 1977.

Potter M.C. Understanding sentences and scenes: the role of conceptual shortterm memory // Feeling memories: Cognition of Brief Visual Stimulus / Veronika Coltheart, Editor. P. 13–46, MIT press, 1999.

Slobin D.I. Psycholinguistics (2nd ed.). Glenview, 111.: Scott Foresman, 1979.

Trémeau F. A review of emotion deficits in schizophrenia. Dialogues Clin. Neurosci. 2006. №8. P. 59–70. Available from: <http://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC3181757>

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 27.02.2022

Дата принятия к печати: 22.03.2022

Сведения об авторе:

Сидорова Марина Юрьевна – доктор филологических наук, доцент, профессор, кафедра русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Контактная информация:

119991, Москва, Ленинские горы, ГСП-1, 1-й корп. гум. Факультетов

ORCID: 0000-0002-0071-3073

email: sidorovadoma@mail.ru

Для цитирования:

Сидорова М.Ю. Психиатрическая лингвистика и синтаксическая теория // Вопросы психолнгвистики № 1(51) 2022, С.92–111. doi:10.30982/2077-5911-2022-51-1-92-111

UDC 81.23

LBC 88.37я73 Б44

DOI 10.30982/2077-5911-2022-51-1-92-111

Research article

PSYCHIATRIC LINGUISTICS AND SYNTACTIC THEORY

Marina Yu. Sidorova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Abstract

Research data in psychiatric linguistics are used worldwide as a source of data on language functioning and structure, but they are virtually ignored by Russian grammar studies, though the paradigm of these studies needs an update. For syntax as a domain of linguistics allowing to combine representation of the structure of linguistic expressions with explanation of their generation and perception such an update is most critical. In this article, we discuss the results of a linguistic experiment conducted within an interdisciplinary project in schizophrenia research and use these results to analyze prioritization and its grammatical mechanisms as well as revisit Teniere’s verbocentric sentence theory. Our data reveal that syntactic explanations offered by Teniere as well as valence and propositional approaches to sentence structure derived from his theory are insufficient and rather far from real processes of sentence production. Prioritization is discussed as both cognitive and linguistic operation

provided by special linguistic means which deserves more attention in the Russian language studies and teaching. We use image descriptions produced by schizophrenic patients and control group to discover syntactic mechanisms of sentence production. Sentence in this regard functions as a unit of thought formation, expression, and transmission (V.V. Vinogradov). The crucial role in this process belongs to the categorization by the speaker of the visual scene and the selection of the main and secondary figures. Thus, the verb appears to be not the governing center of the sentence “drama”, but a function of the named factors. Our interpretation finds support in the well-known psycholinguistic theories such as D. Gentner’s Noun Bias hypothesis and W. Levelt’s model of speech production.

Keywords: psychiatric linguistics, syntax, prioritization, categorization, verbocentric approach to sentence, linearization

References

- Beloshapkova, V.A. (1977) *Sovremenniy russkii yazyk. Sintaksis* [Modern Russian Language. Syntax]. Moscow, Vysshaya shkola. 248 p. (In Russian)
- Vinogradov, V.V. (1955) *Osnovnye voprosy sintaksisa predlozheniya (na materiale russkogo yazyka)* [Basic Questions of Sentence Syntax (On the Material of the Russian Language)]. *Voprosy grammaticheskogo stroya*. Moscow, Soviet Academy of Science Publ., 389–435. (In Russian)
- Zolotova, G.A. (1973) *Ocherk funktsional'nogo sintaksisa russkogo yazyka*. Moscow, Nauka Publ. 352 p. (In Russian)
- Zolotova, G.A. (1982) *Kommunikativnye aspekty russkogo sintaksisa* [Communicative Aspects of Russian Syntax.]. Moscow, Nauka Publ. 439 p. (In Russian)
- Zolotova, G.A., Onipenko, N.K., Sidorova, M.Yu. (2004) *Kommunikativnaya grammatika russkogo yazyka* [Communicative grammar of the Russian language]. 2-d ed. Moscow, Nauka Publ. 544 p. (In Russian)
- Kritskaya, V.P., Meleshko, T.K., Polyakov Yu.F. (1991) *Patologiya psikhicheskoi deyatel'nosti pri shizofrenii. Motivatsiya, obshchenie, poznanie* [Pathology of Mental Activity in Schizophrenia. Motivation, Communication, Knowledge]. Moscow, Moscow Univ. Press. 256 p. (In Russian)
- Rychkova, O.V., Soina, N.A., Gurevich, G.L. (2013) *Ehmotsional'nyi intellekt pri shizofrenii* [Emotional intelligence in schizophrenia]. *Byulleten' VSNTS SO RAMN*. 6 (94), 59–64. (In Russian)
- Sidorova, M.YU. (2018) *Problema opredeleniya granits normy i ee variativnosti v lingvisticheskom eksperimente dlya zadach psikiatrii* [The problem of Determining the Boundaries of the Norm and its Variability in a Linguistic Experiment for the Tasks of Psychiatry]. *Psikhicheskoe zdorov'e cheloveka i obshchestva. Aktual'nye mezhdistsiplinarnye problemy. Sbornik materialov Nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Moscow, KDU Publ., pp. 327–338. (In Russian)
- Sidorova, M.Yu. (2019) *Nazyvanie i opisaniye izobrazheniy v spektre metodik izucheniya kommunikativnykh i kognitivnykh narusheniy u bol'nykh shizofreniei* [Naming and Description of Images in the Spectrum of Methods for Studying Communication and Cognitive Impairments in Patients with Schizophrenia]. *Kognitivnyye issledovaniya yazyka*. 37, 1096–1101. (In Russian)
- Tesnière L. (1988) *Osnovy strukturnogo sintaksisa* [Éléments de syntaxe structurale]. Moscow, Progress Publ. 656 p. (In Russian)

Shmukler, A.B., Karyakina, M.V., Shmatko, A.S., Petrovicheva, M.A. (2019) K probleme sovershenstvovaniya metodik otsenki yazykovykh i kognitivnykh narushenii pri shizofrenii [On the Problem of Improving Methods for Assessing Language and Cognitive Impairments in Schizophrenia]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka*, 37, 1096–1101. (In Russian)

Shmukler, A.B., Kostyuk, G.P., Latanov, A.V., Sidorova, M.Yu., Anisimov, V.N., Churikova, M.A. et al. (2020) Setevoi analiz kognitivnykh, glazodvigatel'nykh i rechevykh pokazatelei pri shizofrenii [Network Analysis of Cognitive, Oculomotor and Speech Indicators in Schizophrenia]. *Zhurnal nevrologii i psikiatrii im. S.S. Korsakova*, 120 (6), 2, 54–60. (In Russian)

Shor, R.O. (1991/1937) Sintaksis [Syntax]. In: *Literaturnaya ehntsiklopediya*, 10. Munchen, Otto Sagner, pp. 739–745. (In Russian)

Bock, J.K. (1982) Toward a cognitive psychology of syntax: Information processing contributions to sentence formulation. *Psychological Review*, 89(1), 1–47.

Bruner, J.S. (1957) On Perceptual Readiness. *Psychological Review*, 2, 123–152.

Chen, E.Y.H., Wilkins, A.J., McKenna, P.J. (1994) Semantic memory is both impaired and anomalous in schizophrenia. *Psychological Medicine*, 24, 193–202.

Condray, R., Steinhauer, S.R., van Kammen, D.P., Kasperek, A. (2002) The Language System in Schizophrenia: Effects of Capacity and Linguistic Structure. *Schizophrenia Bulletin*, 28 (3), 475–490.

Crystal, D. (2003) Final frontiers in applied linguistics? In: S. Sarangi & T. van Leeuwen (Eds.). *Applied Linguistics and Communities of Practice: BAAL*, 18, 9–24. London, Bloomsbury Academic. <http://dx.doi.org/10.5040/9781474211765.ch-002>.

Fineberg, S., Deutsch-Link, S., Ichinose, M., McGuinness, T., Bessette, A., Chung, C., & Corlett, P. (2015). Word use in first-person accounts of schizophrenia. *British Journal of Psychiatry*, 206(1), 32–38. doi:10.1192/bjp.bp.113.140046.

Gentner, D. (1981) Some interesting differences between verbs and nouns. *Cognition and Brain Theory*, 4 (2), 161–178.

Gentner, D. (1982) *Why nouns are learned before verbs: Linguistic relativity versus natural partitioning (Center for the Study of Reading, Technical Report No. 257)*. Urbana, IL, University of Illinois.

Gentner, D. (2006) Why verbs are hard to learn. In: K. Hirsh-Pasek, R. Golinkoff, (Eds.) *Action meets word: How children learn verbs*. Oxford University Press, pp. 544–564.

Gentner, D., Boroditsky, L. (2009) Early acquisition of nouns and verbs: Evidence from Navajo. In: V. Gathercole (Ed.). *Routes to Language: Studies in honor of Melissa Bowerman*. Taylor & Francis, New York, NY, pp. 5–36. (In English)

Greene, M.R., & Oliva, A. (2009). Recognition of natural scenes from global properties: Seeing the forest without representing the trees. *Cognitive Psychology*, 58, 137–179. (In English)

Gurd, J.M., Elvevag, B., Cortina-Borja, M. (1997) Semantic category word search impairment in schizophrenia. *Cogn. Neuropsychiatry*, Nov 1; 2 (4), 291–302. doi: 10.1080/135468097396298.

Henderson, J.M., Hollingworth, A. (1999). High-Level Scene Perception. *Annual Review of Psychology*, 50, 243–271. (In English)

Intraub, H. (2007). Scene perception: The world through a window. In: Peterson, M.A., Gillam, B., Sedgwick, H.A. (Eds). *In The Mind's Eye: Julian Hochberg on the Perception of Pictures, Films, and the World*, pp. 454–466. NY, Oxford University Press.

Kéri, S., Szekeres, G., Szendi, I., Antal, A., Kovács, Z., Janka, Z., Benedek, G. (1999) Category learning and perceptual categorization in schizophrenia. *Schizophr. Bull.* 25 (3), 593–600. doi: 10.1093/oxfordjournals.schbul.a033403. PMID: 10478791. (In English)

Levelt, W. M. J.: “Speaking: From Intention to Articulation”, MIT Press, Cambridge, MA (1989).

Levelt, W. M. J.: “Speaking: From Intention to Articulation”, MIT Press, Cambridge, MA (1989).

Levelt, W.M.J. (1989) *Speaking: from intention to articulation*. MIT Press, Cambridge MA.

Malaspina, D., Simon, N., Goetz, R.R., Corcoran, Ch. et al. (2004) The reliability and clinical correlates of figure-ground perception in schizophrenia. *J Neuropsychiatry Clin Neurosci.* Summer; 16 (3), 277–83. doi: 10.1176/jnp.16.3.277. PMID: 15377734.

Moelter, S.T., Hill, S.K., Hughett, P., Gur, R.C., Gur, R.E., Ragland, J.D. (2005) Organization of semantic category exemplars in schizophrenia. *Schizophr. Res.* Oct. 15; 78 (2–3), 209–17. doi: 10.1016/j.schres.2005.06.011. PMID: 16002266; PMCID: PMC4337816.

Navon, D. (1977) Forest before Trees: The precedence of global features in visual perception. *Cognitive Psychology*, 353–383.

Oliva, A., & Torralba, A. (2007). The role of context in object recognition. *Trends in Cognitive Science.* 11 (12), 520–527.

Osgood, C.E., Bock, J.K. (1977) Salience and sentencng: Some production principles. In: S. Rosenberg (Ed.) *Sentence production; Developments in research and theory*. Hillsdale, N.J., Erlbaum.

Potter, M.C. (1999) Understanding sentences and scenes: the role of conceptual shortterm memory. In: Veronika Coltheart (Ed.) *Feeting memories: Cognition of Brief Visual Stimulus*, pp. 13–46, MIT press.

Slobin, D.I. (1979) *Psycholinguistics* (2nd ed.). Glenview, 111.: Scott, Foresman.

Trémeau, F. (2006). A review of emotion deficits in schizophrenia. *Dialogues Clin. Neurosci.* 8, 59–70. Available from: <http://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC3181757>.

© Sidorova M.Yu., 2022

Article history:

Received: 27.02.2022

Accepted: 22.03.2022

Bionotes:

Marina Yu. Sidorova – Doctor of Philology, professor, Department of the Russian Language, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University

Contact information:

I Humanities, MSU, Leninskie Gory, Moscow, 119991

ORCID: 0000-0002-0071-3073

email: sidorovadoma@mail.ru

For citation:

Sidorova M.Yu. (2022) Psychiatric linguistics and syntactic theory. *Journal of Psycholinguistics.* 1(51), pp. 92–111. Available from: doi: 10.30982/2077-5911-2022-51-1-92-111 (In Russian)

УДК 81.373

ББК 81

DOI 10.30982/2077-5911-2022-51-1-112-121

Научная статья

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЕ И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ОПИСАНИЕ ЯЗЫКОВОГО ЗНАЧЕНИЯ¹

Стернин Иосиф Абрамович

Центр коммуникативных исследований

Воронежского государственного университета, Воронеж, Россия

Аннотация

В статье рассматривается проблема сопоставления значений толковых словарей и значений, полученных в результате экспериментального описания семантики слова. Цель статьи – показать возможность уточнения словарных дефиниций толковых словарей через обращение к результатам психолингвистических экспериментов со словом. Показано, что экспериментальные методы описания семантики слова позволяют внести актуальные коррективы в дефиниции толковых словарей, позволяя актуализировать их и выявить новые и устаревающие значения, определить яркость представленности значений в языковом сознании носителей языка.

Ключевые слова: лексикография, семантика, психолингвистика, толковый словарь, словарь языкового сознания

Введение

Теория живого слова А.А. Залевской, являющаяся центральной частью ее теоретического наследия, исходит из того, что слово обеспечивает доступ к многообразным продуктам переработки опыта адаптации индивида к естественному и социальному окружению, к той ситуации, в которой индивид находится, функционирует и развивается. А.А. Залевской была обоснована аналогия роли слова с использованием лазерного луча при считывании голограммы, поскольку благодаря слову в единой информационной базе человека актуализируются хранящиеся в памяти многообразные продукты перцептивной, когнитивной и эмоционально-оценочной переработки опыта познания и общения. Подобный подход показывает специфику языкового сознания носителя языка – слово оказывается в полной зависимости от ситуации и условий своего функционирования в языковом сознании человека в определенной общественной ситуации, в определенный социально-исторический период.

Отражение значений слов в толковых словарях отличается от значений слов в актуальном языковом сознании. Обращение практически к любому слову в толковом словаре показывает, что его описание в словаре отличается, и часто весьма существенно, от значения слова в современном языке, от его современного употребления. Это относится как к количеству и набору значений, так и к полноте описания компонентов значения. Совершенно ясно, что в большинстве случаев семантика слова в имеющихся

^{1v} Исследование выполнено в рамках гранта РФФИ № 20-012-00013 «Дифференциальное описание семантики слова в русском языковом сознании и проблема его лексикографической фиксации».

толковых словарях представлена неполно с точки зрения современного состояния языка. Это результат редукционизма, неизбежного при описании значения слова в толковом словаре, обусловленного ограниченностью объема словаря, а также быстрым устареванием описания значений в словарях и ускорением появления новых значений в современном языке.

Описание слов в толковых словарях требует обновления и актуализации. Одним из важнейших приемов «обновления» семантики слова в словарях является методика психолингвистического эксперимента, которая позволяет определить семантическое содержание слова в «обыденном» языковом сознании, то есть на современном этапе развития языка.

Мы определяем дефиниции в классических толковых словарях как *лексикографические значения*.

В рамках проекта «Значение как феномен языкового сознания», реализуемого в Воронежском университете с начала нулевых годов (обоснование концепции проекта развернуто изложено в монографии [Стернин, Рудакова 2011]), мы описываем *психолингвистическое значение* слова. Психолингвистическое значение слова – это *упорядоченное единство всех семантических компонентов, которые реально связаны с данной звуковой оболочкой в сознании носителей языка. Это тот объем семантических компонентов, который актуализирует изолированно взятое слово в сознании носителей языка, в единстве всех образующих его семантических компонентов – более и менее ярких, ядерных и периферийных*.

Психолингвистическое значение обычно шире и объемней, нежели его лексикографический коррелят (который, как правило, целиком входит в психолингвистическое значение, хотя его компоненты могут занимать в психолингвистическом значении разное место по яркости).

Психолингвистическое значение структурировано по полевому принципу, а образующие его компоненты образуют иерархию по яркости. Итогом описания психолингвистических значений является психолингвистический толковый словарь. Подчеркнем, что психолингвистический толковый словарь не является словарем нормативного типа, это словарь справочного типа.

Психолингвистический толковый словарь

Психолингвистический толковый словарь может быть использован для корректировки дефиниций и состава значений в традиционных толковых словарях, для объяснения правильного современного словоупотребления, для анализа семантики слова в тексте, выявления скрытого смысла текста, определения оценочности словоупотребления, для анализа словоупотребления в лингвокриминалистике, для анализа текстов рекламы и др.

Приведем вариант психолингвистического описания слова². Основой описания ПЛЗ явилось ассоциативное поле стимула ДОМ из словаря ЕВРАС [Уфимцева и др. 2018].

² Описание выполняется по методике [Стернин, Рудакова 2011]. В словарной статье в форме десятичной дроби приводится индекс яркости каждого семантического компонента (процент ии, актуализировавших данную сему в эксперименте) и совокупный индекс яркости значения (СИЯ) – совокупная яркость всех семантических компонентов значения.

ДОМ
ЕВРАС

Ассоциативное поле

537 ии

ДОМ: родной 61; семья 43; уют 25; большой 23; крепость, мой 20; очаг 18; тепло 17; квартира 12; мама 9; крыша 8; здание, родители, спокойствие, теплый 7; 2, красивый, милый, старый, уютный 6; деревня, жилье, кирпичный, Родина 5; два, жилище, родина 4; защита, кирпич, любовь, надежность, отдых, радость, родные, свой, спать, у моря, хата, частный 3; белый, в лесу, дача, дерево, дом, камин, который построил Джек, милый дом, на даче, отчий, труба, у озера, убежище, хорошо 2; 2 фу!!!, 20, 31, 6, dos haus, N 2, N 3, Армения / Россия, банда, Борвихи, быт, быта, в деревне, вилла, власть, Воркута, встреча, высотный, горит, город, далеко, дверь, девушка, деньги, деревянный, детский, детство, Джек, дорога, дым, еда, Ефремов, желтый, жечь, жилой, жить, за городом, за границей, за углом, забота, зеленый, и слон, изба, каменный, квадрат+треугольник, книги, ковер, ком, комната, коттедж, кошка, красный, крепкий, крутой, лом, любви, любимый, мама, пирожки, мать, мебель, место, место жительства, милосердие, мир, мод, мое, моего отца, мор, мост, музей, на берегу реки, напротив, новый, огород, огромный, окно, отечество, отчет, пиво, писателя, покинутый, покой, помещение, построен, построить, постройка, президента, природа, просторный, пугает, пустой, пшеница, работа, район, рисунок, родное, родня, родственники, Рязань, светлый, слом, собаки, собственный, солома, стол, стрела, строение, строительство, строится, счастье, темнота, тихий, ткани, у меня, ужасов, улица, улица, фонарь, хижина, хозяин, хороший, частный деревня, ЧП, чужой, Энгельс, этаж, я 1; 537 ии, 1 отказ

Психолингвистическое значение лексемы ДОМ

ДОМ

1. Большое частное кирпичное здание

Большое 0,04 (большой 0,04), кирпичное 0,02 (кирпичный 0,01, кирпич 0,01); здание 0,01; частное 0,06 (мой 0,04, частный 0,01, свой 0,01), с крышей (крыша 0,01); в деревне (деревня 0,01), у моря 0,01; теплый 0,01, красивый 0,01, старый 0,01; надежный 0,01; надежность 3 (0,01).

То же, что: хата 0,01

Меньше 0,01: (т.е. с частотой 2 и 1) дача, дерево, белый, в лесу, камин, на даче, труба, у озера, в деревне, вилла, высотный, дверь, деревянный, желтый, жечь, за городом, за границей, зеленый, каменный, квадрат+треугольник, коттедж, красный, крепкий, крутой, на берегу реки, огород, огромный, окно, просторный, пустой, светлый, строение, тихий, фонарь, хороший, частный, деревня, этаж, изба, хижина.

СИЯ – 0,29

Он купил себе дом на берегу реки.

2. Семья, родные люди, создающие уют, тепло

Семья 0,12 (семья 0,08, мама 0,02, родители 0,01, родные 0,01); родной 0,11; (создает) уют 0,05, тепло 0,04 (тепло 0,03, теплый 0,01), спокойствие 0,01; защиту 0,01; (дает) любовь 0,01, радость 0,01, отдых 0,01

То же, что: (семейный) очаг 0,03

Меньше 0,01: быт, быта, еда, забота, любимый, мама, пирожки, мать, покой, родное, родня, родственники, счастье

СИЯ – 0,43

Для женщины главное в жизни – ее дом.

3. Личная квартира, жилье

Квартира 0,02, жилье 0,01; личное 0,05 (*свой 0,01, мой 0,04*), *теплое* 7 (0,01); уютное 6 (0,01);

То же, что: хата 0,01, *жилище 0,01*

Меньше 0,01: жилой, книги, ковер, комната, мебель, место, место жительства, мое, помещение, собственный, стол, у меня, убежище

СИЯ – 0,14

Сегодня я дома, на работу не иду.

4. Учреждение, обслуживающее какие-либо общественные нужды

(Учреждение), например – меньше 0,01: детский, милосердие, мод, музей, ткани, ужасов

СИЯ 0,02

Дом мебели. Дом престарелых.

5. Родная страна

(Родная страна)

То же, что: Родина 0,01

Менее 0,01: отечество, Армения / Россия

СИЯ – 0,01

Россия – наш дом.

6. Царствующий род, династия

Меньше 0,01: власть.

СИЯ: менее 0,01.

Дом Романовых.

7. Место рождения, проведения детства

(Место рождения)

То же, что: родина 0,01, детство – менее 0,01,

СИЯ – 0,01

Деревня Боровое – мой родной дом.

8. Окружение

(Окружение), например, менее 0,01: природа, мир

СИЯ – менее 0,01

Природа – наш дом. Наша планета – наш дом.

Фразы: *крепость 20*, Дом два 6, милый 6, который построил Джек 2, отчий 1

(*Менее 0,01*): горит, милый дом, отчий, два-фу!, далеко, жить, моего отца, построить, пугает, работа, строится, писателя, президента, *покинутый, построен, постройка, слом, строительство, напротив, за углом, новый, чужой*, хозяин, N2, N3, любви.

Не интерпретируется: Ефремов, дом, дорога, Энгельс, спать, хорошо, *das house*, банда, Барвихи, Воркута, встреча, город, девушка, деньги, дым, и слон, ком, кошка, лом, мор, отчет, пиво, природа, пшеница, район, рисунок, Рязань, собаки, солома, стрела, темнота, улица, ЧП, *мост*, я.

Не актуально: (отказы) – 1

Сопоставим психолингвистические значения с лексикографическими значениями слова ДОМ из последнего издания Словаря русского языка С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой [2020]:

ДОМ

Соотнесенность лексикографических и психолингвистических значений

Лексикографические значения (словарь С. Ожегова, Н. Шведовой)	Психолингвистические значения (ЕВРАС, 537 ии)
<p>1. Здание</p> <p><i>Дом – новостройка. Каменный дом.</i></p>	<p>1. Большое частное кирпичное здание</p> <p>Большое 0,04 (большой 0,04), <i>кирпичное</i> 0,02 (<i>кирпичный</i> 0,01, <i>кирпич</i> 0,01); <i>здание</i> 0,01; <i>частное</i> 0,06 (мой 0,04, <i>частный</i> 0,01, <i>свой</i> 0,01), <i>с крышей</i> (крыша 0,01); в деревне (деревня 0,01), <i>у моря</i> 0,01; <i>теплый</i> 0,01, <i>красивый</i> 0,01, <i>старый</i> 0,01; <i>надежный</i> 0,01 (<i>надежность</i> 3 (0,01)</p> <p><i>Меньше 0,01: (т.е. с частотой 2 и 1) дача, дерево, белый, в лесу, камин, на даче, труба, у озера, в деревне, вилла, высотный, дверь, деревянный, желтый, жессть, за городом, за границей, зеленый, каменный, квадрат+треугольник, коттедж, красный, крепкий, крутой, , на берегу реки, огород, огромный, окно, просторный, пустой, светлый, строение, тихий, фонарь, хороший, частный, деревня, этаж, изба, хижина.</i></p> <p><i>То же, что: хата 0,01</i></p> <p>СИЯ – 0,29 <i>Он купил себе дом на берегу реки.</i></p>
<p>2. Жилье, место жительства</p> <p><i>Дойти до дому. Выйти из дома. Вышел из дома. Сбежал из дома.</i></p>	<p>2. Личная квартира, жилье</p> <p>Квартира 0,02, <i>жилье</i> 0,01; <i>личное</i> 0,05 (<i>свой</i> 0,01, <i>мой</i> 0,04), <i>теплое</i> 7 (0,01); <i>уютное</i> 6 (0,01); <i>То же, что: хата 0,01, жилище 0,01</i></p> <p><i>Меньше 0,01: жилой, книги, ковер, комната, мебель, место, место жительства, мое, помещение, собственный, стол, у меня, убежище</i></p> <p>СИЯ – 0,14 <i>Сегодня я дома, на работу не иду.</i></p>
<p>3. Семья</p> <p><i>Принять в доме кого-н. Мы знакомы домами (наши семьи часто бывают друг у друга).</i></p>	<p>3. Семья, родные люди, создающие уют, тепло</p> <p>Семья 0,12 (семья 0,08, <i>мама</i> 0,02, <i>родители</i> 0,01, <i>родные</i> 0,01); <i>родной</i> 0,11; (<i>создает</i>) <i>уют</i> 0,05, <i>тепло</i> 0,04 (<i>тепло</i> 0,03, <i>теплый</i> 0,01), <i>спокойствие</i> 0,01; <i>защиту</i> 0,01; (<i>дает</i>) <i>любовь</i> 0,01, <i>радость</i> 0,01, <i>отдых</i> 0,01 <i>То же, что: (семейный) очаг 0,03</i></p> <p><i>Меньше 0,01: быт, быта, еда, забота, любимый, мама, пирожки, мать, покой, родное, родня, родственники, счастье</i></p> <p>СИЯ – 0,43 <i>Для женщины главное в жизни – ее дом.</i></p>

<p>4. Домашнее хозяйство <i>Хлопотать по дому</i> <i>У матери на руках весь дом</i></p>	<p>—</p>
<p>5. Место, где живут люди, объединенные общими интересами, условиями существования. <i>Родина – наш общий дом.</i> <i>Наша фирма – наш дом..</i></p>	<p>—</p>
<p>6. Учреждение, заведение, обслуживающее какие-либо общественные нужды <i>Дом отдыха. Дом ученых. Дом моделей.</i></p>	<p>4. Учреждение, обслуживающее какие-либо общественные нужды Меньше 0,01: детский, милосердие, мод, музей, ужасов СИЯ – 0,02 <i>Дом престарелых.</i></p>
<p>7. Фирма. Торговый дом <i>(название некоторых торговых фирм)</i></p>	<p>—</p>
<p>8. Торговое предприятие <i>Дом мебели. Дом обуви. Дом торговли (названия больших магазинов)</i></p>	<p>4. Торговое предприятие Ткани – менее 0,01 СИЯ – менее 0,01 <i>Дом мебели</i></p>
<p>—</p>	<p>5. Родная страна <i>(Родная страна)</i> <i>То же, что: Родина 0,01</i> Менее 0,01: отечество, Армения / Россия СИЯ – 0,01 <i>Россия – наш дом.</i></p>
<p>9. Династия, род <i>Царствующий дом.</i> <i>Дом Романовых.</i></p>	<p>6. Царствующий род, династия Меньше 0,01: власть. СИЯ – менее 0,01. <i>Дом Романовых.</i></p>

–	<p>7. Место рождения, проведения детства</p> <p><i>(Место рождения)</i> То же, что: родина 0,01, детство – менее 0,01</p> <p>СИЯ – 0,01 <i>Деревня Боровое – мой родной дом.</i></p>
–	<p>8. Окружение</p> <p>Менее 0,01: природа, мир</p> <p>СИЯ – менее 0,01 <i>Природа – наш дом. Наша планета – наш дом.</i></p>
	<p><i>Фразы: крепость 20, Дом два 6, милый 7, который построил Джек 2, отчий 1</i></p> <p>Менее 0,01 – горит, два-фу!, далеко, жить, моего отца, построить, пугает, работа, строится, писателя, президента, покинутый, построен, постройка, слом, строительство, напротив, за углом, новый, чужой, хозяин, N2, N3, любви.</p> <p><i>Не интерпретировано: Ефремов, дом, дорога, Энгельс, спать, хорошо, das house, банда, Барвихи, Воркута, встреча, город, девушка, деньги, детство, дым, и слон, ком, кошка, лом, мор, отчет, пиво, природа, пшеница, район, рисунок, Рязань, собаки, солома, стрела, темнота, улица, ЧП, мост, я.</i></p> <p>Не актуально: (отказы) – 1</p>

Как следует из таблицы, отдельные лексикографические значения могут быть подвергнуты корректировке по результатам сопоставления с психолингвистическими значениями.

Значения, требующие семантической корректировки в лексеме ДОМ

1. Здание. Часто – о большом, кирпичном, частном доме.

Дом – новостройка. Каменный дом. У них дом в деревне. Они купили дом у моря. На берегу реки стоял большой красивый дом.

2. Личное жилье, место жительства. Часто – о личной, теплой уютной квартире.

Сегодня я дома, на работу не иду. Выйти из дома. Я еще не успел дойти до дома, как мне позвонили с работы. Сбежал из дома. Я люблю свой дом. Мой дом – моя крепость.

3. Семья. Часто употреб. – о родных людях, с кем тепло и уютно

Принять в доме кого-н. Мы знакомы домами (наши семьи часто бывают друг у друга). Для женщины главное в жизни – ее дом. Для меня главное – мой дом.

Значения, не требующие семантической коррекции, но демонстрирующие более разнообразные примеры употребления

1. Учреждение, обслуживающее общественные нужды

Дом отдыха. Дом ученых. Дом моделей. Детский дом. Дом милосердия. Дом мод. Дом-музей. Дом ужасов.

2. Совпадающие значения, не требующие корректировки

Царствующий род, династия

Менее 0,01

Царствующий дом. Дом Романовых.

3. Торговое предприятие.

Менее 0,01

Дом мебели. Дом обуви. Дом торговли. Дом ткани.

*Не актуальные для современного языкового сознания значения
(не зафиксированные в эксперименте)*

1. **Домашнее хозяйство.** *Хлопотать по дому. У матери на руках весь дом.*
2. **Место, где живут люди, объединенные общими интересами, условиями существования.** *Родина – наш общий дом. Наша фирма – наш дом.*
3. **Фирма. Торговый дом (название некоторых торговых фирм)**
Эти значения могут быть приведены с пометой – выходит из употребления.

Не зафиксированные в толковом словаре, но выявленные в эксперименте значения

1. **Родная страна. 0,01** *Россия – наш дом.*
2. **Место рождения, проведения детства. 0,01** *Деревня Боровое – мой родной дом.*
3. **Окружение. Менее 0,01** *Природа – наш дом. Наша планета – наш дом.*

Кроме того, эксперимент позволяет выделить наиболее известные языковому сознанию прецедентные тексты, актуализируемые словами: *крепость 20, милый 7, Дом два б, который построил Джек 2, отчий 1.*

Эксперимент также дает возможность выявить актуальную сочетаемость слова в современном языковом сознании, ее можно указать в словарной статье, если примеры имеют достаточную частотность в ответах испытуемых. В эксперименте со словом ДОМ подобной яркой сочетаемости не зафиксировано, яркость реакций сочетаемости – менее 0,01; например, *новый, чужой, построен, построить, строится, напротив, за углом, писателя, президента, моего отца, далеко* и др.

Выводы

Таким образом, дефиниции толковых словарей могут быть скорректированы сопоставлением с результатами психолингвистического описания значений. Экспериментальные методы позволяют оптимизировать семантическое описание лексики и приблизить его к реалиям современного языкового сознания.

Традиционные толковые словари остаются как отражение лексической системы языка, словари актуального языкового сознания дают дополнительную и актуальную информацию о значении и употреблении слова в современном языковом сознании носителей языка.

© Стернин И.А., 2022

Литература

Стернин И.А., Рудакова А.В. Психолингвистическое значение слова и его описание. Теоретические проблемы. LAP Lambert Academic Publishing: Saarbrücken, 2011. С. 19–21.

Черкасова Г.А., Уфимцева Н.В. Русский региональный ассоциативный словарь-тезаурус ЕВРАС. Том 1. От стимула к реакции. МОСКВА, 2018.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 25.11.2021

Дата принятия к печати: 20.01.2022

Сведения об авторе:

Стернин Иосиф Абрамович – доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ; Директор Центра коммуникативных исследований Воронежского государственного университета, профессор кафедры общего языкознания и стилистики Воронежского государственного университета

Контактная информация:

394018 г. Воронеж, пл. Ленина, 10, корпус ВГУ № 2

e-mail: sterninia@mail.ru

Для цитирования:

Стернин И.А. Лексикографическое и экспериментальное описание языкового значения // Вопросы психолингвистики №1(51) 2022, С.112–121. doi: 10.30982/2077-5911-2022-51-1-112-121

UDC 81.373

LBC 81

DOI 10.30982/2077-5911-2022-51-1-112-121

Research article

LEXICOGRAPHIC AND EXPERIMENTAL DESCRIPTION OF LANGUAGE MEANING

Joseph A. Sternin

Center for Communication Research, Voronezh State University,
Voronezh, Russia

Abstract

The article deals with the problem of comparing the meanings of explanatory dictionaries and meanings obtained as a result of the experimental description of the semantics of a word. The purpose of the article is to show the possibility of clarifying the dictionary definitions of explanatory dictionaries by referring to the results of psycholinguistic experiments with the word. It is shown that experimental methods for describing the semantics of a word allow us to make actual corrections in the definitions of explanatory dictionaries, allowing them to

be updated to reveal new and outdated meanings, to determine the level of brightness of the representation of meanings in the language consciousness of native speakers.

Keywords: lexicography, semantics, psycholinguistics, explanatory

References

Sternin, I.A., Rudakova, A.V. (2011) *Psikholingvisticheskoe znachenie slova i ego opisaniye. Teoreticheskie problemy* [Psycholinguistic meaning of the word and its description. Theoretical problems]. LAP Lambert Academic Publishing, Saarbrücken, pp. 19–21. (in Russian)

Cherkasova, G.A., Ufimceva, N.V. (2018) *Russkij regional'nyj associativnyj slovar'-tezaurus EVRAS. Tom 1. Ot stimula k reakcii* [Russian regional associative dictionary-thesaurus EVRAS. Volume 1. From Stimulus to Response]. MOSKVA Publ. (in Russian)

Bionotes:

Joseph A. Sternin – Doctor of Philology, professor, Director of VGU Communication Research Center, professor of Linguistics and Stylistics Department, Voronezh State University

Contact information:

VGU, b.2, pl. Lenina, 10, Voronezh 394018

e-mail: sterninia@mail.ru

For citation:

Joseph A. Sternin. Lexicographic and experimental description of language meaning. *Journal of Psycholinguistics*. 1(51), pp. 112-121. Available from: doi: 10.30982/2077-5911-2022-51-1-112-121 (In Russian)

УДК 81.23

ББК 81

DOI 10.30982/2077-5911-2022-51-1-122-136

Научная статья

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВЕРБАЛЬНОГО ОВНЕШНЕНИЯ ИДЕОЛОГИИ «СОЦИАЛИЗМА С КИТАЙСКОЙ СПЕЦИФИКОЙ»

Хабаров Артем Александрович

Военный университет имени князя Александра Невского
Министерства обороны Российской Федерации, Москва, Россия

Цзя Шуюэ

Институт языкознания РАН, Москва, Россия

Аннотация

Статья посвящена исследованию когнитивного потенциала идеологически маркированных единиц китайского медиадискурса, которые отображают концептуальную картину мира социально активных групп современного китайского общества. Экспериментальная часть исследования представлена результатами свободного ассоциативного эксперимента с носителями китайского языка в возрасте от 18 до 25 лет. Главная цель эксперимента состоит в выявлении этнокультурной специфики языкового сознания испытуемых в условиях информационно-психологического противоборства в глобальном медиапространстве. Эмпирическим материалом исследования послужили вербальные формы репрезентации базовых ценностей национальной культуры, имеющие прецедентный характер употребления в китайских массмедиа. В результате лингвистического анализа были выявлены коннотативные компоненты значения выбранных единиц медиадискурса, эксплицирующих идеологию строительства «социализма с китайской спецификой» в новую эпоху.

Ключевые слова: языковое сознание, вербальный маркер, ассоциативный эксперимент, идеология, ценности, социализм с китайской спецификой

Введение

Парадигма конструирования «транскультурной личности» в условиях глобализации предполагает стирание межнациональных границ, редукцию государственного суверенитета, размывание культурных стереотипов и изменение традиционного уклада жизни. Происходящее на этом фоне формирование биоцифрового человека будущего опирается на новые транснациональные ценности на основе универсальных для большинства поведенческих правил и идеологических установок. Сегодня в ряде государств мира наблюдается тенденция индоктринации социально активных демографических групп населения на базе адаптированных норм и ценностей, которые рассматриваются как социокультурные маркеры идентификации граждан своей страны. Политическая значимость подобных идеологических кампаний наглядно проявляется в тех государствах, народонаселение которых исторически приобщено к ценностям коллективизма и социальной гармонии.

Китайская Народная Республика, являясь самым большим по численности населения государством на планете, демонстрирует всему миру важность идеологической сплоченности нации для консолидированного ответа на вызовы и угрозы настоящего времени. Концептуальные основы жизнедеятельности китайского народа сформулиро-

ваны в доктрине строительства «социализма с китайской спецификой в новую эпоху», дипломатии «великой державы с китайской спецификой», в инициативе «Один пояс – один путь», концепциях «китайской мечты», сообщества «единой судьбы человечества» и других программных документах Коммунистической партии Китая [学习强国 2022]. Стабильное развитие китайской экономики, науки и техники, гармония в социальной и культурной сферах жизни в течение последних десятилетий подчеркивают цивилизационное значение концептуально-понятийной основы, которая заложена в самосознании китайцев. Нормы морали и нравственности, базовые ценности развития китайского общества зиждутся на основе конфуцианства и даосизма, нормативных принципах ряда других философских учений и конфессий, прочно цементируясь идеями строительства социалистического государства.

Целью нашего исследования является выявление этнокультурных особенностей вербального овнешнения социально активными слоями китайского общества ценностей социалистического государства в контексте информационно-психологического воздействия в глобальном медиaprостранстве. В круг наших задач также входит исследование системности образа мира и выявление специфики коллективного языкового сознания респондентов – носителей китайского языка молодого поколения.

В качестве *гипотезы* исследования мы выдвигаем тезис о том, что представленные в качестве слов-стимулов идеологически маркированные единицы медиадискурса вызывают вербальные реакции, связанные с официальной идеологией (строительства социалистического государства) в контексте морально-нравственных норм традиционной философии. *Актуальность* работы обусловлена необходимостью изучения процессов трансформации официальной идеологии стереотипов, формируемых в массовом сознании.

В работе мы применяем *методы* семантико-структурного и прагматического анализа текста, статистические методы анализа данных. Эмпирический материал собран с помощью методики свободного ассоциативного эксперимента. Список слов-стимулов сформирован с учетом контента массмедиа и социальных сетей, где наблюдается комплексное воздействие на китайское общество факторов как позитивной, так и деструктивной идеологии.

Методологической основой исследования является теория речевой деятельности (А.А. Леонтьев, Е.Ф. Тарасов), представления о структуре языкового сознания (Е.И. Горюшко, И.А. Стернин, Т.Н. Ушакова), об этнокультурной специфике языкового сознания (И.А. Зимняя, Ю.А. Сорокин, Н.В. Уфимцева) и языковой личности (Ю.Н. Караулов). В нашей работе мы развиваем представления Московской школы психолингвистики о том, что национально-культурная специфика этноса основывается на присущем ему системном восприятии окружающего мира, которое обусловлено процессами практической деятельности по познанию среды обитания, опыте предыдущих поколений, подкрепляется традициями и системой ценностей. Подчеркнем, что краеугольным понятием нашего исследования является «языковое сознание». Вслед за Е.Ф. Тарасовым мы понимаем языковое сознание как «совокупность образов сознания, формируемых и овнешняемых при помощи языковых средств – слов, свободных и устойчивых словосочетаний, предложений, текстов, ассоциативных полей» [Тарасов 2000: 26].

Ассоциативный эксперимент используется как объективный инструмент «проникновения во внутренний контекст многостороннего (перцептивного, когнитивного, аффективного, вербального, индивидуального и социального) опыта индивида, который

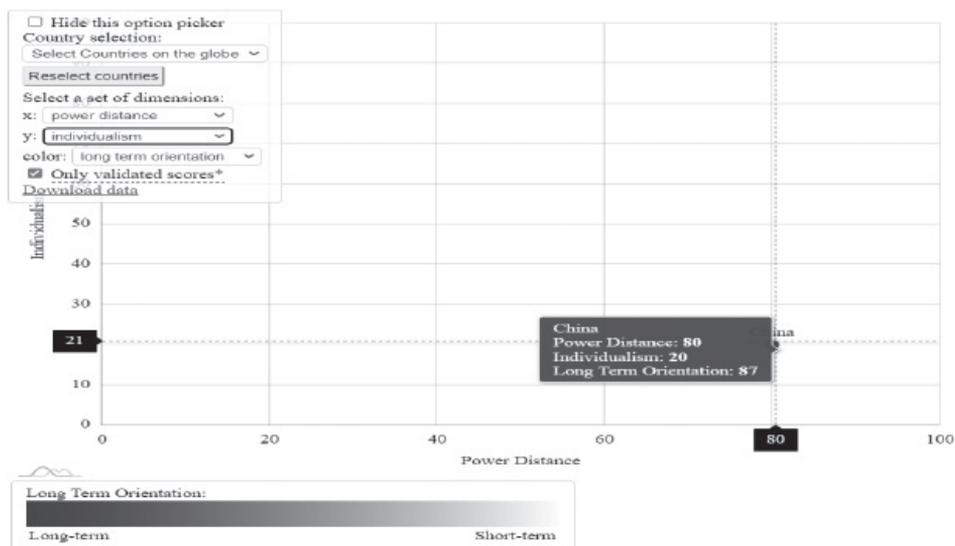
предъявляется исследователю в виде реакций в ходе проведения эксперимента» [Залевская 1999: 106–107]. Анализ ассоциативных полей слов-стимулов осуществляется с использованием метода семантического гештальта [Караулов 2000] и с учетом ранжирования по ядерным и периферийным областям [Горошко 2001]. При систематизации эмпирических материалов мы исходим из утверждения Н.В. Уфимцевой о том, что ассоциативное поле слова-стимула – это не только «фрагмент вербальной памяти человека, но и фрагмент образа мира того или иного этноса, отраженного в сознании «среднего» носителя той или иной культуры, его мотивов, оценок и, следовательно, его культурных стереотипов» [Уфимцева 1996: 140]. Мы полагаем, что в ассоциативных реакциях проецируются «объективно существующие в сознании испытуемых и в языке связи между словами» [Леонтьев 1992: 21], а их частотность будет иллюстрировать основное значение лексемы. Иными словами, ассоциативное поле позволяет не только выявить этнокультурную специфику и стереотипы языкового сознания, но и динамику его преобразований, спрогнозировать тенденции дальнейших трансформаций.

Дискуссия

В языковом сознании представителей современной китайской культуры отражаются этнокультурные, исторические, политические, социальные, экономические и другие факторы генезиса этой восточной цивилизации. Языковая картина мира представителей современного китайского общества отражает ценности, идеи и взгляды, которые формируются в процессе индоктринации ресурсами официальной пропаганды, а также внутренними и внешними субъектами информационно-психологического воздействия.

В соответствии с типологией культурных измерений Г. Хофстеде среди важнейших характеристик китайской культуры можно выделить *коллективизм, избегание неопределенности и рисков, большую дистанцированность власти* [Hofstede 2021]. Фрагмент карты измерений китайской культуры по методологии Г. Хофстеде показан на Рис. 1.

Рис. 1. Классификационная характеристика китайской культуры

Выбор слов-стимулов для ассоциативного эксперимента осуществлялся с учетом

представленности в китайском медиадискурсе концептуального поля ключевых тематических слотов: базовые ценности социализма, прецедентные единицы официального дискурса партийно-политического руководства КНР, традиционные философские представления о морали, нравственности и устройстве жизни [社会主义..., 2022]. Эмпирический материал был отобран с опорой на материалы лингвостатистических исследований [中国关键词 2022], которые позволяют осуществлять мониторинг и параметризацию контента во внутрикитайском пространстве массмедиа и социальных сетей.

В ходе практического этапа исследования нами было организовано проведение свободного ассоциативного эксперимента. Словами-стимулами выступили вербальные маркеры идеологической направленности, представленные частотными единицами медиадискурса китайских СМИ и сегмента сети Интернет. В эксперименте приняли участие 145 китайских студентов педагогических вузов КНР, для которых китайский язык является родным языком. Гендерное соотношение испытуемых – 69 мужчин и 76 женщин, период проведения анкетирования респондентов – ноябрь 2021 г. Список слов-стимулов состоял из 15 лексических единиц, распределенных по трем предметно-тематическим группам:

1. Политические термины и понятия, входящие в теоретические положения доминирующей в обществе идеологической концепции строительства социализма с китайской спецификой под руководством Си Цзиньпина в новую историческую эпоху: «Новая эпоха» (新时代); «Один пояс – один путь» (一带一路); «Общество средней зажиточности» (小康社会); «Сообщество единой судьбы человечества» (人类命运共同体); «Одна страна – две системы» (一国两制).

2. Базовые ценности и представления о морали, духовности и нравственности: демократия, народовластие (民主); равноправие, равенство (平等); богатство и могущество, мощь (государства) (富强); законность, верховенство права (法治); патриотизм, любовь к Родине (爱国); честность, добросовестность (诚信).

3. Геополитонимы, отражающие актуальные явления и процессы внутренней и внешней политики КНР: Тайвань (台湾), Гонконг (Сянган) (香港), Соединенные Штаты Америки (美国); Россия (俄罗斯).

Состав списка слов-стимулов регламентировался количественными параметрами функционирования в тематических корпусах текстов, идеологически маркированных коллокаций, раскрывающих национально-культурную специфику языкового сознания носителей китайского языка (общественно-политические реалии, идеологические мифы и стереотипы). Как отмечает по этому поводу Хуан Тяньдэ, «появление той или иной коллокации может, на первый взгляд, представляться результатом работы семантического механизма координации между словами, но по существу это результат ограничений, накладываемых национальной культурой» [Хуан Тяньдэ 2017: 7–8].

Эксперимент был произведен в электронной форме при помощи глобальной информационной сети. В процессе опроса было заполнено 145 анкет, из них 139 были признаны валидными, процент эффективности составил 95,8%. Статистическая обработка полученных данных осуществлена при помощи компьютерных программ «SPSS» (версия 19) и «Microsoft Excel 2019». Основное внимание было сосредоточено на анализе ассоциативных полей указанных слов-стимулов с точки зрения формирования целостного представления респондентов относительно новой парадигмы развития КНР, заданной после XIX Съезда Коммунистической партии Китая 18 октября 2019 г.

Приведем выдержку из программной речи Председателя КНР Си Цзиньпина, на основе которой нами были определены принципы разграничения слотов предметно-тематического поля эксперимента:

“习近平新时代中国特色社会主义思想是对马克思列宁主义、毛泽东思想、邓小平理论、“三个代表”重要思想、科学发展观的继承和发展，是党和人民实践经验和集体智慧的结晶，<...>是全党全国人民为实现中华民族伟大复兴而奋斗的行动指南” – «Концепция Си Цзиньпина по строительству социализма с китайской спецификой в новую эпоху – это продолжение и развитие идей марксизма-ленинизма, учения Мао Цзэдуна, теории Дэн Сяопина, идей о «трех представителях» (Цзян Цзэминя – прим. авторов) и научной концепции развития (Ху Цзиньтао). Это кристаллизация практического опыта и коллективной мудрости (коммунистической) партии и народа. <...> Это руководство к действию для всей партии и всего народа, которые ведут борьбу за великое возрождение китайской нации» [中国共产党 2022].

Обратим внимание на тот факт, что концепты «народ» (人民) и «(Коммунистическая) партия» (共产党) входят в языковое сознание китайской нации в качестве «нациообразующих концептов» и тем самым наряду со стереотипами и мифами формируют идеологическую парадигму национального самосознания и идентичности [Колмогорова 2021, Хабаров 2021]. Таким образом, мы можем интерпретировать указанные концепты как идеологически маркированные единицы официального дискурса партийно-политического руководства КНР.

Попробуем *частично* проиллюстрировать те ассоциаты, которые отражают опорные концепты официальной идеологии с учетом этнокультурных особенностей восприятия картины мира современным китайским обществом. Отбор указанной категории лексических единиц из общего числа реакций и последующая классификация осуществлены по критерию их значения, а также их контекстуально-прагматического потенциала при функционировании в речи (Таблица № 1).

Таблица № 1

Ранжированный список частотных реакций на заданные слова-стимулы

№	слово-стимул	слово-стимул	слово-реакция	частотные слова-реакции	ядро ассоциативного поля	
	оригинал на китайском языке	перевод на русский язык	оригинал на китайском языке	перевод на русский язык	кол-во реакций	процент от общего кол-ва реакций (139)
1.	新时代	«Новая эпоха»	青年	молодежь	27	19%
			科技	наука и техника	13	9%
			习近平	Си Цзиньпин	4	2%
2.	一带一路	«Один пояс – один путь»	丝绸之路	«Великий шелковый путь»	31	22%
			丝绸	шелк	12	8%

3.	人类命运共同体	«Сообщество единой судьбы человечества»	全球化	глобализация	7	5%
			中国	Китай	6	4%
			共建	совместно создавать	4	2%
4.	一国两制	«Одна страна – две системы»	台湾	Тайвань	23	16%
			香港	Сянган	13	9%
5.	小康社会	«Общество средней зажиточности»	共同富裕	всеобщее процветание	8	5%
			中国	Китай	6	4%
			富强	богатство и мощь	5	3%
6.	法制	законность	社会	общество	39	28%
			公正	справедливость	15	11%
			爱国	патриотизм	6	4%
7.	诚信	честность	友善	дружественность	54	39%
			诚实	правдивость	5	3%
			友爱	дружелюбие	5	3%
8.	民主	демократия	和谐	гармония	25	18%
			文明	цивилизованность, культура	11	8%
			自由	свобода	11	8%
9.	爱国	патриотизм	敬业	преданность делу	53	38%
			守法	законопослушность	6	4%
			中国	Китай	5	3%
10.	平等	равенство	自由	свобода	31	22%
			公正	справедливость	23	17%
			和谐	гармония	19	14%
11.	富强	богатство	民主	демократия	95	68%
			国家	государство	11	8%
			中国	Китай	3	2%

12.	台湾	Тайвань	中国	Китай	39	28%
			回归	вернуть, возвратить	21	15%
			收复	забрать, освободить (от врага)	9	6%
			一国两制	«Одна страна – две системы»	9	6%
13.	香港	Сянган (Гонконг)	中国	Китай	23	17%
			回归	вернуть, возвратить	23	17%
			澳门	Аомынь	17	12%
14.	美国	США	霸权	господство, деспотия	9	6%
			特朗普	Трамп	9	6%
			霸权主义	гегемонизм	6	4%
			资本主义	капитализм	5	3%
			疫情	пандемия	5	3%
15.	俄罗斯	Россия	战斗民族	«боевая нация», «народ воинов»	13	9%
			普京	Путин	9	6%
			朋友	друг	7	5%

Приведенные данные говорят о том, что испытуемыми преимущественно даются те вербальные реакции, которые отражают этнокультурную специфику доминирующей идеологии (социализма с китайской спецификой). Наглядным примером служит доминирующий в китайском медиадискурсе политический вопрос административно-территориального и культурного единства страны, который вербализуется ассоциатами «Тайвань» (台湾) и «Сянган» (Гонконг) (香港) на стимул «Одна страна – две системы» (一国两制), а также обратными ассоциациями (примеры 4, 12, 13 в таблице №1). Приведенные реакции подтверждают, что в языковом сознании китайского общества закрепилась предложенная Дэн Сяопином формула воссоединения континентального Китая с провинцией Тайвань по примеру городов центрального подчинения Сянган и Аомынь. Полученный нами материал верифицируется данными корпусов текстов китайских массмедиа [中国关键词 2022].

Рассмотрим функциональные и прагматические характеристики слов-реакций, обусловленные их коннотативным значением. Исходя из целей исследования, мы осуществили контрастивную дифференциацию ассоциатов по признакам позитивной, нейтральной и негативной оценочно-семантической направленности по отношению к нарративам официальной китайской идеологии социализма с китайской спецификой. Категоризация оценочной семантики с позиций функционального и когнитивно-

го подходов показала существенное преобладание позитивных оценок, отражающих положительно-одобрительное отношение испытуемых к репрезентируемым словами-стимулами концептам национальной культуры. В то же время опрос испытуемых позволил выявить нейтральные (переходные) и отрицательные оценочные значения, количественные параметры которых приведены ниже (Таблица № 2).

Таблица № 2

Нейтральные и отрицательные оценочные компоненты семантики слов-реакций

№	слово-стимул	нейтральная оценочность	перевод и комментарий	%	отрицательная оценочность	перевод и комментарий	%
1.	新时代 («Новая эпоха»)	海贼王 / 2 «One Piece»	«Большой куш» (популярный футуристический сериал)	2	疫情	пандемия	2
					旧时代	старые времена	
2.	一带一路 («Один пояс – один путь»)	—			暂停	приостановление	
3.	人类命运共同体 («Сообщество единой судьбы человечества»)	拳头	кулак (метафора силы)	2	—		
		考研	исследования				
		不知道	не знаю				
		政治考试	политический экзамен				
4.	一国两制 («Одна страна – две системы»)	英国	Великобритания (бывшая метрополия Сянгана)	1	—		
5.	小康社会 («Общество средней зажиточности»)	将来	будущее	1	我没有达到 / 2 贫困	я не достиг (этого уровня) бедность, нищета	2
6.	法制 (законность)	有法律概念	правовая концепция (не более, чем общее понятие)	2	专制	автократия, самоуправство	1
		张三	Чжан Сань (имя неопределенной личности)				
7.	诚信 (честность)	商家	коммерсант, торговец	1	不诚信	недобросовестность	1

8.	民主 (демократия)	扶持	поддержка (в том числе, внешнее стимулирование)	1	无	нет	1
9.	爱国 (патриотизм)	不是嘴上说的	Не только на словах	1	疫情	пандемия	1
10	平等 (равенство)	权利	права	2	下辈子	в следующей жизни	1
		阶级	классы				
		共生	взаимосвязь (мутуализм)				
11.	富强 (богатство)	-			-		
12.	台湾 (Тайвань)	大s	популярная тайваньская певица Барби Сюй	1	台独	независимость Тайваня (не признается правительством КНР)	1
		周杰伦	популярный тайваньский музыкант Чжоу Цзелунь				
		你很机车欸	«Ты тугодум» (тайваньский сленг)				
13.	香港 (Сянган)	房价贵	дорогое жилье	1	暴动	волнения	2
					棺材房	«дома-гробы» (тесные малогабаритные жилища)	
					殖人很多	много «западников» (людей, тяготеющих к образу жизни развитых стран Запада)	

14.	美国 (США)	新冠 / 3	коронавирус	11	霸权 / 8 霸权主义 / 6 霸道 霸主国家 强权霸国 强权	гегемония; доминирование; путь господства; государство-гегемон; государство-деспот; узурпаторство	37
		疫情 / 5	пандемия				
		冲动	импульсивность				
		资本家	капиталисты				
		无语	без комментариев				
		没办法定义	без понятия				
		呵呵呵	ха-ха-ха				
		漂亮国	«прекрасная страна» (имеет юмористический оттенок)		种族歧视 / 2	расовая дискриминация	
					对抗 / 2	противостояние	
					狡猾 / 2	хитрые	
					危险 / 2	опасность	
					傲慢	высокомерие	
					不好	нехорошие	
					恐怖主义	терроризм	
					不靠谱	ненадежные	
					垃圾	мусор	
					发达但是很狗	развитие, но заискивающие	
					鹰	ястреб	
					侵略	агрессия	
					人	враг	
					不人道主义	негуманные	
					虚伪	ненастоящие	
					虚假民主	ненастоящая демократия	
					不太安全	не слишком безопасные	
					不平等	несправедливые	
					坏人	плохие люди	
					贸易壁垒	торговые барьеры	
挑事	провокаторы						
坏蛋	негодяи						
傻逼	идиоты						

15.	俄罗斯 (Россия)	棕熊	бурый медведь	毛子/ 3	«волосачи» (саркастичное название русских) 1	1
		熊 / 2	медведь			
		灰熊	медведь гризли			
		疫情	пандемия			

Результаты сопоставления положительных, нейтральных и отрицательных оценочных характеристик демонстрируют социально-значимые тенденции осмысления респондентами идеологически маркированных единиц медиадискурса, выступивших в качестве слов-стимулов. Обращает на себя внимание отсутствие отрицательных коннотаций к стимулу «богатство и мощь» (富强), манифестирующему один из базовых концептов языкового сознания китайцев – «достаток, благосостояние». С другой стороны, ярко проявляется реакция китайской молодежи на геополитоним «США» (美国), который отождествляется с понятием «гегемон, деспот» (霸权), «враг», «противник» (敌人) в структуре ассоциативного поля. Негативное восприятие носителями китайского языка Соединенных Штатов (доля отрицательной оценки – 37%) соответствует недружественной политике США по отношению к Китаю (торговые войны, санкции, поддержка независимости Тайваня от Китая), что находит свое отражение в материалах нашего эксперимента.

Выводы

Полученные экспериментальные результаты свидетельствуют о том, что в единицах ядра языкового сознания отображается этнокультурная специфика языкового сознания и стереотипы носителей национальных культур. Это утверждение правомерно и по отношению к представителям современной китайской молодежи, идейно-политическое воспитание которой под знаменами социалистического государства тесно переплетается с процессами образования и осознания своей внутригрупповой идентичности. Результаты проведенного исследования ассоциативных полей респондентов демонстрируют наличие устойчивых тенденций вербального овнешнения тех концептуальных единиц, которые формируют ядро концептосферы ценностей социализма с китайской спецификой в новую историческую эпоху, строящуюся на фундаменте морально-нравственных норм традиционной философии. Оценочные компоненты семантики слов-реакций продемонстрировали тенденции осмысления и интерпретации анализируемых в ходе ассоциативного эксперимента когнитивных единиц в языковом сознании представителей китайской молодежи.

В ходе дальнейших исследований нами планируется систематизация экспериментальных материалов и составление тематического ассоциативного словаря, отражающего национальную картину мира современной китайской молодежи. Накопление материалов ассоциативных экспериментов, проведенных с одной и той же социальной группой респондентов в разные временные периоды, позволит провести сравнение состояния языкового сознания в диахронном аспекте в условиях влияния факторов информационно-психологического противоборства.

© Хабаров А.А., Цзя Шуюэ, 2022

Литература

Горошко Е.И. Интегративная модель свободного ассоциативного эксперимента. Харьков; Москва: РА – Каравелла, 2001. 320 с.

Залевская А.А. Введение в психолингвистику. М.: Российский гос. гуманитар. ун-т, 1999. 382 с.

Карасик В.И. Ценности в языковом сознании. // Лингвокультурные ценности в языковом сознании и коммуникативной практике: материалы Международной научной конференции. Тяньцзинь, Тяньцзиньский университет иностранных языков, 16 ноября 2018 г. Тяньцзинь. 2018. С. 3–10.

Караулов Ю.Н. Семантический гештальт ассоциативного поля и образы сознания // Языковое сознание: содержание и функционирование: XIII Междунар. симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации: тез. докл., М.: Советский писатель. 2000. С. 107–108.

Колмогорова А.В. Конструирование, деконструирование и реконструирование идеологических мифов (на примере мифа о пионерах-героях). Лингвистика информационно-психологической войны: монография. Книга IV. Под ред. проф. А.П. Сквородникова. Красноярск: Сиб. федер. ун-т. 2021. С. 18–36.

Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. М.: Унта. 1992. 575 с

Тарасов Е.Ф. Языковое сознание – перспективы исследования // Языковое сознание: содержание и функционирование // XIII Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. М.: Институт языкознания РАН. 2000. 287 с.

Уфимцева Н.В. Русские: опыт еще одного самопознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. М.: Институт языкознания РАН, 1996. С. 139–152.

Хабаров А.А. Техники лингвокогнитивного манипулирования в реалиях информационно-психологического противоборства. Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2021. №4. С. 72–82. DOI: 10.29025/2079-6021-2021-4-72-82

Хуан Тяньдэ. Национально-культурная специфика оппозиции «свой-чужой» в языковом сознании русских и китайцев (на материале китайского и русского языков): дисс. ... канд. филол. наук. 10.02.19. Москва, 2017. 200 с.

Hofstede G. The 6 dimensions model of national culture. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://The6dimensionsmodelofnationalculturebyGeertHofstede/> Дата обращения: 11.02.2022.

Источники экспериментального материала

中国共产党新闻网。[Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.xinhuanet.com/> 习近平新时代中国特色社会主义思想是党和国家必须长期坚持的指导思想--理论--人民网 (people.com.cn)/ Дата обращения: 11.02.2022.

学习强国。[Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.xuexiqiangguo.com/> 学习强国 (xuexi.cn)/ Дата обращения: 11.02.2022.

社会主义核心价值观。[Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.cctv.com/> 社会主义核心价值观_央视网(cctv.com)_新闻频道_央视网(cctv.com) (cntv.cn)/ Дата обращения: 11.02.2022.

中国关键词。[Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.chinakeywords.com/> 外译发布机制_China.org.cn/ Дата обращения: 12.02.2022.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 03.02.2022

Дата принятия к печати: 20.03.2022

Сведения об авторах:

Хабаров Артем Александрович – кандидат филологических наук, докторант, Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации

Контактная информация:

123001, Россия, Москва, Б. Садовая, 14

ORCID: 0000-0002-6459-4966

e-mail: lancelot567@mail.ru

Цзя Шуюэ – аспирант сектора этнопсихолингвистики, Институт языкознания РАН

Контактная информация:

125009, Россия, Москва, Большой Кисловский пер., д. 1, стр. 1

e-mail: 1041487637@qq.com

Для цитирования:

Хабаров А.А., Цзя Шуюэ. Этнокультурные особенности вербального овнешнения идеологии социализма с китайской спецификой // Вопросы психолингвистики №1(51) 2022, С.122–136. doi: 10.30982/2077-5911-2022-51-1-122-136

UDC 81.23

LBC 81

DOI 10.30982/2077-5911-2022-51-1-122-136

Research article

ETHNOCULTURAL FEATURES OF VERBAL EXPRESSION OF THE IDEOLOGY OF SOCIALISM WITH CHINESE CHARACTERISTICS

Artyom A. Khabarov

Prince Alexander Nevsky Military University

Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russia

Jia Shuyue

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract

The article is devoted to the study of the cognitive potential of ideologically labeled units of the Chinese media discourse which reflect the conceptual picture of the world of socially active groups of modern Chinese society. The experimental part of the study is presented by the results of the free associative experiment among ethnic Chinese speakers in the age category of 18-25 years. The main goal of the experiment focuses on identifying the ethno-cultural specifics of the linguistic consciousness of the subjects in the conditions of information and psychological confrontation in the global media space. The empirical material of the study

was the verbal forms of representation of the basic values of the national linguistic culture which are frequently used in the interdiscursive environment of Chinese mass media. As a result of the study, we identified connotative components of meaning in selected media discourse units. These components show the reflection in linguistic consciousness of the communicants who explicate discursive practices of the ideology of building socialism with Chinese characteristics in the new era.

Keywords: linguistic consciousness, verbal marker, associative experiment, ideology, values, socialism with Chinese characteristics

References

Goroshko, E.I. (2001) *Integrativnaja model' svobodnogo asociativnogo jeksperimenta* [Complex model of experiments with free associations]. Kharkiv; Moscow, RA-Karavella publ. 320 p. (In Russian)

Hofstede, G. *The 6 dimensions model of national culture*. Access mode: <https://> The 6 dimensions model of national culture by Geert Hofstede/ [Accessed 11th February 2022].

Huang, Tiande (2017) *Nacional'no-kul'turnaja specifika oppozicii «svoj-chuzhoj» v jazykovom soznanii russkih i kitajcev (na materiale kitajskogo i russkogo jazykov)* [Russians and Chinese have national and cultural characteristics of “friend-enemy” in their linguistic consciousness]. Moscow. 200 p. (In Russian)

Karasik, V.I. (2018) *Cennosti v jazykovom soznanii* [Values in language consciousness]. In: *Linguistic awareness and linguistic and cultural values in the practice of communication: Materials of international scientific conferences*. Tianjin, Tianjin University of Foreign Languages. Tianjin. 3–10 (In Russian)

Karaulov, Yu.N. (2000) *Semanticheskij geshtal't asociativnogo polja i obrazy soznanija* [Semantic gestalt and images of consciousness in the field of associations]. In: *Linguistic Consciousness: Content and functions: XIII International. Seminar on psycholinguistics and communication theory: theses*. Dokel., Moscow, Soviet writers. 107–108. (In Russian)

Khabarov, A.A. (2021) *Tehniki lingvokognitivnogo manipulirovanija v realijah informacionno-psihologicheskogo protivoborstva*. [Information and psychology are opposed to the methods of linguistic cognitive manipulation]. *Practical problems of philology and pedagogical linguistics*. (4), 72–82, doi: 10.29025/2079-6021-2021-4-72-82 (In Russian)

Kolmogorova, A.V. (2021) *Konstruirovanie, dekonstruirovanie i rekonstruirovanie ideologicheskikh mifov (na primere mifa o pionerah-gerojah)* [The construction, deconstruction, and reconstruction of ideological myths (let's take as an example the myth of the pioneer heroes)]. In: A.P. Skovorodnikov (ed.) *Linguistics of information and psychological warfare: A monograph. Book four*. Krasnoyarsk, Siberian Federal university publ. 18–36. (In Russian)

Leontiev, A.N. (1992) *Problemy razvitija psihiki* [The problem of spiritual development]. Moscow, Unta. 575 p. (In Russian)

Tarasov, E.F. (2000) *Jazykovoe soznanie – perspektivy issledovanija* [Linguistic awareness. Research prospects]. In: *Linguistic awareness: content and functions. XIII International Symposium on Psycholinguistics and Communication Theory*. Moscow, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences publ. 287 p. (In Russian)

Ufimtseva, N.V. (1996) *Russkie: opyt eshhe odnogo samopoznanija* [Russian: another experience of self-awareness]. In: *Jetnokul'turnaja specifika jazykovogo soznanija* [National-cultural specificity of linguistic consciousness]. Moscow, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, 139–152. (In Russian)

Zalevskaya, A.A. (1999) *Vvedenie v psiholingvistiku* [Introduction to psycholinguistics]. Moscow, The Russian State Humanitarian University publ. 382 p. (In Russian)

Sources of experimental material

中国共产党新闻网。Available from: [https:// www.people.com.cn/](https://www.people.com.cn/) [Accessed 11th February 2022].

学习强国。Available from: [https:// www.xuexi.cn/](https://www.xuexi.cn/) [Accessed 11th February 2022].

社会主义核心价值观。Available from: [https:// www.cctv.com/](https://www.cctv.com/) [Accessed 12th February 2022].

中国关键词。Available from: [https:// www.china.org.cn/](https://www.china.org.cn/) [Accessed 12th February 2022].

© Khabarov A.A., Jia Shuyue, 2022

Article history:

Received: 03.02.2022

Accepted: 20.03.2022

Bionotes:

Artyom A. Khabarov – PhD in Philology, doctoral student, The Prince Alexander Nevsky Military University of the Defense Ministry of the Russian Federation, Moscow, Russia.

Contact information:

Bol'shaya Sadovaya Ulitsa, 14, Moscow, Russia, 125047

ORCID: 0000-0002-6459-4966

e-mail: lancelot567@mail.ru

Jia Shuyue, Post-graduate student, Ethnopsycholinguistics Sector, The Institute of linguistics, Russian Academy of Sciences

Contact information:

1/1 Bol'shoy Kislovsky per., Moscow, Russia, 125009

e-mail: 1041487637@qq.com

For citation:

Khabarov A.A., Jia Shuyue (2022) Ethnocultural features of verbal expression of the ideology of socialism with Chinese characteristics. *Journal of Psycholinguistics*. 1(51), pp.122-136. Available from: doi: 10.30982/2077-5911-2022-51-1-122-136 (In Russian)

ОСОБЕННОСТИ ПОНЯТИЯ «КОЛЛЕКТИВИЗМ» В СОЗНАНИИ КИТАЙЦЕВ И РУССКИХ (на материале ассоциативных экспериментов и корпусов китайского и русского языков)

Юй Минчжу

Институт языкознания РАН, Москва, Россия

Аннотация

В статье анализируются особенности понятия «коллективизм» на материале статистической обработки коллокаций слова «коллективизм» из корпусов китайского и русского языков и слов-реакций русских и китайских испытуемых из свободных ассоциативных экспериментов. Описываются содержание и структура ассоциативного гештальта слова-стимула «коллективизм» и выявляются этнокультурные особенности представлений о данном понятии у китайцев и русских, которое является одним из культурных измерений выражения ценностей; анализируются особенности содержания понятия «коллективизм», транслируемые при помощи языка в массовое сознание китайцев и русских.

Коллективизм понимается как взаимозависимость, эмоциональная близость, сотрудничество и групповые достижения в противовес независимости и свободному самовыражению, эмоциональной обособленности, самоконтроля, личным целям и достижениям. Коллективизм как ценность сосредоточен на коллективных целях и максимальном сохранении сплоченности и гармонии в межличностном общении.

Выявление специфических черт различных лингвокультур позволяет обогащать исследования по оптимизации кросс-культурного общения. Наряду со сходными чертами восприятия понятия «коллективизм» в сознании китайцев и русских обнаруживается также и национально-культурная специфика. На конкретных примерах демонстрируется, что содержание анализируемого понятия в сознании носителей разных культур в результате сопоставительного анализа делает его семантические характеристики более очевидными.

Ключевые слова: языковое сознание, коллективизм, сопоставительное исследование, корпус китайского языка, корпус русского языка, свободный ассоциативный эксперимент

Введение

В последние десятилетия в условиях значительного экономического развития в мировом масштабе национальная культура и психология также претерпели соответствующие изменения. Основная тенденция состоит в том, что индивидуализм становится более популярным, в то время как традиционный коллективизм постепенно исчезает. Это изменение отражается не только на макросоциальном и культурном уровне – десятилетия многие китайские и русские исследователи подчеркивали важность коллективизма как национальной ценности. По мнению А.М. Телегина,

«история России, в особенности история XX века, во многом дает характеристику роли коллективизма в понимании истории всего человечества... на основе принципа коллективизма существовали древние государства Востока: Древний Египет, шумерская, арабская, китайская и другие древние цивилизации» [Телегин 2021]. По данным ИКСИ РАН в 2011 году 55% русских респондентов готовы объединяться с другими людьми для каких-либо совместных действий. Некоторые китайские ученые считают Китай типичной коллективистской страной, отмечая, что культурные традиции региона влияют на формирование в нем народного менталитета. Чем глубже проникновение конфуцианской культуры в регион Китая, тем более сильную склонность к коллективизму имеют там проживающие [Ма Синьрань 2016].

На развитие определенной нации влияет культура, на которую она опирается. В 1980-х годах Г. Хофстеде предложил типологию и параметры культурных измерений, которые включали индивидуализм/коллективизм, индекс дистанции власти, избегание неопределенности, мужественность/женственность, долгосрочную ориентацию и допущение. По его мнению, определенная культура формируется среди людей, имеющих одинаковое образование и жизненный опыт. Культура не просто является характеристикой личности. Культура относится к коллективному ментальному программированию, которое является общим для этих людей [Hofstede 1980]. Среди них параметр «индивидуализм/коллективизм» привел к большому количеству связанных исследований и стал наиболее широко используемым и влиятельным культурным параметром в области психологии. В основе коллективизма лежит взаимозависимость, эмоциональная близость, сотрудничество и групповые достижения в противовес независимости и свободному самовыражению, эмоциональной обособленности, самоконтролю, личным целям и достижениям, свойственным индивидуализму. Коллективизм как ценность сосредоточен на коллективных целях и максимальном сохранении сплоченности и гармонии в межличностном общении.

Согласно информации на сайте [<http://www.geert-hofstede.com>], основные различия между индивидуалистскими и коллективистскими обществами следующие:

Таблица №1

Особенности индивидуализма и коллективизма, по Г. Хофстеде

Индивидуализм	Коллективизм
Каждый сам заботится о себе и о своих близких	Люди от рождения до смерти – члены больших семей-кланов, которые заботятся о них в обмен на их лояльность
«Я» – сознание	«Мы» – сознание
Поощряется открытое высказывание своего мнения	Прежде всего ценится гармония в отношениях
Другие – это независимые личности	Другие – это члены своей или чужой группы
В речи часто встречается слово «Я»	В речи избегается слово «Я»
Дело важнее взаимоотношений	Взаимоотношения важнее дела
Взаимоотношения как между индивидами, так и группами регулируются на правовой основе	Правовое сознание развито слабо, преобладают моральные представления, имеет место апелляция к межличностным, а не к правовым отношениям

В исследовании центра научной политической мысли и идеологии были выявлены десятки значимых ценностей Российского государства, характерных в том числе для русской ментальности, сгруппированные в 12 универсальных ценностных блоков. В эти блоки входит коллективизм и определяются такие его аксиологические факторы жизнеспособности, как наличие национальной идеи, осознание национального единства, национально-ориентированная этика, национально-ориентированная интеллигенция и т.д. [URL: <https://rusrand.ru/analytics/cennosti-i-psiologicheskoe-sostoyanie-sovremennogo-rossijskogo-obschestva>].

В отчете 19-го Национального Конгресса Коммунистической партии Китая Генеральный секретарь государства четко заявил: «广泛开展理想信念教育，深化中国特色社会主义和中国梦宣传教育，弘扬民族精神和时代精神，加强爱国主义、集体主义、社会主义教育，引导人们树立正确的历史观、民族观、国家观、文化观。(Мы будем проводить обширные мероприятия по информированию общественности, чтобы помочь людям развить твердые идеалы и убеждения, повысить их осведомленность о социализме с китайскими особенностями и китайской мечте, способствовать развитию китайской этики и готовности откликнуться на зов нашего времени, укрепить руководящую роль патриотизма, коллективизма и социализма, и увидеть, что люди развивают точное понимание истории, этнической принадлежности, страны и культуры)» [URL: http://www.china.org.cn/chinese/2017-11/06/content_41852215.htm]. Воспитание в духе коллективизма – одно из основных направлений нравственного воспитания в школах Китая. В сознании китайцев коллективизм – это ценностная ориентация на жизнь и мораль, выраженная в поведении по отношению к другим и обществу и полностью проявленная только в коллективной жизни. Коллективизм, который нельзя практиковать в обществе и коллективах, становится только расплывчатым абстрактным термином. На начальном этапе обучения детей в их коллективной учебной жизни необходимо обращать внимание на воспитание в духе коллективизма.

По итогам Мирового обзора ценностей (World Values Survey) 2017–2020 гг. среди ряда качеств, которые родители могут воспитывать у своих детей дома, 78,2% китайских респондентов и 34,1% русских респондентов считают важным качеством независимость, а 28,7% китайских респондентов и 15,5% русских респондентов подчеркивают значимость развития такого качества, как бескорыстие, у своих детей.

Анализ особенностей понятия «коллективизм» на материале корпусов китайского и русского языков

При междисциплинарном подходе мы можем в различных ракурсах рассмотреть понятие «коллективизм». В настоящем исследовании мы используем Корпус китайского языка Пекинского лингвистического университета (BCC北京语言大学汉语语料库) (<http://bcc.blcu.edu.cn/>) и Национальный корпус русского языка (НКРЯ) (<http://ruscorpora.ru/>) для того, чтобы собрать и проанализировать китайские и русские языковые данные, имеющиеся в текстах, и выявить содержание концепта «коллективизм» в сознании китайцев и русских. Мы использовали только основные корпуса без учета подкорпусов.

В данном исследовании используются левые коллокации, а правые коллокации в статье не обсуждаются. С помощью специализированного программного обеспечения «AntiConc 3.5.9» (2020) была проведена статистическая обработка, сортировались коллокации слова «коллективизм» по частоте, классифицировались и сравнивались

высокочастотные слова. Для дальнейшего изучения были проведены свободные ассоциативные эксперименты в 2021 году. В качестве инструмента анализа ассоциативного поля использовался метод семантического гештальта Ю.Н. Караулова.

В качестве объекта исследования мы выбрали и показали все коллокации китайского слова «集体主义(коллективизм)» и коллокации русского слова «коллективизм» с частотой выше 3, соответственно, установили значение расстояния слева 1 и справа 0. Результаты приведены в Таблице 1 и Таблице 2.

Таблица №2

Коллокации слова «коллективизм» в корпусе русского языка

#Total No. of Collocate Types: 165					
#Total No. of Collocate Tokens: 454					
Rank	Freq (L)	Collocate	Rank	Freq (L)	Collocate
1	22	абсолютный	13	3	свойственен
2	12	индивидуализм	14	3	российский
3	11	такой	15	3	рабочий
4	5	является	16	3	принцип
5	4	силен	17	3	понятие
6	4	русский	18	3	нивелирующий
7	4	природный	19	3	наш
8	4	напротив	20	3	качества
9	4	включая	21	3	индивидуальность
10	4	взаимопомощь	22	3	другой
11	4	безличный	23	3	взаимодействия
12	3	сострадание			

Таблица №3

Коллокации слова «集体主义(коллективизм)» в корпусе китайского языка

#Total No. of Collocate Types: 14					
#Total No. of Collocate Tokens: 20					
Rank	Freq (L)	Collocate	Rank	Freq (L)	Collocate
1	5	爱国主义/патриотизм	8	1	坚持/ придерживаться
2	2	把/ставить, взять	9	1	来自/исходить от
3	2	绝对化的/абсолютный	10	1	方法论/ методология
4	1	进行/вести, проводить	11	1	将/ставить, подставить
5	1	是/являться	12	1	在一种/в виде
6	1	这里的/здешний	13	1	良性传统/ доброкачественный традиционный
7	1	这种/такой	14	1	证明了/доказано

Для слова «коллективизм» в Национальном корпусе русского языка (НКРЯ) (<http://ruscorpora.ru/>) было найдено в общей сложности 454 коллокации, из них различающихся – 165. Одновременно для слова «集体主义(коллективизм)» в Корпусе китайского языка Пекинского лингвистического университета (ВСС北京语言大学汉语语料库) (<http://bcc.blcu.edu.cn/>) было получено в общей сложности 20 коллокаций, из них различающихся – 14. При сопоставлении общего количества текстов в обоих корпусах и количества коллокаций можно выявить, что понятие «коллективизм/集体主义» находится на периферии языкового сознания русских и китайцев.

При сопоставительном исследовании в обеих таблицах слова с подобным значением включают: «абсолютный/绝对化的», «такой/这种». В том числе слово «абсолютный/绝对化的» представляет собой первую высокочастотную коллокацию слова «коллективизм» в корпусе русского языка и третью высокочастотную в корпусе китайского языка. Результаты классификации коллокаций по частям речи в двух таблицах показали, что среди высокочастотных коллокаций слова «集体主义/коллективизм» в корпусе китайского языка больше глаголов (50%), а в корпусе русского языка больше прилагательных (39,1%) и существительных (34,8%).

В обнаруженных словах найдено несколько коллокаций с эмоционально-оценочной окраской: «良性传统/доброкачественный традиционный», «坚持/придерживаться», «сострадание», «безличный», «нивелирующий», «напротив». Личные местоимения встречаются только в списке коллокаций слова «коллективизм» из корпуса русского языка («наш»). Кроме того, зафиксированы слова «русский» и «российский». Это показывает, что в сознании русских слово «коллективизм» более тесно связано с конкретными людьми и страной, а не просто используется как термин в области идеологических ценностей.

С учетом небольшого количества коллокаций слова «集体主义(коллективизм)» по значению расстояния слева 1 и справа 0 мы увеличили значение расстояния до 2 слева и также с частотой выше 3. Результаты приведены в Таблице 3 и Таблице 4.

Таблица №4

Коллокации слова «коллективизм» в корпусе русского языка

#Total No. of Collocate Types: 344
#Total No. of Collocate Tokens: 908
мзвивиткеллок (53), абсолютный (22), индивидуализм (20), не (12), такой (11), импульсивность (11), нравится (6), является (5), свойственен (5), понятие (5), общества (5), индивидов (5), взаимодействия (5), уклоном (4), снята (4), силен (4), русский (4), природный (4), осуществления (4), общественный (4), напротив (4), например (4), коммунизм (4), коллективизма (4), исконный (4), индивидуальности (4), добродетели (4), включая (4), взаимопомощь (4), верили (4), братство (4), безличный (4), беду (4), альтруизм (4), стереотип (3), справедливость (3), сострадание (3), случае (3), российский (3), распадом (3), рабочий (3), принцип (3), правда (3), нравственные (3), новый (3), нивелирующий (3), некий (3), наш (3), качества (3), индивидуальность (3), им (3), его (3), другой (3), японский (3).

Коллокации слова «集体主义(коллективизм)» в корпусе китайского языка

#Total No. of Collocate Types: 2486
#Total No. of Collocate Tokens: 8050
爱国主义/патриотизм (185), 社会主义/социализм (79), 加强/укреплять (48), 进行/проводить (43), 弘扬/продвигать (39), 培养/выращивать (27), 开展/развивать (22), 坚持/придерживаться (21), 发扬/развивать, распространять (18), 培养学生的/воспитывать учеников (16), 在人民中进行/проводить среди людей (16), 不断增强/непрерывно укреплять (16), 这种/это (12), 以人民服务为核心的/сосредоточен на служении народу (12), 有助于中学阶段以/вносить вклад в этап средней школы (11), 中学生的/школьный (11), 集体意识/коллективное сознание (11), 积极的/положительный (11), 宣传/пропагандировать (10), 体现/отражать (9), 协作的/совместный (9), 树立/усвоить (8), 同社会主义公有制相适应的/совместно с социалистической общественной собственностью (7), 新/новый (7), 使学生具有/разрешить учащимся иметь (6), 有针对性地/проводить с направленностью (6), 在全体人民中提倡/поощрять среди всех людей (5), 倡导/выступать с инициативой (5), 团结协作的/сплоченный (4), 合群/стадный, 与个人利益相结合的/совместный с личными интересами (4), 这样的/такой (3), 突出/выделить, 符合人类根本利益的/в соответствии с коренными интересами человечества, 方法论/методология, 强调/подчеркнуть, 强化/усилить, укреплять, 互助的/взаимопомощи, 唱响/громко воспевать, 包括/включать, 共同进步的/вместе прогрессивный, 绝对化的/абсолютный, 一部分人的/частичный, 革命英雄主义/революционный героизм (3).

При прочих равных условиях для слова «коллективизм» в Национальном корпусе русского языка (НКРЯ) (<http://ruscorpora.ru/>) было найдено в общей сложности 908 коллокаций, из них различающихся – 344. Одновременно для слова «集体主义(коллективизм)» в Корпусе китайского языка Пекинского лингвистического университета (BCC北京语言大学汉语语料库) (<http://bcc.blcu.edu.cn/>) было получено в общей сложности 8050 коллокаций, из них различающихся – 2486. С целью обработки и анализа полученных данных на первом этапе мы классифицируем слова, с которыми связано понятие коллективизма, по частям речи (см. Таблицы 3,4). Можно отметить следующие особенности.

Результаты классификации коллокаций по частям речи в двух таблицах показали, что среди высокочастотных коллокаций слова «коллективизм» в корпусе китайского языка больше глаголов (38,6%), а в корпусе русского языка больше существительных (48,1%).

В обнаруженных китайских словах не выявлены коллокации с отрицательной эмоционально-оценочной окраской, но среди русских коллокаций найдены: «беду», «сострадание», «напротив». Личные местоимения также встречаются только в списке коллокаций слова «коллективизм» из корпуса русского языка («наш», «им», «его»). При сопоставительном исследовании слова с подобным значением включают: «强化(усилить, укреплять)/加强(укреплять)/不断增强(непрерывно укреплять)/силен», «协作的(совместный)/团结协作的(сплоченный)/互助的(взаимопомощи)/взаимодействия/взаимопомощь», «абсолютный/绝对化的», «такой/这种». Кроме того, слова «加强(укреплять)» (48), «不断增强(непрерывно укреплять)» (16), «协作的(совместный)» (9), «абсолютный» (22) представляют собой высокочастотные коллокации высокого ранга в корпусах русского и китайского языков.

Слова «爱国主义/патриотизм» (185) и «社会主义/социализм» (79) являются первой и второй высокочастотной коллокацией слова «коллективизм» в корпусе китайского языка. Большинство китайских глаголов обозначают положительные действия: «加强/укреплять», «弘扬/продвигать», «培养/выращивать», «开展/развивать», «坚持/придерживаться», «发扬/развивать, распространять», «不断增强/непрерывно укреплять», «宣传/пропагандировать», «树立/усвоить», «倡导/выступать с инициативой», «突出/выделить», «强调/подчеркнуть», «强化/усилить, укреплять». Еще несколько коллокаций связано с образованием школьных учащихся: «培养学生的/воспитывать учеников», «中学生的/школьный», «有助于中学阶段以/вносить вклад в этап средней школы», «使学生具有/разрешить учащимся иметь». Эти факты доказывают, что патриотическое воспитание китайцев мыслится в связи с воспитанием коллективизма.

Анализ особенностей понятия «коллективизм» на материале ассоциативных экспериментов

В 2021 году нами были проведены ассоциативные эксперименты, в которых приняли участие студенты китайских и российских университетов в возрасте от 18 до 26 лет обоего пола (примерно в равных долях в выборке). В эксперименте приняли участие 440 китайских и 440 русских испытуемых. Ниже представлены ассоциаты слова-стимула «коллективизм» с частотой встречаемостью больше единицы:

Таблица №6

Список слов-реакций китайских испытуемых (частота выше 1)

集体利益高于个人(90)/коллективные интересы выше индивидуальных, 形式主义(30)/формализм, 个人主义(20)/индивидуализм, 要想到别人(19)/думать о других, 重视与保障个人正当利益(18)/ценить и защищать законные интересы физических лиц, 为他人着想(17)/будьте внимательны к другим, 团结(15)/сплоченность, 重视大家的利益(14)/ценить интересы каждого, 利益至上(13)/преимущества превыше всего, 社会主义(10)/социализм, 资本主义(8)/капитализм, 班级(8)/класс, групп, 大家的利益(7)/интересы всех, 英雄主义(6)/героизм, 团队(5)/команда, 好(5)/хорошо, 团体(4)/группа, 共产党(4)/Коммунистическая Партия, 爱国主义(4)/патриотизм, 共享(4)/совместно использовать, 团结就是力量(4)/единство - сила, 个人(3)/индивид, 很多人(3)/много людей, 大锅饭(3)/общий котел, 凝聚力(3)/сила сцепления, 迁就他人(3)/приспосабливаться к другим, 学校(3)/школа, учебное заведение, 中国(3)/Китай, 团结友爱(3)/сплоченность и дружелюбие, 集体(2)/коллектив, 军队(2)/армия, 班级荣誉(2)/классная слава, 高尚的价值观(2)/благородная ценность, 利己主义(2)/эгоизм, 善良(2)/доброта, 互帮互助(2)/помогать друг другу, 拥有(2)/владеть, 合作(2)/сотрудничать, 公司(2)/компания, 国家(2)/страна, 球队(2)/команда (в спортивных играх с мячом), 宿舍(2)/общежитие, 把集体的利益看的比自己重(2)/поставить интересы группы важнее своих, 集体和个人不断完善(2)/коллективное и индивидуальное непрерывное совершенствование, 团结一致(2)/сплотиться как один человек

Таблица №7

Список слов-реакций русских испытуемых (частота выше 1)
СССР(28), работа(28), да(24), дружба(16), нет(14), есть(11), команда(9), коммунизм(9), стадо(9), сплоченность(9), не знаю(9), группа(8), колхоз(8), коллектив(7), общество(7), общее(5), вместе(5), общность(4), хорошо(4), община(4), индивидуализм(3), общий(3), объединение(3), социализм(3), сложно(3), приветствуется(3), люди(2), организация(2), советский союз(2), дух(2), игра(2), коллекция(2), патриотизм(2), союз(2), сплочение(2), совок(2), толпа(2), уважение(2), успех(2), утопия(2), социум(2), собрание(2), дружелюбие(2), ответственность(2), своеобразность(2), слаженность(2), дружный(2), платоновский(2), отлично(2), иногда(2), в работе(2), на работе(2), школа(2)

При сравнении ассоциативных полей слов-стимулов «集体主义/коллективизм» у китайских и русских испытуемых можно заметить тождественные слова-реакции, в числе которых: 团结/сплоченность(15,9), 班级/группа(8,8), 社会主义/социализм(10,3), 爱国主义/патриотизм(4,2), 友爱/дружелюбие (3,2), 好/хорошо(5,4), 球队/команда(2,9), 社会/общество (1,7).

Результаты показывают, что очертания понятия коллективизма в языковом сознании китайских студентов более отчетливы. У русских респондентов зафиксированы реакции положительные, нейтральные и отрицательные («нет (14)», «глупо», «не нужен», «неважно», «никогда», «отношусь отрицательно»). Некоторым русским респондентам «коллективизм» видится неопределенным: «сложно (3)», «не знаю (9)». Большинство характеризующих реакций у китайских испытуемых положительные или нейтральные. Отношение у китайских респондентов выражено следующими реакциями: «好(5)/хорошо», «对/да», «很重要/очень важно», «最强/самый сильный», «有利有弊/обоюдоострый», «还好吧/нормально». Коллективизм, по мнению китайских респондентов, значит «集体利益高于个人(90, 20,4%)/коллективные интересы выше индивидуальных», «利益至上(13, 3%)/преимущества превыше всего», и нужно «重视与保障个人正当利益 (18, 4%) /ценить и защищать законные интересы физических лиц», «为他人着想(17, 3,9%)/будьте внимательны к другим».

В ответах русских респондентов был обнаружен ряд слов, связанных с национально-культурной спецификой: «СССР(28)», «совок(2)», «Ленин», «колхоз(8)», «коммунарские сборы», «марксизм», «плакат времен СССР», «совхоз», «人民公社/народная коммуна», «拔河/перетягивать канат», «大锅饭(3)/общий котел».

По модифицированной методике построения «семантического гештальта» Ю.Н. Караулова мы проанализировали полученные экспериментальные данные [Караулов 2000]. Распределение долей слов-реакций в каждой семантической зоне показано ниже: среди слов-реакций русских испытуемых: Субъект 1,6%, Предметы, реалии 42%, Ценности, эмоции 9,5%, Характеристика положительная 1,6%, Нейтральная 1,8%, Отрицательная 0,7%, Отношение положительное 8,4%, Нейтральное 7%, Отрицательное 4,8%, Действие, состояние 7%, Локус 12,9%, Прочие 0,9%. Среди слов-реакций китайских испытуемых: Субъект 3,2%, Предметы, реалии 29%, Ценности, эмоции 6,4%, Характеристика положительная 0,7%, Нейтральная 0,5%, Отрицательная 0,5%, Отношение положительное 1,8%, Нейтральное 0,5%, Действие, состояние 25,5%, Локус 5,9%, Устойчивые словосочетания 4,1%, Прочие 22%.

Как мы видим, у русских и китайских испытуемых содержание ассоциативного гештальта слова-стимула **коллективизм** различается. Семантические зоны Предметы, Реалии (42%), Локус (12,9%), Ценности, Эмоции (9,5%) в ассоциативном гештальте слова-стимула «коллективизм» у русских соответственно занимают первое, второе и третье место. У китайских зона Предметы, Реалии (29%) составляет наибольшую долю, затем идет зона Действие, Состояние (25,5%) и зона Прочие (22%). Кроме того, у китайских испытуемых реакции в зоне Отношение отрицательное отсутствуют.

Выводы

Анализ наших данных показал, что «коллективизм» – позитивное в сознании китайцев понятие, а в сознании русских существует как положительное, так и отрицательное отношение к понятию «коллективизм». Мы нашли слова «团结/сплоченность» и «爱国主义/патриотизм» не только среди высокочастотных коллокаций слова «коллективизм» в корпусах русского и китайского языков, но и в словах-реакциях русских и китайских респондентов.

В высокочастотных коллокациях слова «коллективизм» в корпусе китайского языка больше глаголов, а в корпусе русского языка больше прилагательных и существительных. Личные местоимения встречаются только в списке коллокаций слова «коллективизм» из корпуса русского языка. Слова «русский», «российский», «индивидуализм» и «индивидуальность» появились среди высокочастотных коллокаций слова «коллективизм» в корпусе русского языка. Это показывает психологическую тенденцию россиян обращать внимание на отношения между коллективом и индивидом, государством и индивидом. Характерно, что в сознании китайцев несколько коллокаций связано с образованием школьников. Это также подтверждает представление о значении слова как отображении социокультурной реальности.

С помощью исследования частотности коллокаций в языковом корпусе и ассоциативных экспериментов можно выявить семантический механизм координации между словами и также языковые стереотипы носителей определенной культуры.

© Юй Минчжу, 2022

Литература

Караулов Ю.Н. Показатели национального менталитета в ассоциативновербальной сети // Языковое сознание и образ мира. М.: Институт языкознания РАН, 2000. С.191- 206.

Корпус китайского языка Пекинского лингвистического университета [BCC北京语言大学汉语语料库]. URL: <http://bcc.blcu.edu.cn/> (дата обращения: 30.03.2021).

Национальный корпус русского языка [НКРЯ]. URL: <http://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 30.03.2021).

Телегин А.М. Исторический опыт коллективизма: социально-философский аспект // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. 2021. № 1. С. 122–127.

Ценности и психологическое состояние современного российского общества // Центр научной политической мысли и идеологии. URL: <https://rusrand.ru/analytics/cennosti-i-psihologicheskoe-sostoyanie-sovremennogo-rossiyskogo-obschestva> [Электронный ресурс]. (Дата обращения: 24.08.2021)

Hofstede G. Motivation, leadership, and organization: Do American theories apply abroad? *Organizational Dynamics*. 1980. №9 (1). С. 42–63.

马欣然, 任孝鹏, 徐江. 中国人集体主义的南北方差异及其文化动力. *心理科学进展* 2016, Vol.24, No.10, 1551-1555. (Ма Синьрань, Жэнь Сяопэн, Сюй Цзян. Различия между севером и югом китайского коллективизма и его культурная динамика. Достижения психологической науки. 2016, Vol.24, No.10, 1551–1555.)

Hofstede G. Cultural Dimensions [Электронный ресурс]. URL: <http://www.geert-hofstede.com>. (Дата обращения: 24.08.2021)

习近平在中国共产党第十九次全国代表大会上的报告//中国网. Выступление Си Цзиньпина на XIX Национальном съезде Коммунистической партии Китая // Китай онлайн. URL: http://www.china.org.cn/chinese/2017-11/06/content_41852215.htm [Электронный ресурс]. (Дата обращения: 24.08.2021)

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 05.01.2022

Дата принятия к печати: 10.03.2022

Сведения об авторе:

Юй Минчжу – аспирант сектора этнопсихолингвистики Института языкознания РАН

Контактная информация:

125009, Россия, Москва, Большой Кисловский пер., д. 1, стр. 1.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3028-5433>

e-mail: yumingzhu@yandex.ru

Для цитирования:

Юй Минчжу. Особенности понятия «коллективизм» в сознании китайцев и русских (на материале ассоциативных экспериментов и корпусов китайского и русского языков) // *Вопросы психолингвистики* №(51) 2022, С.137–148. doi: 10.30982/2077-5911-2022-51-1-137-148

UDC 81.23

LBC 81

DOI 10.30982/2077-5911-2022-51-1-137-148

Research article

**FEATURES OF THE CONCEPT “COLLECTIVISM” IN THE MINDS
OF THE CHINESE AND RUSSIANS
(based on the associative experiments and corpora of the Chinese and Russian
languages)**

Yu Mingzhu

Institute of Linguistics of Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Abstract

The article analyzes the features of the concept “collectivism” and presents the results of the statistical processing of collocations of the word “collectivism” obtained from the corpora of the Chinese and Russian languages and words-reactions of Russian and Chinese subjects, given from free associative experiments. The software sorts the collocations of the word “collectivism” by frequency, and classifies and compares high-frequency words. The study also used the results of a free association experiment with Russian and Chinese university students aged 18 to 26 conducted in 2021. These results were interpreted using the semantic gestalt method of Yu.N. Karaulov. The content and structure of the associative gestalt of the stimulus word “collectivism” is described, and the ethno-cultural features of the representation of this concept in the Chinese and Russians are revealed. The concept “collectivism” is one of the cultural dimensions of the expression of values used in the socio-psychological and pedagogical fields. Collectivism is understood as interdependence, emotional closeness, cooperation, and group achievement as opposed to independence and free expression, emotional isolation, self-control, personal goals and achievements. Collectivism as a value is focused on collective goals and maximum preservation of cohesion and harmony in interpersonal communication. With the use of an interdisciplinary approach, the features of the content of the concept “collectivism” broadcast through the language into the mass consciousness of the Chinese and Russians, are analyzed. Identification of the specific features of various linguistic cultures allows enriching the material for optimizing cross-cultural communication. With similar and different features of the content of the concept “collectivism”, national and cultural specifics are also found in the minds of the Chinese and Russians. It is demonstrated on specific examples that the content of a particular concept in the minds of speakers of different cultures makes its semantic characteristics more obvious as a result of a comparative study.

Keywords: linguistic consciousness, collectivism, comparative study, Chinese corpus, Russian corpus, free association experiment

References

Chinese Corpus of Beijing Linguistic University [BCC北京语言大学汉语语料库]. Available from: <http://bcc.blcu.edu.cn/> [Accessed: March 30, 2021]. (In Chinese)

Hofstede, G. (1980). Motivation, leadership, and organization: Do American theories apply abroad? *Organizational Dynamics*, 9 (1), 42–63.

Hofstede, G. Cultural Dimensions [Electronic resource]. URL: <http://www.geert-hotstede.com>

Karaulov, Yu.N. (2000) Pokazateli natsional'nogo mentaliteta v assotsiativnoverbal'noi seti [Indicators of the national mentality in the associative-verbal network]. In: *Yazykovoie soznanie i obraz mira* [Linguistic consciousness and the image of the world]. Moscow, Institute of Linguistics RAS, pp.191–206. (In Russian)

Natsional'nyi korpus russkogo yazyka [NKRYA] [Russian National Corpus]. Available from: <http://ruscorpora.ru/> [Accessed March 30, 2021]. (In Russian)

Telegin, A.M. (2021) Istoricheskii opyt kollektivizma: sotsial'no-filosofskii aspekt [Historical experience of collectivism: social and philosophical aspect]. *Bulletin of the Armavir State Pedagogical University*. 1, 122–127. (In Russian)

马欣然, 任孝鹏, 徐江. 中国人集体主义的南北方差异及其文化动力. *心理科学进展* (2016), 24(10), 1551–1555. (Ma Xinran, Ren Xiaopeng, Xu Jiang. (2016) The difference of collectivism between north and south China and its cultural dynamics. *Advances in Psychological Science*. 24(10), 1551–1555) (In Chinese)

Tsenosti i psikhologicheskoe sostoyanie sovremennogo rossiiskogo obshchestva [Values and psychological state of modern Russian society]. *Tsentr nauchnoi politicheskoi mysli i ideologii* [Center for Scientific Political Thought and Ideology]. URL: <https://rusrand.ru/analytics/cennosti-i-psihologicheskoe-sostoyanie-sovremennogo-rossiyskogo-obshchestva> [Electronic resource]. [Accessed: 24.08.2021]

习近平在中国共产党第十九次全国代表大会上的报告//中国网. Xi Jinping's speech at the 19th National Congress of the Communist Party of China. *China online*. URL: http://www.china.org.cn/chinese/2017-11/06/content_41852215.htm [Electronic resource]. [Accessed: 24.08.2021] (In Chinese)

© Yu Mingzhu, 2022

Article history:

Received: 05.01.2022

Accepted: 10.03.2022

Bionotes:

Yu Mingzhu – PhD Student of Ethnopsycholinguistics Sector, Institute of linguistics, Russian Academy of Sciences

Contact information:

1 bld. 1 Bolshoy Kislovsky Lane, Moscow, Russia, 125009

ORCID: 0000-0003-3028-5433

e-mail: yumingzhu@yandex.ru

For citation:

Yu Mingzhu (2022) Features of the concept “Collectivism” in the minds of the Chinese and Russians (based on the associative experiments and corpora of the Chinese and Russian languages). *Journal of Psycholinguistics*. 1(51), pp.137-148. Available from: doi: 10.30982/2077-5911-2022-51-1-137-148 (In Russian)

РЕЦЕНЗИИ

Солодовникова Н.Г., Сорокина Е.А. Эмотивная лингвоэкология современных и древних текстов. Волгоград: Перемена, 2021. 270 с.

Введение

Прошло всего десять лет со времени проведения на базе кафедры языкознания и научно-исследовательской лаборатории «Язык и личность» Волгоградского социально-педагогического университета Всероссийского научно-теоретического семинара «Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве» (5–6 октября 2012 г.) под руководством профессора В.И. Шаховского. В его работе приняли участие почти 70 профессоров, доцентов, докторантов, аспирантов, магистрантов, представляющих научные школы Москвы, Ульяновска, Краснодара, Саратова, Ростова-на-Дону, Астрахани, Воронежа, Волгограда и др. [Эмотивная лингвоэкология 2013: 5–6]. Тогда это мероприятие вызвало неподдельный интерес представителей разных научных направлений: экологический подход в начале XXI века значительно расширил свою сферу влияния и уже начал применяться к исследованиям в областях культуры, этики, языка, общественного развития, деятельности государства.

Тема научно-теоретического семинара воспринималась как продолжение и углубление исследований в области экологического мышления [Полухин, 2009], экологического сознания [Шаховский, 2010], направлений лингвоэкологии [Сковородников 1996]. Эмотивная лингвоэкология стала новым этапом в развитии экологического направления в лингвистической науке, в котором были объединены достижения разных наук о личности, языковой личности, эмоциональной личности. Она воспринималась как инновационная проблематика исследований языка и коммуникации, которая в то же время закономерно продолжала разработку лингвистической теории эмоций В.И. Шаховского [Ионова 2019].

Научные основания эмотивной лингвоэкологии

Проведенный научный форум по проблемам эмотивной лингвоэкологии продемонстрировал широту обсуждаемой темы, которая отражена в материалах коллективной монографии «Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве» [Эмотивная лингвоэкология... 2013].

Экология как среда обитания слова [Эпштейн 1997] становится актуальной темой для обсуждений особенно в тех случаях, когда речь идет о деструктивных формах коммуникативного поведения человека в разных типах дискурсов. Вербальный дискомфорт (агрессивное, высоко эмоциональное, аффективное поведение коммуникантов), средства управления им, осуществления контроля за проявлением вербальной агрессии привлекают внимание лингвистов, психологов, психоаналитиков, социологов, физиологов, философов и криминологов [Романов, Малышева 2014]. Интерес к этой проблеме связан как с ее востребованностью в разных практических областях [Ионова 2019], так и с наличием «множества «белых пятен» в концептуальном поле данного феномена» [Андреева 2011: 16]. При этом лингвисты, осознавая психологическую и социологическую природу произнесенного слова, делают акцент на поисках языковой и речевой сущности этих эффектов [Ионова 2013, 2019; Шаховский 2002, 20080]. Сущность экологии языка и коммуникации также лингвистическая, она отражена в предмете изучения этой науки – состоянии языка как семиотической системы, обусловленном социальными и другими экстралингвистическими факторами,

вливающими негативно или позитивно на язык, языковое сознание и речевую культуру [Сковородников: 64–65].

Лингвистическая теория эмотивности является прочным фундаментом и методологией современной лингвоэкологии [Волкова 2013]. Уже к концу 80-х гг. XX в. она оформилась в самостоятельную теорию – со своим объектом, предметом, терминологией, единицами и методом исследования [Шаховский 2008] и сегодня приобретает эоцентрическую направленность [Шаховский 2010].

Универсальность эмотивности как метода, обеспечивающего не только переход от информационной системы к системе концептуальной, но и поддержание между ними «мерной напряженности», опознается на уровне актуальных эмотивов как неотъемлемой составляющей индивидуальной информационной системы и эмотивов-потенциативов – маркеров системы концептуальной [Волкова, Шаховский 2021]. Как мы указывали ранее, их значимость не зависит от вида творчества (языкотворчества) и в равной степени характеризует обыденную и художественную коммуникацию [Там же]. Таким образом, категория эмотивности как неотъемлемая составляющая любого текста является на сегодняшний день одним из фундаментальных методологических принципов, обеспечивающих полноценную жизнедеятельность сознания носителя языка, и может рассматриваться как «пусковой механизм» процесса смыслообразования [Волкова 2013].

Продолжение теории

Данная статья приурочена к выходу в свет нового монографического исследования «Эмотивная лингвоэкология современных и древних текстов» Н.Г. Солодовниковой, Е.А. Сорокиной [Солодовникова, Сорокина 2021] – учеников В.И. Шаховского, которые, развивая теорию эмоционального слова и текста, их экологической ценности, продемонстрировали соединение на основе положений эмотивной лингвоэкологии подходов к исследованию исторических и современных текстов

Откликнуться на выход в свет научного труда Н.Г. Солодовниковой и Е.А. Сорокиной меня попросил сам профессор В.И. Шаховский. Очевидно, он был неплохо знаком с рукописью, потому что в телефонном разговоре весьма свободно очертил рассматриваемый в монографии круг вопросов и в целом одобрительно отозвался о результатах, к которым пришли авторы. Выполняя просьбу учителя, хочется прежде всего обратить внимание на один весьма важный момент: в названии монографии авторы объединили три базовых для творческого наследия В.И. Шаховского концепта – эмотивность, лингвистику и экологию.

Новая книга может рассматриваться своеобразным приношением мастеру, знаком безоговорочного признания того вклада, который Виктор Иванович внёс в отечественную лингвистику. Речь идет о социо- и психолингвистике, о коммуникативной лингвистике, эмотиологии, а также о лингвоэкологии.

Тот факт, что свой исследовательский поиск авторы монографии осуществляли при поддержке гранта Российского фонда фундаментальных исследований (20-012-00418 А), говорит об актуальности темы работы, в которой соединяются исторический и современный пласты исследования текстовой культуры. В период тотальной деградации речевой культуры россиян, которая особенно заметна на примере письменной речи в социальных сетях, где главенствуют нормы устной речи, на этапе развития культуры, который обозначен как «визуальный поворот» [Jameson 1990], когда изображение выступает эквивалентом словесного высказывания, появляется работа, в которой

говорится о традициях текстовой репрезентации знания, мнений, эмоций. Как тут не вспомнить ситуацию, о которой рассказывал Евгений Водолазкин – профессиональный ученый и писатель, ученик Д.С. Лихачева! После ухода из жизни Дмитрия Сергеевича на доске среди разных дежурных объявлений еще долго «висел список выражений, запрещенных им к употреблению в стенах Пушкинского Дома. Например, «старайтесь не использовать стёртые метафоры, например, “получил прописку”»: не следует говорить “практически” в значении “почти”; не следует употреблять слово “информация”, когда можно сказать “сведения”» и т. д.¹

Другими словами, актуальность монографического исследования Н.Г. Солодовниковой и Е.А. Сорокиной обусловлена тем, что авторы дают читателю возможность посмотреть на свое речевое поведение со стороны, осуществив ревизию своей речевой собственности. Будучи адресованной в первую очередь учащейся молодежи, данная книга имеет обучающий характер [Шаховский 2002]: она дает возможность прикоснуться к современным и древним текстам, написанным на языке, непривычном для носителей современной русской речевой культуры. Позволяя узнать особенности эмотивности английского языка в его нынешнем и прежнем обличье, авторы одновременно закладывают почву, на которой только и возможно подлинное межкультурное взаимодействие.

Современная научная проблематика

Научная проблематика монографии Н.Г. Солодовниковой и Е.А. Сорокиной, новизна которой видится, на наш взгляд, в поэтапном выявлении методологических оснований эмотивности в применении к традиционным и новейшим типам текстов, становится хорошим основанием для апробирования лингвистических механизмов экологии. Отправным пунктом рассуждений авторов становится понятия эмоционального текста и эмоционального слова. Ставится вопрос о возможности применения к ним единых методических приемов анализа или, напротив, необходимости строго разграничивать эти исследовательские подходы: «А именно, что такое эмотивный анализ – метод или методология, а также – какие особенности реализации категории эмотивности словом в тексте выявляются посредством применения эмотивного анализа к отдельным эмотивам в ультракоротких текстах» [Солодовникова, Сорокина 2021: 58].

В монографии ставится вопрос об эмотивности новых типов речевых произведений, анализ которых предполагает изучение эмотивного потенциала целостного произведения, а не только словесных эмотивов. Например: *Трое в Ирак. Один вернулся*. Все слова в этом ультракоротком тексте (*flash-fiction*) эмотивны, и ни у одного из слов нет эмотивной семантики. При этом можно говорить об эмотивной сверхплотности эмотивной ткани текста [Там же].

Монография содержит в себе установку на обучение читателя основам обращения с прорывающимся наружу посредством речи спектром его эмоций, расширяя его эмоциональную компетентность. Вне всяких сомнений, подобный опыт выражения мира эмоций человека вербальными знаками повышает уровень эмотивной, языковой компетенции читателя, служит гармонизации отношений вступающей во взаимодействие с самой собой и с миром эмотивно-языковой личности [Шаховский 2002].

¹ Писатель Евгений Водолазкин о новом романе, подготовке к смерти, главной удаче его жизни и сути настоящего таланта. URL: <https://zen.yandex.ru/media/snob/pisatel-evgenii-vodolazkin-o-novom-romane-podgotovke-k-smerti-glavnoi-udache-ego-jizni-i-suti-nastoiasce-go-talanta-61eeb1ed0fde8f33ea5334b6> (дата обращения 02.02.2022).

Проблематика монографии представлена в ее структуре, три главы которых определяют широкий спектр теоретического рассмотрения заявленной проблемы: I. Эмотивная лингвоэкология – новая парадигма XXI в.; II. Эмотивная лингвоэкология современных текстов; III. Эмотивная лингвоэкология древних текстов.

Первая глава выстраивается в опоре на три параграфа:

Эмотивная лингвистика – методологическая база эмотивной лингвоэкологии;

Ключевые понятия эмотивной лингвистики в лингвоэкологическом аспекте;

Метод эмотивного анализа для лингвоэкологического мониторинга текстов.

Несмотря на очевидную методологическую направленность этой главы, ее стиль «грешит» лирическими отступлениями, связанными с воспоминаниями о научно-педагогической деятельности основателя школы эмотивности В.И. Шаховского. Неизбежность их «прорастания» в сугубо научную проблематику монографического исследования никоим образом не связана с постмодернистской эклектикой, которая нередко инициирует возникновение таких жанровых гибридов, которые не поддаются никакой типологизации. Оправданность незначительного нарушения чистоты жанра обусловлена, на наш взгляд, невозможностью в вопросах эмотивной лингвоэкологии как новой парадигмы эпохи, современниками которой мы являемся, обойти личность В.И. Шаховского – заражающего окружающих его людей своей преданностью науке, с рыцарским бесстрашием затрагивающего самые неудобные темы, разрабатывающего новые направления в эмотиологии, в числе которых оказалась и лингвоэкология. По сути, данная глава и вводит читателя в проблемное поле этой жизненно важной для нашего будущего дисциплины, в равной степени обнажая речевые пороки современного общества (и делая это столь же честно, как это было свойственно Виктору Ивановичу), и, одновременно, предлагая своеобразную терапию, действенность которой на вызывает сомнения.

Вторая глава «Эмотивная лингвоэкология современных текстов» логично продолжает исследование рассматриваемого авторами проблемного поля лингвоэкологии, но в отличном от прежнего ракурсе: сквозь призму актуальных для сегодняшнего дня текстов. Содержание главы распределяется по шести параграфам. В первом из них – *Неэкологичность эмоциональной коммуникации* – авторы предпринимают весьма успешную попытку анализа информационно-психологической войны, приметы которой обнаруживаются на Telegram-канале. Примечательно, что фиксация речевых действий противоборствующих сторон осуществляется в опоре на выработанную в рамках лингвистики эмоций терминосистему, что позволяет читателю осознать, кто из авторов остается в выигрыше и в чём преимущество победителя этого словесного поединка.

Второй параграф главы *Экологичность эмоциональной коммуникации* выстраивается по законам асимметрии. В качестве примера авторы обращаются к ситуации, когда усилием одного человека вектор явно негативной и потенциально неэкологичной коммуникации меняется на свою противоположность. В центре третьего параграфа второй главы *Амбивалентность модуса экологичности эмоциональной коммуникации* – лексема «молчание». Исследуя обозначенную лексему посредством сопоставления ее семантических и ассоциативных конкретизаторов, авторы считают возможным утверждать следующее: ситуация, которая проходит под знаком молчания, служит иллюстрацией эмоционального и коммуникативного нуля. Последний «может быть как экологичным, так и неэкологичным в силу его семантической амбивалентности и соотнесённости с разными, контрарными или смешанными, эмоциями» [Солодовникова, Сорокина 2021: 120].

Названия четвертого, пятого и шестого параграфов второй главы повторяют названия первых трех лишь с одной оговоркой: если в начале исследовательская оптика была сфокусирована на эмоциональной коммуникации, то теперь с позиции неэкологичности, экологичности и амбивалентности модуса экологичности авторы рассматривают эмотивный текст. В качестве такового в четвертом параграфе выступают тексты, которые представляют собой последнее слово людей, приговоренных к смертной казни. Погружая читателя в современный социокультурный контекст, тексты «последнего слова» создают определенный фон для восприятия других текстов, например, высказанной не так давно идеи о возможном прекращении моратория на смертную казнь.

Пятый параграф включает в себя чуть менее сорока текстов из рубрики «Письма из упаковки», написанных генеральным директором компании «SPLAT» Евгением Деминым в ответ на запросы граждан. Поскольку в числе ключевых слов корреспонденции, адресованной так называемому простому люду, есть такие, как *бережность, доверие, голос сердца, совесть, воспитание терпения, надежда, Родина, воля, эстафета добрых дел, прочность духа, умение радоваться простым вещам, порядочность и самоотдача и т.п.*, на душе становится спокойнее от сознания, что исключения из правил бывают не только в науке, но и в жизни. Дело в том, что экологичность текстов, написанных директором крупной компании, служит доказательством того, что среди акул бизнеса есть руководители с человеческим лицом, исповедующие общечеловеческие ценности.

В шестом параграфе второй главы авторы осуществляют реинтерпретацию разработанного эмотиологией соотношения эмоций и слов [Эмотивный код 2003], которая реализуется под знаком лингвоэкологии. Раскрывая суть метафоры «эмоциональные маски», Н. Г. Солодовникова и Е. А. Сорокина анализируют «типы их взаимодействия, реализующие защитную функцию слов, служащих масками для эмоций» [Солодовникова, Сорокина 2021: 144]. В качестве образцов, иллюстрирующих авторскую позицию, предлагаются тексты известных и любимых россиянами произведений, в числе которых ария мистера Икса из оперетты И. Кальмана «Принцесса цирка», песни А. Пугачевой («Арлекин») и Л. Агутина («Любовь и одиночество»), фрагменты классической литературы (И.А. Тургенев, Ф. Тютчев) и психологии (А. Веди). Вместе с тем, предметом для анализа того, каким образом слова выполняют функцию маски для эмоций, стал эмотивный текст, который получил широкую поддержку у самых разных слоев населения, совершающего длительные прогулки на просторах Интернета:

«Как у тебя дела?»

Хреново. Одиноко. Плохо. Безнадежно.
 В тупике. Предали. На грани слез.
 Усталось от всего. Тревога.
Отлично.
 Раздражение. Холод на душе. Раздавлен.
 Я чувствую что развалюсь
 в любой момент.
 Пустота. Победенный.

Третья глава «Эмотивная лингвоэкология древних текстов» посвящена построению системы аргументации, обосновывающей, что, независимо от времени создания своего творения, всякий словесник «стремится создать экологичный эмотивный художественный текст» [Солодовникова, Сорокина 2021: 159]. Каждый из параграфов главы вносит очередное доказательство верности отстаиваемой авторами позиции.

В первом параграфе древний текст рассматривается *в аспекте эмотивной лингвоэкологии*; во втором – определяются *критерии выявления эмотивности древнего текста и древней лексики*; в третьем – демонстрируется *материал исследования для выявления экологичности древнего эмотивного текста*; в четвертом актуализируется *исторический контекст создания и записи древнеанглийских текстов*; в пятом параграфе древнеанглийское *gedryht* позиционируется как *маркер экологичности англосаксонских поэтических текстов*.

Заключение

Принимая во внимание тот факт, что именно речь служит фундаментом межкультурной коммуникации, выскажем предположение, что в целом монографическое исследование «Эмотивная лингвоэкология современных и древних текстов» Н. Г. Солодовниковой, Е. А. Сорокиной может быть интересно представителям самых разных отраслей научного знания – филологам, культурологам, философам, искусствоведам. Не менее полезным рецензируемый научный труд будет и для музыковедов – педагогов, лекторов, ученых, которые оперируют в своей работе так называемой вербальной музыкой. Неоспоримая ценность этой работы определяется также тем, что сквозь проблему эмотивной лингвоэкологии просматривается портрет нескольких поколений ярких, самобытных, беззаветно служащих науке исследователей, представляющих авангард волгоградской школы лингвистики эмоций и эмотивной лингвоэкологии, а также всю российскую науку.

Литература

Андреева И.Н. Эмоциональный интеллект как феномен современной психологии. Новополюк: ПГУ, 2011. 388 с.

Волкова П.С. Эмотивность как принцип экологической коммуникации: методологический подход // Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве. Волгоград: ВГСПУ «Перемена», 2013. С. 98–115.

Волкова П.С., Шаховский В.И. Эмотивность как метод становления коммуникативной личности (на примере невербального художественного дискурса) // Медиамузыка, 2021, № 1. Режим доступа: http://mediamusical-journal.com / Issues /12_1.html? (дата обращения: 12.03.2021).

Ионова С.В. Лингвистика эмоций – наука будущего // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2019. № 1 (134). С. 124–131.

Ионова С.В. Признаки экологичности и проблема их выделения в лингвоэкологии // Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве. Волгоград, 2013. С. 89–98.

Полухин А.А. Современное языкознание и экологическое мышление // Опыты-2008: Сборник научных работ преподавателей и студентов факультета филологии: Научное издание / Сост. Н. М. Димитрова. СПб: РИО ГПА, 2009. С. 65–73.

Романов А.А., Мальшева Е.В. Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве // Мир лингвистики и коммуникации, 2014. № 34. С. 100–105.

Сковородников А.П. Лингвистическая экология: проблемы становления // НДВШ. Филологические науки, 1996. № 2. С. 64–69.

Солодовникова Н.Г., Сорокина Е.А. Эмотивная лингвоэкология современных и древних текстов. Волгоград: Перемена, 2021. 270 с.

Шаховский В.И. Эмоциональная / эмотивная компетенция в межкультурной коммуникации (есть ли неэмоциональные концепты?) // Аксиологическая лингвистика: проблемы изучения культурных концептов и этносознания: сб. науч. труд. Волгоград: Колледж, 2002. С. 3–10.

Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций: Монография. М.: Гнозис, 2008. 416 с.

Шаховский В.И. От лингвистики эмоций к лингвоэкологии // Язык и мышление: психологические и лингвистические аспекты: Материалы 10-й междунар. науч. конф. Ульяновск, 2010. С. 57–59.

Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве / Под ред. В.И. Шаховского, Н.Н. Панченко. Волгоград: Перемена, 2013. 450 с.

Эмотивный код языка и его реализация. Волгоград: Перемена, 2004. 174 с.

Эпштейн М.Н. наброски к экологии текста // Журнал «Контарии», 1997. № 13. С. 3–41.

Jameson F. Signatures of the visible. N.Y.: Routledge, 1990. 180 p.

П.С. Волкова

кандидат филологических наук, доктор философских наук,
доктор искусствоведения, профессор Краснодарского высшего военного училища
имени генерала армии С.М. Штеменко

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

10 марта 2022 года исполнилось 90 лет нашей дорогой коллеге –
АННЕ ПЕТРОВНЕ КЛИМЕНКО.

Дорогая Анна Петровна!

Примите от любящих Вас российских психолингвистов самые сердечные поздравления с замечательным юбилеем!

Ваш вклад в становление и развитие нашей науки переоценить невозможно. Нам повезло, мы можем гордиться, что в наших рядах есть такой человек, как Вы. Повезло Вашим ученикам и студентам, для которых Вы являетесь ярким примером того, как нужно работать и жить. Все мы восхищаемся Вашим талантом и учимся у Вас верности своему делу.

Дорогая Анна Петровна, Вы нам очень нужны! Долгих Вам лет жизни и крепкого здоровья! Гармонии с окружающим миром! Радости и тепла от родных, друзей и коллег!

Российские психолингвисты

Совсем недавно, как кажется, журнал «Вопросы психолингвистики» поздравлял **Владимира Ильича Жельвиса** с восьмидесятилетием. И вот 90!

Замечательный, невероятный юбилей, если вспомнить, что он пережил блокаду Ленинграда, прошел сложный, полный борьбы, и все-таки победный профессиональный путь. К юбилейной дате Владимир Ильич – известный лингвист-исследователь, блестящий преподаватель-лектор и, отметим особо – от Бога ПЕДАГОГ.

В Ярославле, где много лет живет и работает Владимир Ильич, считают его достоянием города. Он – ярославский краевед, знает и любит поэзию, театр, живопись и архитектуру. Своими знаниями и пристрастиями он щедро делится со всеми, кому так же интересно жить – здесь и сейчас.

Наш журнал представлял читателям не только его научные достижения, но и страстные, яркие, эмоциональные до трагичности публицистические заметки.

Мы тоже считаем Владимира Ильича Жельвиса своим достоянием. Мы счастливы, что вместе дожили до его 90-летия!

Для нас – его учеников, друзей и коллег – он убедительное доказательство того, что профессионализм, достоинство и порядочность могут и должны сочетаться в одном человеке.

С юбилеем, дорогой Владимир Ильич!

Редколлегия журнала «Вопросы психолингвистики»

Наш замечательный **Александр Петрович Сквородников** – профессор кафедры общего языкознания и риторики Сибирского федерального университета, доктор филологических наук, советник ректора СФУ по вопросам гуманитарного научно-образовательного процесса – за подготовку и организацию серии коллективных монографий **«Лингвистика информационно-психологической войны»** удостоен национальной премии

«ЛУЧШИЕ КНИГИ И ИЗДАТЕЛЬСТВА ГОДА – 2021»

Премия учреждена Российской государственной библиотекой, Русским биографическим институтом, «Литературной газетой», культурно-просветительским центром «Орден» в 2000 году.

**Филологический факультет МГУ,
Российский университет дружбы народов,
Московская международная академия
27–28 мая 2022 г.**

проводят

**XX Международный симпозиум по психолингвистике
и теории коммуникации
«Российская психолингвистика:
итоги и перспективы»**

ОСНОВНАЯ ПРОБЛЕМАТИКА:

- **Методология и теория речевой деятельности**
- **Языковое и неязыковое сознание**
- **Проблемы ментального лексикона**
- **Производство и смысловое восприятие речи**
- **Психолингвистические проблемы речевого общения и речевого воздействия**
- **Механизмы смыслового восприятия гипертекста**
- **Проблемы этнопсихолингвистики**

Межкультурное общение: контакты и конфликты

Би-, поли-, транслингвизм: теоретический анализ и практика

Аксиологическое языковое сознание: проблемы анализа

Психолингвистические проблемы перевода

- **Ассоциативная лексикография. Эвристический потенциал ассоциативных словарей**

Русское языковое сознание: динамика и вариативность (конец XX–начало XXI вв.)

- **Онтогенез языковой способности**

Речевые патологии как инструмент анализа речевых практик

- **Новые методы анализа речевых практик: цифровая реальность**

Мультимодальность современной коммуникации

Медиатекст в новой информационной сред.

Современные технологии анализа текста

Психолингвистический анализ больших данных

Новые медиа как материал для психолингвистического анализа

- **Экология языкового сознания и родного языка**
- **Психолингвистические аспекты преподавания русского языка**

ПРАВИЛА ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСИ И ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ

Рукопись, набранная в формате Word, должна быть отправлена по электронной почте на адрес редколлегии журнала: editorial-vpl@yandex.ru. Название файла должно выглядеть следующим образом: Фамилия И.О._Статья. Текст должен быть хорошо вычитан. Рукописи, содержащие ошибки и опечатки, к рецензированию и публикации не принимаются.

К рукописи, направляемой в редакцию, необходимо приложить сведения об авторах: ученая степень, ученое звание, должность и место работы, а также контактный телефон, электронный и почтовый адреса автора (авторов), код ORCID (авторам, у которых пока такого кода нет, рекомендуется его получить, зарегистрировавшись в ORCID: <http://orcid.org/>). Для статей, написанных в соавторстве, необходимо указать автора, с которым будет вестись переписка при рассмотрении рукописи редакцией. Название файла должно выглядеть следующим образом: Фамилия И.О._Сведения об авторе.

Все вопросы, связанные с изменением и уточнением текста в ходе редакторской правки, должны решаться автором (авторами) в строго определенные редколлегией сроки, диктуемые планом издательства. Нарушение сроков ведет к отказу редакции допускать рукопись к опубликованию. Рабочие контакты с авторами осуществляются преимущественно посредством электронной почты, поскольку в редакции нет постоянного дежурства для приема телефонных звонков.

Авторы, предоставляющие рукописи в редакцию журнала «Вопросы психолингвистики», должны следовать Публикационной этике журнала (см. раздел Ответственность авторов). Рукописи, направленные в наш журнал для публикации, проходят обязательную проверку на плагиат текста через систему «Антиплагиат. Эксперт». При выявлении неправомерных заимствований, а также при низком коэффициенте оригинальности текста (<85%) рукопись отклоняется от публикации.

Обзоры и другие статьи, по объективным причинам требующие наличия большего количества цитирований, рассматриваются редакцией в индивидуальном порядке. Приветствуется самостоятельная проверка оригинальности текста в системе «Антиплагиат. Эксперт» с предоставлением справки (в электронном формате) о результатах проверки текстового документа на наличие заимствований.

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ РУКОПИСЕЙ

Все рукописи, поступающие в журнал, в обязательном порядке проходят процесс рецензирования.

Рукопись может быть отклонена редактором на этапе, предшествующем рецензированию, если для этого имеется веская причина (тематика статьи не соответствует тематике журнала; рассматриваемая статья очевидно низкого научного качества или содержит большое количество ошибок и опечаток; в представленных материалах выявлено принципиальное противоречие этическим принципам, которых должны придерживаться авторы(см. Публикационная этика журнала, раздел Ответственность авторов).

Все поступающие рукописи, не отклоненные по вышеизложенным причинам на первом этапе рассмотрения, направляются по профилю научного исследования на рецензию одному из членов Редакционного совета или независимому эксперту по рекомендации члена Редакционной коллегии. К рецензированию не привлекаются специалисты, работающие в том же научно-исследовательском учреждении или высшем учебном заведении, где выполнена работа. В редакции принято одностороннее «слепое» рецензирование – редакторы не раскрывают авторам фамилии рецензентов. Нарушение конфиденциальности возможно только в случае заявления рецензента о недостоверности или фальсификации материалов, изложенных в статье.

Средний срок рецензирования составляет 2 месяца, в зависимости от загруженности экспертов. По итогам рассмотрения рукописи рецензент даёт обоснованные рекомендации о возможности публикации статьи:

1 - Принять без изменений.

2 - Принять после внесения незначительных изменений в соответствии с комментариями рецензента (повторная рецензия не требуется).

3 - Принять после внесения существенных изменений в соответствии с комментариями рецензента (требуется повторная рецензия).

4 - Отклонить. Комментарии, содержащиеся в рецензии, свидетельствуют о низком уровне статьи и невозможности ее доработки до приемлемого уровня.

5 - Отклонить. Статья не соответствует профилю журнала. Может быть рекомендована для публикации в научном издании другого профиля/другой тематики.

Результаты рецензирования направляются автору по электронной почте по адресу, указанному в статье, если иной не оговорен самим автором.

Если в рецензии на статью имеется указание на необходимость ее исправления, то статью направляют автору на доработку. В этом случае датой поступления в редакцию считается дата возвращения доработанной статьи. Доработка статьи не должна занимать более 2 месяцев с момента отправки электронного сообщения авторам о необходимости внесения изменений.

В случае несогласия с выводами рецензента автор статьи имеет право предоставить аргументированный ответ в редакцию журнала. Статья может быть направлена на повторное рецензирование либо на согласование в редакционную коллегию. В случае отказа авторов от доработки материалов им следует в письменной или устной форме уведомить редакцию об отзыве статьи с рассмотрения.

Решение о целесообразности публикации после рецензирования принимается главным редактором, а при необходимости – редколлекцией в целом.

В случае положительного заключения главный редактор журнала определяет очередность публикаций в зависимости от тематики номеров журнала. После принятия редколлекцией журнала решения о допуске статьи к публикации редакция информирует об этом автора и указывает сроки публикации.

Научный журнал теоретических и прикладных исследований.

Включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук ВАК.

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Индексируется в КиберЛенинка, Google Scholar, ERIH PLUS.

Издается с 2003 года. Журнал выходит 4 раза в год.

Перепечатка материалов из журнала допускается только по согласованию с редакцией.

Регистрационный ПИ № ФС 77-38423

ISSN 2077-5911 (print), ISSN 2658-6908 (online)

DOI: 10.30982/2077-5911

Подписной индекс 37152 «Объединенный каталог. Пресса России. Газеты и журналы»; www.pressa-rf.ru, www.akc.ru

© Московский государственный университет, 2022

© ОЧУ ВО «Московская международная академия», 2022

© Авторы, 2022

The journal is included with the peer-reviewed scientific publications. It is approved for publication of the research results of doctoral and habilitation theses by the Higher Attestation Committee (VAK).

The journal is indexed in the Russian Science Citation Index (RSCI), E-library, CiberLeninka, Google Scholar, ERIH PLUS.

4 issues per year.

The journal has been published since 2003.

All rights reserved.

The materials of the journal may not be translated or copied in whole or in part without the written permission of the publisher, except for brief excerpts in connection with reviews or scholarly analysis.

Registration number № ФС 77-38423

ISSN 2077-5911 (print), 2658-6908 (online)

DOI: 10.30982/2077-5911

Moscow, 2022

© Lomonosov State University, 2022

© Moscow International Academy, 2022

© Authors, 2022

Подписано в печать 28.03.2022. Формат 70x100/16. Печать офсетная.

Усл. печ. л.12,5 Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии «Канцлер», г. Ярославль, e-mail: kancler2007@yandex.ru